

Александр Филичкин

Яков Брюс
- МОСКОВСКИЙ КОЛДУН

Александр Тимофеевич Филичкин
Яков Брюс –
МОСКОВСКИЙ КОЛДУН
Серия «Фантазмы», книга 11

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69928546
SelfPub; 2023*

Аннотация

Фантастический роман о сподвижнике царя Петра I, Якове Брюсе, которого москвичи звали «колдуном из Сухарёвской башни». Учёному удалось создать амулет, позволяющий человеку переноситься в поток с замедленным или ускоренным течением времени.

Содержание

Первая глава	6
Яков Брюс. Железная птица	6
Купец Селивёрстов. Приезд в Подгорск	24
Корчмарь. Становление олигарха	29
Прохор. Машина Леонардо да Винчи	38
Глеб. Бабушкина шкатулка	65
Вторая глава	72
Яков Брюс. Гомункулус	72
Купец Селивёрстов. Строительство особняка	105
Корчмарь. Реконструкция особняка	108
Селивёрстова	
Прохор. Мистификация	121
Глеб. Тайник	144
Третья глава	149
Яков Брюс. Огнедышащий дракон	149
Купец Селивёрстов. Слухи о Москве	167
Корчмарь. Ремонт особняка	176
Прохор. Воздушный змей	184
Глеб. Странная находка	196
Четвёртая глава	202
Яков Брюс. Наследие древних алхимиков	202
Купец Селивёрстов. Завершение строительства	211

Корчмарь. Обустройство особняка	216
Прохор. Сын Никита	223
Глеб. Необычные иглы	233
Пятая глава	240
Яков Брюс. Рапирная зала	240
Купец Селивёрстов. Мастерские люди	248
Охранник Корчмаря. Электрик и другие работники	252
Прохор. Крепостные резчики	265
Глеб. Детские воспоминания	272
Шестая глава	277
Яков Брюс. Создание берега	277
Купец Селивёрстов. Слухи в Подгорске	287
Охранник Корчмаря. Немного истории	290
Прохор. Первый вход в машину	296
Глеб. Напутствие деда	300
Седьмая глава	306
Яков Брюс. Усадьба графа	306
Купец Селивёрстов. Террористический акт	317
Охранник Корчмаря. Новое исчезновение	322
Прохор. Музыкальная беседка	337
Глеб. Размышления над артефактом	341
Восьмая глава	347
Яков Брюс. Новые неприятности	347
Купец Селивёрстов. Гражданская война	357
Охранник Корчмаря. Звонок Глебу	362

Проход. Возвращение из волшебной машины	365
Глеб. «Замедлитель течения времени»	377
Девятая глава	383
Яков Брюс. Новое чудо	383
Охранник Корчмаря. Уговор о встрече	392
Проход. Катание на коньках	398
Глеб. «Ускоритель времени»	410
Десятая глава	421
Яков Брюс. Работа с волшебной машиной	421
Охранник Корчмаря. Спасательная операция	428
Проход. Амулет	434
Глеб. Освобождение людей	440
Одиннадцатая глава	448
Яков Брюс. Смерть «чернокнижника»	448
Проход. Переселение на Урал	453
Глеб. Заключение	455

Александр Филичкин

Яков Брюс –

МОСКОВСКИЙ КОЛДУН

Первая глава

Яков Брюс. Железная птица

Стоял летний день 1702 года. Небольшой отряд молодых и крепких людей двигался по узкой пыльной грунтовке, выющейся по лесам и полям. Это была группа «золотой молодежи», приехавшая в Подмоскowie из огромного златоглавого города.

Все они принадлежали к «сливкам» высшего общества славной Петровской эпохи. В войнѣ со шведской державой, наступило небольшое затишье, и бравые военные люди на короткое время вернулись домой на побывку. Скоро им надоело торчать в сонной и очень скучной столице. Тем более, что в такую жару, там не осталось никого из сановных дворян.

Они собрались сплочѣнной дружной компанией, и отпра-

вились в имение своего молодого приятеля, расположенное недалеко от Москвы. Первое время, они веселились на шумных холостяцких пирушках, ездили на охоту на перепёлок и зайцев. Вечерами купались в тихой и тёплой реке, протекавшей недалеко от усадьбы.

Подобные развлечения им быстро наскучили и кто-то, неожиданно вспомнил о том, что где-то поблизости проживает довольно неординарная личность. Хлебосольный хозяин не стал отпираться и рассказал, полупьяным друзьям, что в всё это правда. В пяти верстах от его богатой усадьбы, стоит дом знаменитого Якова Брюса.

Насколько слышал молодой человек, тот недавно вернулся из Новгорода, где командовал крупной дружиной. Князя Ивана Трубецкого, взяли в плен при битве под Нарвой. Вот Яков Брюс и заменял большого вельможу. Как говорят его слуги, он пробудет здесь довольно малое время, и скоро вернётся назад, к месту нахождения царя.

Кому-то из пьяных повес взбрело в буйную голову, что негоже им сидеть в деревне затворниками. Нужно прилично одеться и съездить к такому сановнику. Представиться, выразить своё уважение любимцу царя, а заодно, посмотреть на те чудеса, о которых судачит вся честная Москва.

Ничтоже сумняшеся, господа согласились и кликнули слуг. Велели холопам: – Подать лошадей! – и, мечтая о новой потехе, радостно отправились в гости к соседу.

Их возбуждение легко можно понять. Ведь они ехали не

к кому-то иному, а к тому человеку, который был очень таинственной личностью. Яков Брюс считался не только высшим придворным, но и очень большим чародеем. Недаром, он устроил свой кабинет не где-нибудь, в тихих боярских хоромах, а на вершине многоярусной каменной башни.

Все молодые дворяне с рождения жили в богатой раздольной Москве. Часто ездили по её пыльным улочкам и много раз видели большие палаты, которые возвели по приказу царя Петра I.

Их построили на месте старых деревянных Сретенских ворот. Тех, что вели в Земляной город из ближайших окрестностей. Причём, создали настолько прекрасными, что они восхищали людей своей величиной и неземной красотой.

Огромное здание возвышалась над всей слободой, словно прекрасный корабль над волнами небольшого пруда. Сначала в нём хотели устроить казармы тех самых стрельцов, которыми руководил Лаврентий Панкратьевич Сухарев. Потом, царь вдруг передумал и приказал создать там знаменитую «Навигацкую школу».

Всего полгода назад, возвели шатровую башню с часами и массивным двуглавым орлом на макушке. Она была видна за многие вёрсты вокруг, и оказалась невероятно высокой. Она даже стала соперничать с куполами соборных церквей, расположенных на кремлёвском Боровицком холме.

И вот на такой верхотуре, Яков Брюс устроил себе рабо-

чую комнату. Чем он там занимался, никто не мог точно сказать, но московский народ говорил о нём самое разное.

Все люди, что жили рядом с «Навигацкою школой», в один голос твердили: – Ночь-полночь стоит на дворе, а свет в кабинете очень ярко горит. Да ещё и каким-то странным, неестественным пламенем.

Видно, Яков Брюс крепко связался с нечистой силою. Мол, сидит там, считай до утра и следит за луною и звёздами в большую трубу. Что-то считает и записывает в толстые книги. Говорят, что благодаря своим непомерным познаниям, он может предвидеть всё, что случится в ближайшее время. Причём, как всё скажет, так всё и выйдет.

Люди болтали, что он может вызвать сильное потемнение солнца, а такой скромный пустяк, как исчезновение луны он сотворит без всяких усилий. А всё потому, что у Якова Брюса имеется перстень самого царя Соломона. На той необычной печатке есть пять загадочных слов: SATOR, AREPO, TENET, OPERA, ROTAS.

Как говорят просвещённые люди, сиё означает: – «Можно сим перстнем делать всё разное: к себе печать превратишь, невидим будешь, от себя отворишь все очарования разрушишь, власть над сатаною получишь...».

Но самое главное сокровище каменной башни это знаменитая «Чёрная книга». Она даёт Якову Брюсу волшебное знание всех секретов планеты. Он может узнать, что находится в любой точке нашей земли. Может сказать, что у ко-

го, где и когда было скрыто.

Волшебную книгу сию невозможно ни взять, чтобы прочесть, ни украсть. Она лежит в какой-то таинственной комнате, куда никто не может войти, и не даётся в руки никому из чужих. Дверь стерегут двенадцать самых ужаснейших духов, которые погубят любого, кто посмеет приблизиться к ней.

Когда Петр I узнал о подобном сокровище, то немедленно призвал к себе Якова Брюса. Грозил своему генералу лютой смертью и требовал отдать ему «Чёрную книгу».

Сановник наотрез отказался. Мол, поскольку сей фолиант, написан рукой сатаны, его невозможно открыть никому, даже царю великой России. А, если кто-то его и откроет, то на землю обрушится гнев нашего Великого Господа.

Ещё люди баяли, что по ночам с вершины Сухарёвских казарм доносились такие страшные крики и стоны, которые не мог издавать ни одно земное животное. Ровно в полночь Яков Брюс выходил на верхний ярус той башни и выпускал в тёмное небо своих механических чудищ.

То были большие железные птицы с безобразными человеческими головами. Их так и звали в народе – драконами. Они парили над спящей Москвой и наводили ужас на тех бедолаг, что не успели укрыться под крышей ближайшего дома.

Горожане были настолько напуганы, что обратились с челобитной к царю. Пётр I был вынужден издать особый указ. По его повелению, подобные твари имели право летать лишь

ночную порой. В бумаге так и было написано: — ...дабы не пугать, и не дай Бог, не калечить прохожих людей...

Мало того, иногда и сам Яков Брюс, обращался в крупного чёрного ворона. Вставал на большое крыло и подолгу летал над спящей столицей. Чего он там только высматривал, никому из слобожан неизвестно. То ли искал потаённые клады? То ли хватал припозднившихся путников?

Ходили жуткие слухи о том, что граф ловил ни в чём неповинных людей. Приносил их по воздуху в свою высокую башню. Соединял их с машинами и, с помощью магии, творил из них отвратительных монстров. Ещё, он использовал «Чёрную книгу» и пытался создать гомункулуса. То бишь, искусственное существо, подобное во всём человеку.

Невероятные сплетни быстро подхватили в народе и разнесли их по всей огромной Москве. Обычные люди стали бояться Якова Брюса, и звать его не иначе, как чёрный маг, чернокнижник, колдун. Те грамотеи, кто был знаком с иностранной литературой, звали его Нострадамусом. Только российским.

Узкий пыльный просёлок, был крепко укатан простыми крестьянскими дорогами. Он затейливо вился между компактными тенистыми рощами, и небольшими увалами, отделявшими мелкие подмосковные речки одну от другой.

Под дуновением лёгкого ветра, тихо шелестела листва на деревьях. Шуршали густые высокие травы. Полудённое

солнце часто пряталось в многочисленных кучевых облаках, отчего лётный зной не очень донимал молодых крепких всадников.

До усадьбы оставалось всего лишь несколько верст. Все были веселы, чуточку пьяны и ничего вокруг не предвещало беды. Каждый, в тайне надеялся, что чудаковатый придворный не выгонит их прямо с порога. Даст Бог, он примет их с уважением и ублажит любопытство каким-нибудь невероятным кунштюком. В Москве говорят, что он на них крупный мастак.

Впереди ехали конные слуги вельможных господ. Все они были вооружены острыми длинными саблями. За спиною висели фузеи, а за поясами торчали пистолы с надёжным кремнёвым замком. Они держали в руках новенькие нагайки-трёхвостки и зорко следили за окружающей местностью.

– «Мало ли, что бывает нынче на свете?» – хмуро размышляли они: – «Откуда-то выскочит банда оголтелых разбойников и нападёт на небольшой караван. Не дай Бог, упадёт волосок с головы молодого хозяина, и тогда, всем холопам придётся ответить за это собственной шкурой.

Хорошо, коли просто повесят. Не то, сначала забьют ба-тогами до потери сознания, а потом, если сможешь очухаться, продадут за Урал, на железодельные заводы Никиты Демидова. Там, говорят, жизнь хуже, чем у злобных чертей в их проклятом аду».

Малый отряд миновал небольшой перелесок и оказался на светлой опушке. Он уже приготовился выехать на большую поляну, заросшую густой травой. Вдруг, кто-то из слуг поднял глаза от ближайших кустов и посмотрел на светлое летнее небо. Заметил, там что-то совсем непонятное. Напряжённо вгляделся и, мгновенье спустя, сдавленно выкрикнул: – Железная птица летит!

Сотрясаясь от жуткого страха, он повернулся к хозяевам, и ткнул рукой в сторону маленькой рощицы, стоящей чуть впереди. Весёлый говор господ разом стих. Они с тревогой посмотрели туда, куда указывал конный слуга, и все обомлели от страха.

Из-за макушек ближайших деревьев показалось крылатое чудище, отливавшее ярким металлическим блеском. Огромные крылья плавно двигались вверх-вниз и повторяли это снова и снова. Они были иззубрены по задним краям и походили на перепонки нетопыря.

Испуганные летающим монстром, все лошади громко заржали. Разом поднялись на дыбы и понеслись, что есть мочи неизвестно куда. От резких внезапных рывков, пьяные путники не удержались на сёдлах и один за другим слетели на землю.

Кто-то из спешенных всадников сжался в комок. Закрыв руками свою буйную голову и камнем замер на месте. Он с ужасом ждал, что страшное чудище увидит его и бросится, словно ястреб на курицу. Других юных дворян, немедля по-

кинула обычная спесь. Они вскочили на ноги и стрелую рванулись назад, туда, откуда пришли.

Третьи помчались в разные стороны и, не разбирая дороги, неслись до тех пор, пока хватало дыхания и физических сил. Лишь после этого, они свалились на землю и постарались где-то укрыться. Самые трезвые, мелькнули меж стволами деревьев. Нырнули в кусты и затаились, словно дрожащие зайцы.

Меж тем, «железная птица» отнюдь не устремилась в атаку на группу господ. Бесшумно махая большими крылами, она пролетела над упавшими молодыми людьми. Не обратила на них никакого внимания и скрылась за кронами высоких дубов.

Немного спустя, где-то послышался треск ломаемых сучьев. Следом за этим, раздался громкий отчаянный крик. Столь страшные звуки, напугали дворян значительно больше, чем огромный размер таинственной птицы. Дикие вопли вызвали в душах такой панический страх, что мороз продирает по спине, а кровь стыла в холодеющих жилах.

Каждый живо представил себе того бедолагу, что попался в лапы злобного чудовища. Перед мысленным взором мелькнула картина ужасной расправы. Вот ненасытная тварь рвёт на части несчастного путника и пожирает его бедное тело кусок за куском.

Совсем неожиданно послышался топот множества кон-

ских копыт. Кое-кто из лежавших дворян смог пересилить свой страх. Поднял голову от пыльной земли и великой опаской глянул вперёд.

К их удивлению, на поляне показалась ватага селян, скачущих на неказистых лошадках. Все они мчались со стороны усадьбы Якова Брюса. Впереди держался крепкий мужчина, одетый, словно богатый крестьянин. На нём виднелась рубаха с тонким ремнём, простые порты и кожаные сапоги солдатского кроя.

Причём, он восседал на отличном верховом жеребце. Его конь ничем не уступал тем дорогим скакунам, что имелись у вельможных господ. По крайней мере, они на них гарцевали до тех пор, пока не свалились на землю от ужаса.

Подъехав к опушке поближе, мужчина увидел группу людей, лежащих на пыльном просёлке. Привычно откинулся немного назад и, натянув тугие поводья, резко остановил рысака. Подождал пока приблизятся все остальные холопы и не глядя назад, крикнул смердам, замершим у него за спиной:

– Спешиться и услужить молодым господам! Я посмотрю, что там происходит? – он ткнул рукой в ту самую сторону, откуда минуту назад донёсся душераздирающий крик. Тот ужасающий крик, что был переполнен невыносимым страхом и болью.

– Аким, поедешь за мной. – приказал командир. Потянул повод в правую сторону и дал шенкелей своему скакуну. Пришпоренный конь с места принял в галоп. Поскакал по

дороге и тотчас скрылся за поворотом. Вслед за ним устремился один из наездников.

Остальные крестьяне быстро соскочили на землю. Привязали лошадей к ближайшим деревьям и бросились к молодым господам, безуспешно пытавшимся подняться с земли. Часть холопов рванулась в кусты растущие рядом.

Очень скоро холопы вернулись назад и привели под руки ещё трёх человек. Все они тряслись от дикого страха, как овечьи хвосты. Дорогая одежда у путников была густо изваляна в серой пыли и изодрана острыми сучьями. Длинные волосы сильно всклокочены, лица и руки исцарапаны до крови.

Смерды внимательно осмотрели всех пострадавших и оказали им посильную помощь. Потрясённые видом ужасающей птицы, молодые дворяне оторопело молчали и безропотно подчинялись указаниям обычных крестьян.

Немедленно выяснилось, что несколько путников получили ушибы ног и спины. Один сломал левую кисть. Ему ловко наложили тугую повязку из кушака, снятого с одного из холопов.

Всех господ посадили на низеньких крепких лошадок, на которых обычно работают в поле. Взяли под уздцы послушных животных, и повели напрямик через большую поляну. Судя по всему, двигались они направлению к барскому дому Якова Брюса.

Не забыли и раненых слуг вельможных особ. Крестьяне не бросили их лежать на земле, а занялись ими чуть погода. Отыскали в подлеске несколько невысоких деревьев, толщиной в два пальца. Срубили топорами под корень и ловко очистили от тоненьких веток.

Осторожно подняли болящих на сильно дрожащие ватные ноги. Дали им в руки наскоро сооружённые посохи и отправили вслед за их господами. Двух, наиболее пострадавших холопов повели, поддерживая с обеих сторон. Остальные отделались очень легко. Они получили лишь несколько слабых ушибов и ссадин.

Увидев спокойных крестьян, все слуги отметили, что те совсем не боялись чудовищной птицы. Глядя на местных холопов, они быстро очухались, и вместе с прибывшими взялись за привычное дело.

Стали собирать вещи дворян, лежавшие на пыльной дороге. Ходить по ближайшим полянам и ловить лошадей, разбежавшихся в разные стороны. Ведь пропади что-то из добра вельможных хозяев, им не избежать крепкой порки.

Кавалькада из крестьянских лошадок пересекла двор усадьбы и остановилась возле большого крыльца огромного дома. Вываленные в мелкой пыли и, избитые при падении с сёдел, молодые дворяне подняли глаза от дороги. Их взгляды наткнулась на человека, который руководил ватагой спасателей.

Каким-то неведомым образом, он и его подручный Аким прибыли сюда раньше вельможных хозяев. Мужики быстро спешили и встали возле простой волокуши. Они помогали подняться с неё какому-то очень бледному парню. Вокруг суежилась многочисленная дворовая челядь.

На первый взгляд, привезённый ими, крестьянин пострадал сильнее всех окружающих. Кроме правой руки, подвязанной к шее простым кушаком, у него была сломана ещё и нога. Лицо заливала ярко-алая кровь, а всё тело покрыли глубокие рваные раны.

К вящему удивлению прибывших господ, простому холопу оказали больше внимания, чем важным сановным гостям. Слуги Якова Брюса подняли его на руки и первым отнесли в большой барский дом.

На крыльце стоял грозный владелец имения и хмуро смотрел на незваных людей. Выгнать их прямо с порога он сейчас просто не мог. Во-первых, это не соответствует христианской морали. Ведь некоторые из этих повес были ранены, а двое из них весьма тяжело.

Во-вторых, они благодаря неумению, упустили своих лошадей, и неизвестно когда их переловят холопы? В-третьих, насколько помнил мужчина, вон тот чумазый балбес, приходился старшим сыном соседу, что жил в непосредственной близости.

Яков Брюс привычно одёрнул себя. Развёл руки в стороны в приветственном жесте и широко улыбнулся. Он много

лет служил дипломатом на благо отечества. Научился владеть своим худощавым лицом и тотчас пустил свои навыки в дело.

– Добро пожаловать к нам, господа! – радушно сказал он прибывшим дворянам: – Я так рад, что вы, наконец-то, смогли меня навестить в этой Богом забытой глуши. Не обессудьте, но вы по незнанию, подъехали к «чёрному» входу, через который обычно ходят только холопы. Поэтому, сейчас вас проводят к крыльцу, ведущему в приёмную залу и чистые комнаты.

Брюс посмотрел на своих вдруг оробевших рабов и строго спросил: – Слышали, что я говорил?

Испуганные эти вопросом, крестьяне поняли свою большую ошибку и враз закивали. Тотчас взяли лошадей под уздцы. Осторожно их развернули и повели небольшой караван в обход барского особняка.

Там незваных гостей снова встретил всё тот же весёлый хозяин. Он не пошёл вместе с дворянами, а проскочил через дом напрямки, сквозь «половину для слуг».

– Проходите, пожалуйста, в мою скромную хижину. – сказал он радушно: – Холопы покажут вам комнаты, где вы сможете чуть-чуть отдохнуть и привести вашу одежду в надлежащий порядок.

Ливрейные лакеи толпой сбежали с крыльца и бросились к прибывшим дворянам. Подставили руки и спины гостям и помогли им слезть с неказистых крестьянских лошадок.

Участливо взяли раненых под руки. Повели в барский дом и разместили по светлым, отлично обставленным комнатам. Там всё убранство и мебель были сделаны по последнему веянию моды.

В гостевых помещениях уже всё оказалась готово к приёму высокородных господ. Лежали куски душистого нежного мыла и чистые полотенца из тонкого льна, расшитые шёлковой нитью. Рядом стояли кувшины с тёплой водой и большие лохани, в которых можно было спокойно сидеть.

Возле каждого такого «прибора» находился слуга, который помогал умываться молодому вельможе. Лил воду тонкой струёй на грязные руки, лицо или тело. Угадывал каждое желанье барина и подавал то, что ему было нужно в данный момент.

Другие холопы занимались повреждённым платьем прибывших особ. Чистили сильно запylённую ткань. Латали прорехи и пришивали к штанам и камзолам позументы и пуговицы, оторванные во время недавней конфузии.

Минут через сорок пять, пятьдесят, молодые люди отмылись от грязи и пыли. Оделись в отремонтированную одежду. Привели себя в полный порядок и вышли из шикарных покоев, отведённых им гостеприимным владельцем усадьбы.

Услужливые домашние слуги и здесь не бросили важных гостей. Низко им поклонились. Сказали, где их ожидают, и проводили к широким стеклянным дверям, ведущим на

большую веранду.

Увидев Якова Брюса, дворяне окружили его плотным кольцом, и загомонили, как простые крестьяне на ярмарке. В общем гвалте речей мужчина с трудом уловил одни и те же слова. Они произносились удивительно часто и повторялись в разных контекстах: —... железная птица ... летела ... на кого-то напала ... кто-то в лесу ужасно кричал ...

Хозяин поднял руки перед собой и произвёл кистями какие-то таинственные лёгкие пасы. Наконец, ему удалось привлечь внимание возбуждённых людей. Все внимательно посмотрели на странные движения пальцев. Постепенно умолкли, а затем и совсем успокоились.

— Господа! — воскликнул Яков Брюс в тишине: — Пожалуйста, не волнуйтесь вы так. Железная птица уже улетела далеко-далеко. Она вернулась в свою родную пещеру и в ближайшее время не вернётся назад.

Я вам обещаю, что приму к этому все нужные меры и приложу все усилия, чтобы закрыть ей путь в нашу вселенную. А сейчас предлагаю вам отобедать. Пройдемте со мною в столовую. Подкрепим наши слабые силы.

Услышав такие слова, молодые дворяне немедленно воспрянули духом и облégченно вздохнули. Двинулись вслед за хозяином. Прошли по анфиладе богато украшенных комнат и оказались в уютной, прекрасно украшенной зале.

Здесь стоял круглый стол, всего-то на десяток персон. Видно эта небольшая гостиная предназначалась лишь для

приёма самого узкого круга гостей. На почётном месте висело массивное кресло, больше похожее на царственный трон.

По обе стороны от него расположились добротные французские стулья, с высокими удобными и мягкими спинками. На белоснежной скатерти стояла невероятно богатая утварь, украшенная монограммой хозяина.

Дверь в залу, ведущая вглубь особняка, тотчас открылась. Показались ливрейные слуги, несущие кувшины с вином и большие подносы с аппетитными блюдами. По воздуху разлился аромат изысканных кушаний.

– Устраивайтесь, пожалуйста, кто, где захочет. – сказал радушный хозяин: – Сегодня мы здесь все без чинов.

Дворяне немедля расселись. Подоткнули салфетки за ворот и обед начался.

Ближе к позднему вечеру, сытые гости откланялись и вернулись в дом своего молодого хлебосольного друга. Назад добрались без приключений и стали залечивать раны, полученные во время неудачной поездки к соседу.

Через какое-то время, молодежь оправилась от тяжёлых падений. Те, кто не мог ехать верхом, сели в кареты. Короткий обоз выехал за ворота большого имения и, никуда не спеша, поехал в столицу.

Спустя пару недель, по Москве поползли очень странные слухи. Мол, Яков Брюс, в какой уже раз, опять прибег к кол-

довству. Создал несколько чудовищных птиц из железа. При помощи кольца Соломона наложил на них заклятие повиновенья и поселил в какой-то соседней вселенной.

Скорее всего, он разместил их в сопредельном нам мире. В том, что зовётся загробным. Теперь чернокнижник каждый день вызывает к себе одну из этих страшных и прожорливых тварей. Садиться ей на широкую спину и облетает своё большое имение.

Но самое ужасное заключается в том, что огромные потусторонние птицы имеют две обыкновенных руки и человечесью голову с клыками дракона.

Купец Селивёрстов. Приезд в Подгорск

Двадцать седьмого марта 1914 года газета «Вестник Подгорска» вышла с обычным набором ничего незначащих новостей. Среди всего прочего она сообщила:

– «Как известно нашим постоянным читателям, Трёхгорская губерния довольно дремучее место, расположенное в самом медвежьем углу нашей огромной страны. Тем более удивительно, что её вдруг посетила чрезвычайно неординарная личность. Мало того, она заглянула в наш весьма захолустный город Подгорск.

Речь идёт о том человеке, который хорошо известен в верхнем и среднем Поволжье. Это один из богатейших купцов Великой России – Селивёрстов Михаил Афанасьевич. Он прославился тем, что сколотил огромные деньги на торговле твёрдой пшеницей. Пшеницу он поставлял в страны Европы и Азии.

Наш постоянный корреспондент встретил его на железнодорожном вокзале Подгорска и задал интересующий всё население вопрос: – «Что привело столь известного предпринимателя в, Богом заброшенный, край?»

На что, уважаемый гость любезно ответил: – «Что-то мне надоело мне зерном торговать. Скучное это занятие, мало

мне интересное. Вот я и решил заняться производством деловой древесины. Я уже откупил у казны несколько крупных участков тайги. Протяну к ним узкоколейку. Построю там лесопильный заводик и начну торговать переработанным лесом.

Сейчас вся Россия переживает, как говорят в далёкой Америке, настоящий промышленный бум. Значит, все ближайшие годы, стройматериалы будут идти нарасхват. Так что, могу вас уверить, внакладе я не останусь».

Спустя всего несколько дней, газета разразилась новой сенсацией: – «Одновременно с прокладкой железной дороги, господин Селивёрстов М. А. занялся возведением личного дома.

Для этого он купил просторный участок в самом центре Подгорска, на Старо-Богородческой улице. Прямо напротив православного храма. Снёс те гнилые халупы, что ранее принадлежали управе. Нанял большую бригаду местных строителей и принялся за рытьё котлована.

Как стало известно нашей дотошной редакции, г-н Селивёрстов М. А. заказал проект прекрасного дома прославленному Санкт-Петербургскому зодчему. Ходят упорные слухи, что он заплатил за работу гигантские деньги. Судя по чертежам, которые нам удалось мельком увидеть, это будет весьма необычное здание.

Сооружение очень сильно походит на знаменитую Сухарёвскую башню. Для наших постоянных читателей мы да-

дим короткую справку. Она была возведена в златоглавой Москве в 1692-1695 годах выдающимся зодчим Михаилом Ивановичем Чоглоковым.

Её построили взамен старых деревянных ворот, что стояли в крепостной охранной стене, на улице Сретенке. В те времена, эти ворота вели из предместий в, так называемый, «Земляной город». То есть в ту часть столицы, которая служила четвёртым кольцом обороны сердца Великой России – Боровицкого холма, стоящего по-над Москвою-рекой.

Сейчас рядом с той замечательной башней находится крупная торговая площадь. На ней размещается рынок, печально известный на всю нашу страну. Это, так называемая, знаменитая Сухаревка, прославленная своими криминальными жителями. О них очень живо писал господин Владимир Алексеевич Гиляровский.

Согласно древним преданиям, сия огромная башня воздвигнута по личному указу Петра. Якобы она названа в честь Лаврентия Сухарева – полковника стрелецкого полка, что размещался в те годы в районе улицы Сретенки. Сей brave военный известен нам тем, что во время стрелецкого бунта 1689 года в Москве, остался верен молодому наследнику престола России.

В тот страшный год Пётр I бежал от своей жестокой сестры царевны Софьи. Он скрылся в Сергиевой лавре, где полк Сухарева встал на защиту наследника трона. В благодарность Богу за столь неоценимую помощь, юный царь прика-

зал построить на месте старых деревянных ворот новые, из кирпича.

Архитектурный шедевр представлял собой трехэтажные палаты со сквозным проездом в середине. Увенчано великолепное здание четырехъярусною шатровой башней. В ней размещены большие куранты, а на верхушке находится величественный двуглавый орёл.

Учёные утверждают, что во время своего путешествия по западным странам Европы Пётр I обратил внимание на внешний вид тамошних ратуш. То ли голландских, то ли германских? Здесь у историков нет общего мнения. По замыслу молодого царя, это творение должно походить на прекрасный корабль с высокою мачтой.

Галереи верхнего яруса представляли собой, якобы, палубу огромного судна. Восточная сторона – олицетворяла нос, западная – подразумевала корму. А символизировало сие построение, продвижение высокой культуры, пришедшей к нам на «дикий восток», с «просвещённых науками» запада.

Более двух с лишним веков башня являлась одной из основных доминант златоглавой Москвы. Росту в той стройной красавице ровно девяносто аршин. Вот почему горожане кличут Сухарёвскую башню «невестой Ивана Великого».

Если кто-то не знает, то сообщим, что «Иваном Великим» москвичи называют всемирно известную звонницу, стоящую на Соборной площади седого Кремля. Насколько известно редакции, золочёная маковка церкви достигает ста пятна-

дцати аршин.

Весьма долгое время в Сухарёвской башне работала астрономическая обсерватория, которую там устроил сподвижник Петра – Яков Вилимович Брюс. В связи с чем, в народе ходило великое множество потрясающих слухов и невероятных легенд.

Говорили будто бы Яков Брюс настоящий колдун. Он знал, сколько звёзд находится в небе. Умел превращаться в огромную чёрную птицу и прочих животных. Изобрёл мифический «философический камень» и «эликсир вечной юности». Плюс ко всему, хранил в башне легендарную «Чёрную книгу» – кладёзь бесовской премудрости.

Будет ли новый дом купца Селивёрстова столь же красивой и высокой постройкой, как знаменитая Сухарёвская башня в Москве, покажет нам время. Как только редакции станет об этом известно, мы дадим вам подробный отчёт».

Корчмарь. Становление олигарха

Николай Корчмарев появился на свет в тихом российском райцентре. В посёлке под названием Заборское, затерянном в дремучей сибирской тайге. Начинал мальчик, так же, как и все прочие его одноклассники.

Родился в простой рабоче-крестьянской семье. Рос, можно сказать, просто на улице. Там всегда находился без особого присмотра родителей, вечно занятых тяжёлой неинтересной работой.

Учился в обычной десятилетке. Слегка хулиганил и дрался, как все остальные мальчишки страны, но не отличался от них ни особенной злобой, ни звериной жестокостью.

В общем и целом, был средним подростком. Без особых трудов постигал школьную мудрость. Переходил из одного класса в другой и благополучно получил аттестат, наполненный «твёрдыми тройками».

Полгода проболтался в посёлке без всякого дела. Потом, получил повестку из местной военной комиссии. Собрал вещмешок и вместе с ровесниками ушёл в доблестную Советскую Армию. Отбыл «срочную» на Дальнем Востоке страны.

Вся служба прошла совершенно нормально. Обошлось без всяких наград, но и без очень крупных взысканий. Де-

сятка два «нарядов вне очереди», да пара суток «губы», конечно, не счёт. После своевременной демобилизации сразу вернулся в родной городок. Там какое-то время искал, куда бы пристроиться?

В те давние годы, свободные вакансии, конечно же, были, но ничего интересного для него не нашлось. Не лежала у парня душа к общественно полезным трудам с восьми утра и до позднего вечера.

К тому времени, отец Николая уже почти спился, но иногда выходил из запоя и, на короткий период, обретал необычную ясность ума. В один из таких замечательных дней, на папаню снизошло просветление.

Он посоветовал сыну «положить хрен» на работу, где всё равно ничего не получишь. Взять документы и двигать на службу в милицию. Глядишь, чего-нибудь, там и обломится?

Бывший солдат всё так и сделал. Пошёл в местное отделение внутренних органов, где написал заявление. Там убедились, что за ним не имелось «крупных криминальных грехов» и быстро проверили на благонадёжность.

Не обнаружив за Колей склонности к «свержению конституционного строя», его послали на краткосрочные курсы милиции. Через несколько месяцев, он их успешно закончил. Вернулся на родину рядовым МВД и начал работать по новой специальности.

Вот только служил он не столько трудовому народу и великой советской державе, сколько своим командирам и их

бездонным карманам. Благодаря такой простой установке, он быстро продвигался в чинах и наградах.

Он обретал новые лычки, а затем и мелкие звёзды, на серых погонах, а так же почётные грамоты, полученные им за «безупречную» службу. Вместе с этим, он обретал и большое влияние.

Сначала стал довольно заметным лицом в среде хулиганов своей родной улицы. Потом, в уголовной тусовке ближайших районов, а затем, и в бандитских кругах всего городка.

Вот так и вышло, что ко времени разрушения Союза, он уже стал начальником местной милиции. Заодно он успешно «курировал» весь криминал населённого пункта – Заборское.

Был, так сказать, крёстным отцом всей районной преступности, которая, в основном, состояла из его школьных друзей, хороших знакомых и просто людей, живущих с ним по соседству.

В ходе «прихватизации» половину всей социалистической собственности честно разделили между собой два человека – секретарь Заборского райкома КПСС и председатель райисполкома.

Как представитель карательных органов, Николай тоже не остался «в пролёте». Он сумел прибрать к липким рукам почти четверть предприятий округа. Ещё столько же досталась прокурору и другому начальству, сидевшему на разных уровнях исполнительной власти.

Всё остальное «богатство народа» обрушилось на головы всех прочих сограждан. Так их благодетельствовал незабвенный «товарищ» под фамилией Ельцин. Правда, благодарные люди этого почему-то совсем не заметили и кляли напрапалую «беспалого чёрта».

Оно и понятно, вклады в Сбербанке, что копились все долгие годы, вдруг стремительно превратились в пустые нули. Несмотря на такое несчастье, руководитель страны, так и не лёг на ржавые рельсы, как всем обещал. Хотя, вполне мог бы это проделать.

Например, в промежутки между теми составами, которые ходили всё реже и реже. Соответственно, он не дал отрубить себе, ни одну из своих загребущих «граблей». А ведь этим, чисто символическим, жестом он смог бы чрезмерно порадовать любимых сограждан.

Нужно сказать, что со знаменитыми ваучерами тоже вышла полная хрень. Вместо трёх легковушек, обещанных каждому гражданину страны, люди получили разную мелочь. Те, кто был половчее, сменял те цидулки на туфли или на пару батонов плохой колбасы. Остальные законопослушные граждане отнесли их в различные фонды, возникшие, словно поганки после дождя.

Спустя год, прояснилась судьба тех дурацких бумажек. Взамен обещанных благ, народ получил горячий привет. Его послали подельщики бывшего зав. районного отдела милиции. Или, как его стали все называть – Корчмаря.

Все руководители паевых фондов обосновались в далёких заморских державах с прекрасным умеренным климатом. Они там совершенно не бедствовали и почему-то совсем не спешили возвращаться назад.

В отличие от других соотечественников, сам Николай не понёс никакого ущерба. Скорее наоборот, он приобрёл очень многое. В том числе собственность, построенную советским народом в Заборском районе, но по какой-то непонятной причине не проданную во время большого «хапка». Вернее сказать, просто сменял непонятные ваучеры, скупленные у людей за бесценок, на прекрасно работающие заводы и фабрики.

К своему сожалению, Корчмарь очень скоро узнал, что почти вся продукция, производимая в городе, совершенно никому не нужна. У обнищавших вдруг россиян не было денег на покупку вещей. Заработанных средств, только-только хватало на плохую одежду и очень скромную пищу.

Ну, а буржуи с «просвещенного» запада или с востока не особенно нуждались в подобных товарах, своих девать было некуда. Недолго думая над этой проблемой, новый владелец выгнал своих несчастных сограждан на улицу. Закрыв все предприятия и продал работоспособные станки и машины, как металлический лом.

К огромному огорчению Коли, в ближайшей округе не имелось месторождений полезных ископаемых. Несмотря на все усилия местных геологов, им не удалось отыскать ни цен-

ных металлов, ни нефти, ни газа.

В связи с таким положением дел, новый хозяин заводов и фабрик мог предложить иностранцам лишь древесину. Да и то, в большей части своей, обычный кругляк. С тех самых пор в Заборском районе исправно работали лишь одни дровосеки и их большие друзья – лесовозы.

К этому времени, ушлый Корчмарь, а если читать по советскому паспорту, то – Корчмарёв Николай Александрович, почувствовал, что уже вырос из детских штанишек «первоначального ограбления народа». Решил, что пора изменить свою жизнь и выходить на более значимый уровень.

Нежданно-негаданно для всех окружающих, он написал заявление и в одночасье уволился из внутренних органов. Так сказать, покинул родную милицию, которая в один прекрасный момент стала ему весьма неприятной.

После чего, он уехал из тихого райцентра Заборское. Переселился в соседний город Подгорск, где купил себе замечательный дом на окраине. Обустроил его по последнему слову дизайнерской моды и неожиданно понял, что это вовсе не то, чего он всю жизнь так сильно хотел. Мохнатая сущность простого мента, перестала сутулиться. Вдруг распрямилась и, наконец, развернулась на полную ширь.

Мало того, в ней возникла непреодолимая тяга, ко всему очень крупному и очень богатому. Теперь душа жаждала чего-то особого. Например, такого жилья, что было значи-

тельно круче, чем тот особняк, который он недавно купил у бывшего городского начальника. Ей захотелось владеть каким-нибудь памятником районной культуры, находившимся в «старом центре» Подгорска.

Корчмарь сел в свой длинный и чёрный, как ночь, «Мерседес». Объехал весь город. Дотошно всё осмотрел и приметил большой особняк бывшего купца Селивёрстова. Он любовался необычным строением и, на манер господина Манилова, стал фантазировать, что можно с ним сделать?

В основном, он думал о том, как откупить это здание у местных властей. Причём, желательно, как можно дешевле. Привести все фасады в надлежащий порядок и возвести высокую башню, снесённую неизвестно когда.

Сделать внутри старой постройки отличный ремонт и провести в нём новоселье в стиле прежних дореволюционных времён. Нечто вроде старинного бала. Туда бы он смог пригласить весь финансовый цвет Трехреченской области.

Глядишь, люди из местной «элиты», захотят посмотреть, во что он превратил полуразрушенный дом с очень длинной историей. Любезно примут его приглашение. Приедут на вечеринку, и, хочешь не хочешь, а познакомятся с новым хозяином. Тогда у него, наконец-то, появиться выход на более высокие сферы крупного бизнеса.

Придумав столь блистательный план, Николай стал воплощать его в жизнь и развил чрезвычайно бурную деятельность. В первую очередь, он поднял все связи среди преступ-

ников области и среди депутатов городского совета. Как это часто случается в нашей стране, в обоих сообществах мелькали одни и те же фамилии.

Кому нужно – Корчмарь хорошо заплатил, кого можно прижать – запугал. Очень скоро, все решения местных властей были приняты, а бумаги оформлены чин-чинарём. Не придерёшься ни к одной запятой. Затем из старинного дома вывезли «Дом пионеров», который находился там лет пятьдесят, а то и побольше.

Нужно сказать, что по данному поводу в городе поднялась большая шумиха. Возмущённые граждане звонили на радио, писали в газеты и даже собрались на митинг, проведённый на площади возле здания мэрии. Пришлось чиновникам выступить в прессе и высказать своё драгоценное мнение.

Вечно улыбавшийся мэр, которого Корчмарь пару раз брал на очень жареных фактах вдруг встрепенулся. Позвонил в редакцию газеты «Вестник Подгорска», возрождённую полгода назад. Вызвал к себе в кабинет журналиста и дал ему интервью.

Он не стал растекаться мыслью по древу, как приснопамятный всем Мишка Горбатый. Он прямо сказал, как отрезал: – Да кому нужны все те пионеры, из которых проклятая советская власть ковала себе мелких подручных? Нам нужны новые формы работы с молодыми людьми. Сейчас идёт разработка концепции и скоро мы представим её нашему дорогому сообществу.

А пока, суть да дело, зачем разрушаться опустевшему зданию? Тем более, что такой авторитетный мужик, как Корчмарь... Извините, оговорился... – быстро поправился мэр. Отпил минералки из трёхсотграммовой бутылочки и бодро продолжил: – Тем более, что господин Корчмарев, ходатайствует о выделении ему хоть какой-то жилплощади.

Ну, а теперь насчёт нелепых слухов о том, что он уже имеет большой особняк, расположенный, где-то за городом. Мы всё дотошно проверили и выяснили, что там живёт его старая мама. Она имеет очень вздорный характер и с ней никак не возможно ужитья в том маленьком доме.

Мало того, Николай Александрович подписал договор с нашей мэрией. В нём он клянётся вернуть зданию его древний исторический облик, что очень украсит «старый центр» нашего прекрасного города. Будет, что показать приезжим туристам.

Прохор. Машина Леонардо да Винчи

Яков Брюс происходил из древнейшего шотландского рода. Среди его славных предков были не только графы и герцоги, но и даже два короля. Больше всех знаменит Роберт Брюс – освободитель Шотландии.

Он правил в начале XIV века под именем Роберта I. Кроме всех прочих деяний, он основал Орден святого Андрея, объединившего тамплиеров, живших в то время на севере острова Великобритания.

Его младший брат – Эдуард Брюс, занимал трон соседней Ирландии. Он тоже являлся одним из самых влиятельных магистров ордена храмовников. Так продолжалось до наступления «чёрной пятницы», 13-го октября 1307 года.

Именно в тот страшный день римский папа Климент V и французский король Филипп IV Красивый, разгромили чрезвычайно богатое братство монахов. После буллы, принятой тогдашним понтификом, вся Европа поднялась войной и принялась истреблять тамплиеров. Лишь Испания и Ирландия дали приют случайно спасшимся рыцарям.

После трагической гибели двух королей, род Якова Брюса уже никогда не возносился так высоко, как было когда-то. В середине XVII века в Англии началась буржуазная революция, которая перешла в кровопролитную гражданскую бой-

ню. Семья Брюсов бежала от наступающих войск Оливера Кромвеля. Спешно покинула остров и поплыла искать счастья по странам Европы.

Скоро дед Якова Брюса, тоже Яков, получил приглашение русского царя Алексея Михайловича. Он приехал в Москву в 1649 году, где получил чин офицера. Долго и верно служил новой отчизне. Удостоился звания генерал-майора. Командовал псковским полком стрельцов вплоть до своей смерти в 1680 году.

Отец Якова Брюса, Вилим пошёл по стопам славного деда. Участвовал в двух продолжительных войнах, где получил несколько ран. За доблесть, проявленную в ходе сражений, ему были пожалованы большие поместья возле Москвы.

В 1658 году он был произведён в чин полковника. Во время новой войны с турецким султаном, случившейся в 1695 году, оказался недалеко от селенья Азов, где и погиб в неравном бою.

Сам Яков Вилимович Брюс родился в Москве, в 1670 году. Жил в ближнем пригороде, в, так называемой, Немецкой слободе, которую в русском народе почему-то прозвали «Кукуй».

Общеобразовательных школ в те давние годы там ещё не было. Мальчик учился всему дома у преподавателей, нанятых богатым отцом. Как ни странно, но для того трудного времени, он получил прекрасное всестороннее образование.

Особенно Яков пристрастился к естественным наукам и

математике, которыми занимался всю долгую жизнь. Причём, большую часть своих огромных познаний, он получил в результате самостоятельного изучения книг.

В четырнадцать лет, любознательный Яков свободно беседовал на трёх языках. Чуть позже он добавил к ним ещё три, а то и четыре. Как вспоминают его современники, он был весьма обаятелен и чрезвычайно остёр на язык.

Отец Якова погиб на войне, когда мальчику исполнилось всего одиннадцать лет. Прошло всего лишь два года, и он вместе со своим старшим братом Робертом, решает стать военным, как все мужчины их славного рода.

В те времена люди очень быстро выросли, не то что сейчас. Братья Брюсы не были исключением из общего правила. В 1683 году, не достигнув пятнадцатилетнего возраста, они записались в «потешный полк», основанный юным Петром. Там и познакомились с будущим императором Великой России.

Яков Вилимович Брюс родился на два с лишним года раньше, чем юный наследник престола. Он был для Петра слишком взрослым и не мог находиться рядом с ним всё своё свободное время.

Царь жил под Москвой, где предавался «марсовым потехам»: учил ребят ходить сомкнутым строем и стрелял из пушек пареной репой. Тем временем, Яков уже продвигался по службе. По истечении трёх с половиною лет, он получил первое обер-офицерское звание – прапорщик.

В 1687 и 1689 годах он принял участие в Крымских компаниях, которые возглавлял князь Василий Васильевич Голицын, фаворит царевны Софьи. К сожалению Кремля, обе вылазки закончились для России печальной конфузией. Несмотря такой результат, Яков был награждён, как за первый неудачный поход, так и за второй, не менее провальный, чем предыдущий.

Он получил деньгами по двадцать пять тысяч рублей и поместье в сто двадцать четвертей прекрасной подмосковной земли. По нынешним меркам, эта площадь равняется шестидесяти пяти с половиной гектаров.

Приняв столь щедрую царскую милость от Софьи, старшей сестры молодого Петра, Яков покинул на время ратную службу. Уехал в дарованное ему небольшое имение и стал приводить хозяйство в порядок.

Среди своих крепостных крестьян Яков Брюс сразу приметил пятнадцатилетнего отрока по имени Прохор. Пригляделся к нему повнимательней и разглядел в нём безусловный талант и неуёмную тягу к познанию.

Паренёк служил подмастерьем у местного кузнечного мастера. Хорошо ковал мелкие вещи. Немного разбирался в примитивной механике и даже пытался освоить ювелирное дело. Причём, как говорили крестьяне, одним самотыком. Новый помещик взял подростка в Москву и отдал в ученики к известному часовщику.

Спустя один год, хозяин собрался на очередную войну и вдруг обнаружил, что его дорогой английский хронометр неожиданно встал. Яков Вилимович и сам бы мог его починить, да только времени уже не имелось. Сильно расстроенный барин кликнул слугу и приказал привести к себе Прохора.

Крепостной работал в часовой мастерской. Она находилась поблизости от московского дома помещика, что стоял возле Сретенских ворот. Там подросток проходил обучение и всегда, по первому крику, был готов примчаться к своему господину.

Услышав приказ, Прохор бросил все остальные дела и рванулся на зов. Прибежал в барский дом и, сильно робея, вошёл в кабинет, где сидел Яков Брюс. Тот сунул ему в руки карманный хронометр. Велел посмотреть, можно ли в нём, хоть что-то исправить и занялся другими делами. Домой он уже не вернулся. В тот же вечер отбыл в Санкт-Петербург, где присоединился к свите Петра.

За время отсутствия барина, Прохор не только починил механизм, но ещё и сделал его точную копию. Она оказалась настолько хорошей, что ничем не отличалась от оригинала. Когда Яков Брюс вернулся с войны, юный умелец отдал господину вместо одних, сразу двое часов.

Тот внимательно их осмотрел и не нашёл какой-либо разницы. Пришлось Прохору объяснить, в чём тут загвоздка? Всё дело заключалось лишь в корпусе. У оригинального хро-

нометра он был золотой, а у дубликата из полированного медного сплава. Причём, цвет оказался подобран так тщательно, что на первый взгляд один во всём походил на другой.

Яков Брюс так удивился мастерству крепостного, что позволил слуге оставить новый хронометр у себя, до особого случая. Кроме того, он поселил его в своём большом доме. Обустроил ему мастерскую по последнему слову науки и техники и назначил умельца личным механиком.

С тех пор, почти все нужные хозяину вещи, механизмы и инструменты изготавливал Прохор. Чаще всего, по рисунку своего господина. По крайней мере, так было с теми предметами, с которыми он мог самостоятельно справиться.

С течением лет народный талант освоил и сложное стеклотрувное дело. Так у вельможного барина отпала нужда в покупке дорогой тонкостенной посуды для проведения сложных химических опытов.

Яков Брюс и сам был умельцем, на все руки со скуки. К своему сожалению, он часто бывал на войне. Отсутствовал в долгих разъездах и много работал с бумагами, присланными от различных сановников и даже царя. Так что, не мог уделять различной механике столько драгоценного времени, сколько ему самому бы хотелось.

Время быстро летело вперёд, и с годами Прохор вырос и мужал. За прошедшие годы он стал не только необходимым в сложном хозяйстве Якова Брюса, но и самым надёжным и

верным слугой.

Барин частенько говаривал, что Прохор ему не холоп, а верный товарищ. Однако, дать ему «вольную», он совсем не спешил. Впрочем, отпускать крепостных на свободу в России, тогда было не особенно принято. Во всяком случае, так дела обстояли в Престольной Москве.

Спасибо господину на том, что он не венчал мастера по своему усмотрению. Не дал ему в жены одну из холопок, которые принадлежали ему. Нет, добрый барин пошёл навстречу желанью слуги и разрешил ему обвенчаться с сеной девушкой Софьей. Та молодая красавица приглянулась работающему парню с первого взгляда.

В 1697 году, царь велел Якову Брюсу отправиться в Лондон «для изученья различной науки». Он пробыл там около года. Вёл очень скромную жизнь. Не терял время даром и упорно учился всему, чему только возможно.

Вот где ему пригодилось знание семи языков. Он проходил краткосрочные курсы у лучших английских профессоров, докторов и магистров. В первую очередь, налегал на любимую им математику и артиллерийское дело, которое так увлекало Петра. Знакомился ещё с астрономией, навигацией и, конечно, алхимией. Тогда все учёные ей занимались.

Спустя ещё один год, Петр I создал, так называемое, Великое посольство России. Отправился с ним по западным странам Европы и посетил Лифляндию, Голландию, Англию и

Австрию с Польшей.

Яков Брюс был потомком шотландского короля Роберта I, который взял под своё покровительство уцелевших храмовников. После разгрома, случившегося в «черную пятницу», тамплиеры сменили название своей организации и создали орден масонов.

Среди членов тамошней ложи, были такие известные люди, как Исаак Ньютон, Готфрид Лейбниц, астрономом Джон Флемстид, архитектор Кристофер Рен и поэт Александр Попуп.

Находясь в образованной Англии, Яков Брюс смог воспользоваться своими кровными связями. Встретился с учёными самого высокого уровня и познакомил с ними царя, прибывшего в Лондон с неофициальным визитом.

В 1698 году Яков Брюс был представлен знаменитому Роберту Сидни, четвёртому графу Лестеру, и на удивление быстро свёл с ним знакомство. Можно сказать, что они близко сошлись и почти подружились.

Достаточно часто учёные люди встречались и подолгу болтали о разных науках. В том числе и о древностях. Яков Брюс с раннего возраста собирал картины европейских художников, книги, минералы, гербарии и монеты минувших эпох. Так что, и этот предмет был ему весьма интересен.

Однажды любезный хозяин большого имения, вдруг сообщил, что путешествовал по королевствам прекрасной Италии, где обнаружил несколько толстых тетрадей. Как оказа-

лось, они были составлены живописцем и великим механиком позапрошлого века – Леонардо да Винчи.

В то самое время, сановный вельможа раздумывал, стоит ли покупать столь дорогую находку? Для начала, граф Лестер решил заказать себе копии тех манускриптов.

Трое отличных писцов трудились над ними несколько месяцев. Стараясь достичь скрупулёзного соответствия с оригиналом, они переносили на чистый пергамент букву за буквой и штрих за штрихом,

Ко времени знакомства с русским учёным, списки уже доставили из далёкой Италии. Они прибыли в Лондон и находились в доме богатого графа, в знаменитом Холкхэм-Холле.

Яков Брюс тотчас просмотрел манускрипты и заплатил немалые деньги за то, чтобы иметь точное воспроизведение бесценных листов. Их должны были точно скопировать и отправить в Россию.

Вернувшись в Москву, барин вспомнил о тетрадах Леонардо да Винчи. При помощи зеркала, внимательно перечитал всё от корки до корки. Изучил все рисунки и схемы, сделанные древним механиком. Немного подумал и захотел воплотить в жизнь одно из чудесных творений величайшего ума Возрождения.

Ни с того, ни с сего, Яков Брюс решил построить себе орнитоптер – лёгкий аппарат для летанья по воздуху. Причём, не с каким-либо мотором, а с крыльями, машущими, словно

у птицы. Всё заключалось в том, что ему взбрела в голову странная блажь. Мол, с помощью данной машины, он сможет летать на приёмы к царю.

Сам Яков Брюс заниматься множеством важных проблем и ему не хватало свободного времени, для такой «ерунды». Поэтому, он вызвал механика Прохора. Показал купленные чертежи итальянца. Приказал изготовить модель в пять раз меньше, чем предполагал Леонардо да Винчи и посмотреть, сможет ли она хоть как-то летать?

Слуга немедленно занялся сложной работой, и через месяц всё было готово. Получилась небольшая машина с размахом крыльев чуть больше аршина. Прохор прицепил к ней полено, чей вес должен был соответствовать тяжести одного человека. Закрепил подвижные крылья в одном положении и начал испытывать.

Делал он это в самом большом помещении Сухарёвских казарм. Там, где размещалась огромная «фехтовальная зала». Несколько раз подряд, он осторожно брал орнитоптер за нижние планки. Размахивался им над головой, словно бросал в воздух копьё. На излёте руки отпускал аппарат и, каждый раз убеждался, что он отлично парит над паркетом.

– «А если бы в ней сидел гомункулус размером с домашнюю кошку,» – подумал механик: – «то машина ещё и махала бы крыльями, словно огромная птица. Летала туда и сюда и садилась бы там, где нужно её седоку».

Спустя пару дней, хозяин вернулся домой от царя. Прошёл прямо к себе и занялся просмотром бумаг, скопившихся за прошедшие дни. Прохор постучался в дверь кабинета. Услышал крик: – Кого там ещё принесло? – и дрожа от сильного страха, робко сказал, что орнитооптер готов.

Как ни крути, а для страха у крепостного имелись большие причины. Пусть и дорог был механик хозяину, а попадись он под недобрую руку, так и велит запороть до потери сознания.

Потом, может быть, господин пожалеет о том, что приказал сгоряча. К сожалению, это случится потом, когда шкура вся будет изорвана плетью. Жди, после этого, когда она заживёт. Да и не даст гневный барин ему долго лежать на полатях. Прикажет что-нибудь делать, а как тут работать, если всё сильно болит?

Собрав волю в кулак, Прохор вошёл в большой кабинет, заставленный шкафами, набитыми толстыми книгами. Показал то, что у него получилось, и доложил о полётах, проведённых внутри помещений.

Хозяин так увлёкся осмотром новой игрушки, что отложил кучу важных бумаг. Вышел из комнаты вслед за придворным механиком. Поднялся с ним наверх четырёх ярусной башни и сам сбросил с неё небольшую модель.

Она пролетела над крышей трёхэтажной части «Навигацкой школы». Оказалась над площадью, совершенно пустынной в данное время. Была подхвачена лёгоньким ветром и

поднялась прямо в небо сажень на сорок. Повинуясь воздушным потокам, она сделала плавный круг над землёй. Вернулась к основанию массивной надстройки и опустилась на скатную кровлю Сухарёвских казарм.

Яков Брюс был так возбуждён увиденным зрелищем, что закричал на своём родном языке: – Летит наша машина! Летит, и на падает!

Крепостной хорошо понимал английскую речь и даже мог кое-как говорить. Прохор и сам, к ней иногда прибегал. Особенно, если хозяин почему-то вдруг переходил на неё.

Стоял тёплый по-летнему вечер. Сумерки уже плотно окутали землю, но небо было ещё достаточно светлым. Высокая восьмигранная башня отлично виднелась на фоне заката. Так уж случилось, что в это позднее время, несколько мелких торговцев возвращались с базара.

– Скоро станет очень темно. – рассуждали они: – и нужно, как можно скорее добраться домой. Не то нарвёшься на лихую ватагу разбойников. Отберут всё, что мы смогли заработать за день, да ещё и прибьют ненароком.

Купчишки слегка задержались на рынке. Они сильно спешили и в тот памятный вечер, решили пройти мимо Сухарёвских казарм. Пусть так и чуточку дальше, чем напрямую, зато в здании есть войсковой караул. В случае чего, защитит от московских налётчиков.

Кто-то из этих торговцев поднял глаза от земли и увидел,

что на верхнем ярусе башни стоит человек. Он дёрнул рукой, словно пускал с прочной перчатки ловчего сокола. В небо взвилась странная чёрная тень. Она полетела над площадью и пошла на подъём.

Лишь после этого, торговец вдруг понял, что видит что-то весьма необычное. В воздухе парила не птица, не беркут, не ястреб и даже не простая ворона, которых кое-кто из мальчишек приручает для смеха.

Это было нечто совсем неживое. Вроде растяжки для шкур, под которой крепилось что-то на удивление странное, без рук и без ног. Наверное, маленький бес. Испугавшись, лоточник крикнул товарищей и указал на тёмную тень, висевшую в воздухе.

Купчишки подняли головы и в тот же миг услышали громкие вопли, прозвучавшие на некому неизвестном наречии. Кто-то узнал в человеке, стоявшем на башне, знаменитого Якова Брюса. Заметил, что после приказа вельможи, странная птица повернула назад и устремилась на голос хозяина.

Торговец решил, что слышал заклятие, призывавшее потустороннего демона. Испугано крикнул: – Берегись! Черно-книжник сейчас заколдует. – и бросился прочь, не разбирая дороги. Все остальные лоточники помчались за ним.

– Принеси аппарат в мой кабинет. – сказал Яков Брюс и двинулся вниз по лестнице башни.

Прохор побежал впереди. Вылез на кровлю трёхэтаж-

ной части сухарёвских казарм. Подобрал небольшую модель. Сдул с неё мелкую пыль и помчался в ту просторную комнату, где работал хозяин.

Уверившись в том, что устройство способно летать, господин осмотрел орнитоπτёр и над чем-то задумался. Долго что-то прикидывал, но всё же принял решение – построить машину Леонардо до Винчи в натуральный размер.

Вызвал к себе немолодого приказчика, служившего в подмосковном имении. Поговорил о делах, а под конец, приказал выделить Прохору всё, что тому будет нужно. Кроме того, подчинить ему несколько умелых краснодеревщиков и найти просторный и чистый сарай.

В течение нескольких месяцев, бригада подручных, под управлением Прохора ладила изящный каркас для аппарата. Его строили из самых твёрдых и прочных древесных пород. В основном, из дорогого морёного дуба и отборного ясеня.

Когда «скелет» изготовили, его поставили на небольшие колёса, состоящие из шести коротеньких спиц и тонкого, но прочных обода. Они были похожи на те, что крепились на передние оси телег, только оказались значительно меньше.

Раскинутые в стороны крылья оклеили плотным шёлком серебристо-серого цвета. Его привезли в Россию из Англии. После чего, машина, наконец, обрела законченный вид и оказалась готова к полёту.

Летом 1702 года, Яков Брюс находился недалеко от Ве-

ликого Новгорода. Там, по указанию Петра, он участвовал в новой войне против могущественной шведской короны.

На какое-то время, он покинул отряд Трубецкого, которым командовал после взятия супостатами князя в полон. Приехал ненадолго в Москву. Сделал в городе то, что наметил для него государь, и заглянул на два дня в своё «родовое гнездо».

Как и десятки деревенских холопов, Прохор стоял возле большого крыльца и смотрел на дорогу, ведущую из столицы в имение. Так же, как все, он ождал, когда подъедет коляска с золочёным гербом на лакированных дверцах.

На правах «придворного» мастера, он встретил барина, уставшего после дальней и тряской дороги. Помог выйти из пыльной кареты и проводил до дверей шикарного дома. Там хозяина подхватил седой камердинер, служивший ему с давних времён.

Вместе с домовыми слугами Прохор сгрузил сундуки с большими коробками, обшитыми кожей. Отнёс громоздкие вещи в специальную залу и осторожно всё положил на большие настилы, стоящие там.

Кто его знает, что находится в том багаже? Вдруг разобьётся что-то ещё ненароком? За этот ущерб хозяин взыщет с него. Может приказать крепостным отвести его на конюшню и всыпать «десяток горячих». Потом неделю не сможешь сидеть.

Пусть Яков Брюс сам всё аккуратно откроет и скажет, что,

куда разместить? Ценные книги в шкафы и на открытые полки. Картины, скорее всего, прикажет повесить на стены, а различные редкости устроить в комнате «куриозных вещей».

Затем, Прохор выждал, когда господин умоется после дальней дороги. Поговорит с управляющим и разберётся с основными делами. Лишь после этого, он постучал в высокую дверь и спросил, можно ли войти в кабинет? Получив разрешение, переступил через высокий порог. Склонился в глубоком поклоне и, получив разрешение, доложил о завершении строительства воздушной машины.

Услышав долгожданную весть, вельможа отложил все бумаги, которые начал просматривать. Встал из-за стола с тяжёлыми тумбами, украшенными глубокой резьбой. Направился за расторопным механиком и пошёл вместе с ним к большому овину, стоявшему на заднем дворе.

На большом отдалении за Яковом Брюсом бежало с десятков босоногих крестьянских детей. Все были прекрасно наслышаны о неведомо чуде, что строят холопы для барина. Всем так хотелось на него посмотреть, что рискуя нарваться на крупную взбучку, они всё равно увязались за грозным помещиком.

Увидев своего повелителя, краснодеревщики бросились внутрь большого сарая. Взялись за крылья совершенно готовой конструкции и осторожно вывели её из помещенья наружу. Поставили возле широких ворот на просторной пло-

щадке. Отступили на пару шагов и застыли вокруг аппарата, как строевой караул на параде.

Мастеровые смотрели на строгого барина и с волнением гадали: – Понравится их работа Якову Брюсу или, что-то его не устроит? Не дай Бог, если, что-то вышло не так. Тогда и плетей можно враз получить.

Вон сколько времени и дорогих материалов на эту ерунду извели. За те несколько месяцев, крепостные могли сделать уйму мебели по последним фасонам и обставить ей пару комнат имения.

Хмурый хозяин бросил взгляд на большой аппарат, блистающий свеженьким лаком, как дорогая шкатулка. Прошёл-ся вокруг. Внимательно осмотрел орнитоптер со всех возможных сторон и вдруг широко улыбнулся. Судя по лицу господина, он был чрезвычайно доволен тем результатом, что достигли холопы.

Нужно сказать, что вид необычной машины поразил воображение всех окружающих. Она выглядела так, словно сошла со страниц знаменитого кодекса Леонардо да Винчи.

Те же линии плавных обводов. Те же гибкие элементы несущих конструкций, похожие на два длинных крыла. То же тонкое тело и стреловидная задняя часть, что весьма походила на хвост орла или беркута.

Вот только, странную птицу покрывали не пух и не перья, а везде был натянут замечательный шёлк цвета хорошо отполированной стали. Да ещё и задняя кромка сего аппара-

та выглядела весьма необычно. Она завершалась большими зубцами, словно перепонки у крупных летучих мышей.

Под широкими, длинными махами, крепились два небольших колеса. Хвост также опирался на столь же лёгкий каток. Судя по их положению, на них машина и будет катиться, во время посадки и взлёта.

Управлять чудесным устройством, должен был всего один человек. Он располагался внизу, вдоль тонкого тела машины, ногами к хвосту. Пристегивался к раме ремнями из кожи и висел под ней так, словно лежал на постели ничком.

Ему надлежало держаться руками за два рычага, расположенные возле лица. Сильно двигать их вперёд и назад. Тем самым, придавать большим крыльям такие плавные взмахи, что делает каждая птица.

Яков Брюс немного подумал. Вспомнил тех крепостных, которых он помнил в лицо, и приказал кликнуть из кузни Семёна. Его выбор не удивил никого из стоящих рядом холопов. Молодой кузнец не отличался впечатляющим ростом. Зато был строен сложением и обладал недюжинной силой.

Проход довольно давно наметил этого парня на роль испытателя и велел подождать все ремни под его небольшую фигуру. Перед самым появлением барина в подмосковном имении, он тайком позвал кузнеца в тот сарай, где мастерили машину, и даже примерил на него готовую сбрую.

Вот и сейчас кандидат в покорители воздуха находился в непосредственной близости. Тихо стоял за задней стенкой

овина. Был сильно взволнован и с нетерпением ждал, когда же барин вспомнит о нём?

Едва прозвучало имя Семёна, как он выскочил из-за сарая и бегом примчался к воротам. Не говоря больше ни слова, Яков Брюс глянул на крепкого коваля и кивком указал на машину.

Крепостной не заставил себя долго упрашивать. Бегом бросился к лёгкой, сияющей лаком конструкции. Лёг на траву вдоль стройного тела искусственной птицы и словно ящерка, подполз под него.

Краснодеревщики подскочили к Семёну. Встали возле него на колени. Быстро и ловко застегнули ремни из толстой кожи, и прикрепили парня к решетчатой раме. Орнитоптёр легонечко скрипнул от веса крепко сбитого коваля.

Все холопы, кто находился вокруг, напряжённо прислушались. Не раздастся ли звук ломаемых реек и треск разрываемой ткани? Ведь если машина разрушится, то не сносить мастерам головы. К счастью работников, с каркасом ничего не случилось, а дорогуший шёлк не порвался.

Семён замер, как статуя, висящая в воздухе. Затем, убедился, что всё обошлось. Повернул голову в сторону рядом стоящего барина, и вопросительно посмотрел на него.

Яков Брюс удовлетворённо кивнул и скомандовал: – С Богом!

Летун осторожно взял рычаги в свои мощные руки. Потянул их к себе, толкнул от себя и все увидали, как нача-

ли двигаться плоскости ткани, натянутые на прочные пята. Они поднялись и опустились к земле. Встревоженный сильными махами, воздух резко пахнул в лица всех зрителей. Все дружно отступили на шаг.

Кузнец напряг могучие мышцы и, выкладываясь весь без остатка, заработал двумя рычагами. Орнитоптер ударил широкими крыльями и, стоя на месте, вдруг начал немного подпрыгивать. Каждый раз, он поднимался чуть выше и выше. Однако, как ни старался кузнец, больше чем на аршин аппарат не взлетел.

Через пару минут, дыхание у парня стало сбиваться. Его лицо покраснело с невероятной натугой, и теперь обливалось обильными струями горячего пота. От тяжёлой, непрерывной работы он шумно втягивал в лёгкие воздух и с громким свистом, выдыхал из себя.

Скоро Семён очень сильно устал. Движения рук резко замедлились, а крылья стали ходить вверх и вниз значительно медленней. Ещё минуту спустя, летун лишился остатка недюжинных сил. Оставил попытки подняться в высокое небо и прекратил рвать рычаги туда и сюда. Страшно хрипя, он бессильно повис на ремнях и, зажмурившись от сильного страха, ждал сурового приговора хозяина.

– Так я думал. – медленно вымолвил барин: – Даже геркулесовой силы Семёна не хватает на то, чтобы взлететь к небесам. Если б у обычных людей имелась такая возможность, то

машины Леонардо да Винчи не оказались так быстро забыты. Они бороздили бы небо во всех направлениях, и застили солнце всем тем, кто ходит по дорогам пешком.

Хозяин вспомнил, как он вместе с холопом запускал небольшую модель с вершины четырехъярусной башни. На минуту задумался, а затем вдруг сказал: – А если Семёну помочь оторваться от грешной земли? Удастся ли лёгкой машине плавать по воздуху хоть какое-то время?

Брюс повернулся к стоящему рядом слуге и спросил: – Когда ты сможешь поднять его, Прохор?

– Стоит немедля попробовать. – согласился помощник с решением хозяина: – Машина готова, так что ж не спытать? Прицепим к ней двух лошадей, как к обычной телеге, да и разгоним насколько возможно. Глядишь орнитоптер и поднимется небо.

Так про то писано в тех шёлковых свитках, что вы привели из путешествия в Англию. Вы мне ещё тогда говорили, что какой-то восточный народ прозывает такие устройства «воздушными змеями».

– Добро. – согласился вдруг господин: – Честно сказать, я хотел швырнуть его в небо из простой катапульты. – добавил он тише: – Или скатить с крутой горки, сделанной из прочных досок. Он бы разогнался на склоне, как следует. После чего, выехал на невысокий бугор, и тогда сила инерции подхватила машину и кинула в небо.

Такую затею я видел у зело учёных английских людей. Как

мне объяснили те физики, на подобных устройствах они изучают баллистику. То бишь, законы полёта ядра от пушки до цели. – барин ненадолго умолк и закончил: – Ну, да с двумя лошадьми получится гораздо быстрее и дешевле. Нет нужды строить, что-то громоздкое.

Стоявшие возле машины, подручные Прохора приняли слова господина, как строгий приказ и бросились его исполнять. Не секунды не мешкая, они тронулись с места и помчались к конюшне имения за вожжами и тягловой силой.

Возле орнитоптера Леонардо да Винчи остался только хозяин, Прохор, да уставший донельзя Семён. Он так и висел на ремнях под машиной и тяжело отдувался. Никак не мог придти в себя после тяжёлой работы

Скоро подручные Прохора пригнали пару самых крепких коней под простыми дешёвыми сёдлами. Следом вели десяток лошадок попроще, тех, на которых обычно крестьяне пахали и сеяли.

Так почему-то решил Аким сын Акинфеев – заместитель механика. Он вдруг подумал, мол, пусть они будут пока про запас. А то кто его знает, сколько раз придётся гонять животинку? Вдруг эти две очень быстро заморятся?

Стали прикидывать, как и в какую сторону, катить аппарат, чтобы ему было сподручней взлететь? Прохор сказал, что лучше всего, против ветра. Начали думать, как приладить верёвку к каркасу?

Причём, таким ловким макаром, чтобы она отцеплялась от рамы, как, только машина взлетит к облакам. Иначе, она будет тащиться за ней по земле, словно упавшие вожжи и цепляться за всё, что попало. А зацепись бечева, к примеру, за камень, сия неприятность тотчас приведёт к падению искусственной птицы.

Потом, хозяин сказал: – Нечего тут особо мудрить. Привяжите тем «голландским» узлом, который немедля развяжется, как только Семён отпустит свободный конец.

– Так он же будет держать рычаги. – осторожно напомнил «придворный» механик и пояснил: – Чтоб крылья шли вдоль земли, как тело у «воздушного змея». Иначе они поднимутся вверх и не смогут отталкивать набегающий воздух.

– Ничего, – сказал в ответ Яков Брюс: – схватит верёвку зубами.

Прохор с подручными вспомнили нужный хозяину узел и закрепили его на упряжке. Всё это заняло какое-то время. Семён слегка отдохнул. Пришёл немного в себя и приготовился к новой попытке взлететь в высокое небо.

Прохор сел на одного из коней, на другого велел сесть Акиму. Оба взяли в руки концы длинной верёвки, привязанной к орнитоптеру. Встали чуть впереди аппарата и теперь ждали команды хозяина.

Наконец, всё было готово, и барин крикнул: – Вперёд!

Кони одновременно тронулись с места. Верёвка тотчас натянулась, и орнитоптер медленно двинулся по ровному лугу.

К счастью холопов, стояла середина жаркого лета.

Траву здесь недавно скосили. Дали ей хорошенько просохнуть, и убрали в стога, стоящие возле коровников. Оттава ещё не поднялась от земли. Так что, сейчас ничего не мешало машине катиться по ровной и плотной поверхности.

Висевший под машиной, Семён лежал неподвижно. Пока не напрягал свои мышцы и, зафиксировав рычаги в одном положении, держал крылья параллельно земле. В зубах он зажал кусок тонкой бечёвки. Она шла к узлу, который крепил к раме верёвку.

По команде Якова Брюса, всадники легонько пришпорили своих скакунов. Те ускорили шаг, и перешли на трясую рысь. Летательный аппарат покатился немного быстрее. Раздался новый приказ и в воздухе свистнули короткие плети. Обожжённые ударом, животные разом всхрапнули, приняли в быстрый галоп и помчались вперёд, к другому концу широкого луга.

Орнитоптер поймал встречный поток слабого ветра. Плавно оторвался от поля и взлетел на пару аршин. Повисел на таком уровне какое-то время и стал забираться все выше, и выше. Скоро он поднялся сажень на двадцать, а то и побольше.

Кузнец резко мотнул головой и дёрнул бечёвку. Узел тотчас развязался, а верёвка, прицепленная к двум лошадям, отцепилась от рамы. Семён со всей мочи заработал руками. Аппарат, махая большими крылами, беззвучно поплыл в вы-

шине.

Почти в тот же момент всем стало ясно, что полёт не будет таким продолжительным, каким бы хотелось хозяину. Несмотря на усилия крепкого коваля, орнитоптер начал плавно, но все же весьма ощутимо, снижаться.

Проход пустил коня шагом и с жалостью посмотрел на Семёна, измученного непосильной работой: – «Хорошо, если он долетит до конца луговины». – подумал механик с невыразимой печалью. – «Видно, не суждено человеку подняться на небо в подобной машине. Не хватит для этого физических сил».

Вдруг налетел порыв встречного ветра. Мощный поток подхватил аппарат и резко швырнул его вверх. Орнитоптер поднялся ещё сажень на тридцать и полетел прямо к лесу, стоящему за краем обширного луга.

Увидев такой поворот происходящих событий, Проход с Акимом дали коням шенкелей и помчались вслед за лёгкой машиной. Меж тем, она удалялась с удивительной скоростью и также быстро приближалась к земле.

Сзади раздался приказ господина: – Езжайте следом за нами. Не дай Бог, разобьётся Семён о деревья. Нужно будет ему чем-то помочь. – Яков Брюс помолчал и добавил с явной досадой: – Вот ведь, какая напасть, потерять кузнеца ради глупой забавы.

Услышав голос хозяина, Проход тотчас обернулся и уви-

дел, что краснодеревщики, ладившие машину в сарае, кинулись к остальным скакунам. Дружно вскочили на спокойных крестьянских лошадок. Дали им под бока голыми пятками и помчались вслед за своим бригадиром.

Механик заметил, что подручные люди спешат за ним по пятам. Подумал, что чем больше народу, тем будет легче найти орнитоптер. Повернул голову по ходу движения и с тревогой глянул вперёд. Разлапистый силуэт аппарата приблизился почти к самой опушке. Мелькнул над верхушками крайних деревьев и скрылся за их пышными кронами.

Прохор направил коня вслед за ним. Проскочил голый луг и въехал под плотный полог листвы. Выскочил на узкий просёлок, ведущий к имению барина. Наткнулся на группу богато одетых вельмож и, боясь сбить кого-то из путников, при тормозил скакуна.

К его удивлению, все встречные люди были пешком. Все оказались страшно напуганы и, словно малые дети, барахтались в дорожной пыли. Из ближайших кустов доносилось отдалённое конское ржание и удалявшийся топот копыт.

– «Похоже, что вельможные гости ехали к Якову Брюсу». – понял всё Прохор: – «Лошади испугались вида летящей машины. Сбросили с сёдел сановных господ и разбежались в разные стороны.

Этого ещё нам не хватало. Что теперь скажет хозяин соседям? Примет вину на себя или всё свалит на нас, крепостных? Да ещё и велит всыпать плетей ничтожным холопам?»

Взглянув на дворян, пытающихся подняться с земли, Прохор решил: – «Негоже оставить без помощи пострадавших людей». – он осадил коня и подождал, пока подтянутся остальные подручные, ехавшие следом за ним.

Дождавшись момента, когда подтянутся краснодеревщики, он отдал команду: – Спешиться и услужить молодым господам! Я посмотрю, что там происходит. – он ткнул рукой в сторону, куда улетела машина.

Быстро добавил: – Аким, поедешь за мной. – и дал шенкелей скакуну. Пришпоренный конь принял с места в галоп. Поскакал по дороге и тотчас скрылся за группой деревьев.

Глеб. Бабушкина шкатулка

Открыв узкую дверцу, Глеб внимательно глянул в нутро старого широкого шкафа и увидел, что всё пространство плотно забито разнообразной одеждой: – «Давненько я тут не копался». – подумал он недовольно.

– «Столько тут всего накопилось, что ничего уже и найти невозможно. Похоже, что придётся заняться разбором завала и посвятить столь важному делу весь сегодняшний день».

Он начал вытаскивать, быстро осматривать и раскладывать вещи, попавшиеся под горячую руку: – «Это перенести в шифоньер, повесить на вешалку. Это сложить в кладовую, а затем отправить на дачу, чтоб в нём огороде работать. А это пора уже отнести на помойку».

Добравшись до задней стены своего «гардероба», он наткнулся на небольшую шкатулку, привезённую им из деревни Елань два года назад. Парень бережно вынул ларец, изготовленный из тяжелого тёмного дерева, и внимательно осмотрел с разных сторон.

Маленький ящичек оказался таким основательным, словно его изготовили из дорогого морёного дуба. Повертев находку в руках, Глеб увидел, что вся лицевая поверхность украшена мелкой искусной резьбой и покрыта прозрачным светло-коричневым лаком.

– «Как умерла моя бабушка, так я в эту коробку больше никогда не заглядывал» – кольнула его неприятная мысль: – «Толком сейчас и не знаю, что в ней лежит».

Он подошёл к компьютерному столу и аккуратно поставил шкатулку на место свободное от клавиатуры и коврика с «мышкой». Придвинул к себе мягкий стул на колёсиках. Сел поудобнее, откинул тяжёлую крышку и с непонятым волнением посмотрел внутрь шкатулки.

Сверху лежала пачка каких-то казённого вида свидетельств. Они были свёрнуты вчетверо и связаны тонкой верёвочкой, странного вида. Глеб пригляделся, и понял, что она свита из тонкой длинной полоски коричневатого цвета.

Материал походил на бумагу очень низкого качества, чем собственно, он и являлся на деле. Он был немного ворсистым на ощупь, а своей рыхлой структурой слегка походил на те промокашки, что давно не используют современные школьники.

Парень вдруг вспомнил своё давнее детство, когда ему было лет пять или шесть: – «Раньше,» – мелькнуло в его голове: – «пакетов и плёнки из пластика было значительно меньше. Поэтому, такую бечёвкой пользовались во всех магазинах, на почте и в различных конторах. Покупки и свёртки заворачивали в большие листы такой же коричневатой бумаги и обматывали сверху крест-накрест верёвочкой».

Глеб распустил узелок, завязанный простеньким «бантиком». Развернул и просмотрел все листы, слегка пожелтев-

шие от долгого времени. Оказалось, что это документы на дом и тот земельный участок, где жили ныне покойные бабушка с дедушкой.

– «Кому теперь нужна, вся эта недвижимость, стоящая в заброшенной и мёртвой сибирской деревне?» – возникла у парня грустная мысль: – «Сейчас там, на двадцать три километра вокруг нет ни единой души. Что до села Хворостянка, что до посёлка Заборское полдня быстрого пешего ходу. Так что, за солью к соседям так просто не сбегашь. Отвалиться ноги.

К тому же, люди в ближайшем райцентре сейчас живут очень бедно и нескоро начнут покупать участки земли. Да и зачем нужны дачи, расположенные так далеко от жилья? У всех есть огороды поблизости, расположенные прямо за окраиной их городка.

Поэтому, продать «родовое имение» сейчас вряд ли кому-то удастся. По крайней мере, в ближайшее время, а там глядишь, дедушкин дом без присмотра совершенно развалится, а всё вокруг зарастёт густым еловым подлеском».

Глеб свернул все бумаги так, как они раньше лежали, и небрежно бросил на компьютерный стол. Потом он нашёл тонкую стопочку метрик «о месте рождения» всех своих предков до четвёртого колена назад. Там же хранились «свидетельства о заключении брака» и, естественно, «справки о смерти».

В середине шкатулки лежала приличных размеров коро-

бочка, очень похожая на картонный футляр от старинных духов. Судя по внешнему виду, немецких. Яркая золочёная надпись, некогда сиявшая на лицевой стороне, давно уже стёрлась и теперь почти не читалась. Лишь хорошо приглядевшись, он смог разобрать несколько странно изогнутых готических букв.

Придя в небольшое волнение, Глеб открыл плоскую крышку, оклеенную сильно потёртым красным сафьяном. Внутри обнаружилось множество советских знаков отличия разных времён.

Сверху находились довольно серьёзные боевые награды – «Орден Красной Звезды» и «Орден Красного Знамени», медали «За Отвагу» и «За боевые заслуги».

Насколько знал Глеб из смутных семейных преданий, часть из них были заслужены дедом ещё в шестидесятых годах двадцатого века. Тогда, на острове Куба возник, так называемый, Карибский конфликт.

Другие регалии он заработал чуть позже, на американо-вьетнамской войне, шедшей в семидесятых на полуострове Индокитай. Несмотря на прошедшие годы, награды так редко носили, что они совсем не поблекли. Они сияли, как новые, словно недавно сошли с конвейерной ленты Гоззнака.

Чуть ниже лежали юбилейные кругляши ярко-жёлтого цвета. На них виднелись пятиконечные звёзды, чеканные профили Владимира Ленина, Иосифа Сталина, а так же различные даты и короткие надписи. Рядом мелькали пионер-

ские и комсомольские значки всех возможных моделей и жетоны «Ударник коммунистического труда».

– «Боевые награды дед заслужил, а трудовые заработала бабушка. Хотя, насколько я знаю, дедушка и на гражданке успел кое-что получить».

Глеб брал тяжёлые нагрудные знаки один за другим. Вынимал из старой коробочки. Внимательно изучал их с разных сторон и бережно клал на столешницу. Рядом сложил юбилейные медали с жетонами.

Снова глянул в шкатулку и увидел кусок плотной драповой ткани, аккуратно вырезанной по внутреннему размеру ларца. Подцепил её пальцами с правого края и, немного волнуясь, осторожно потянул на себя.

Внизу находились, потемневший от времени орден «Орден Боевого Красного Знамени», медали «За оборону Одессы», «За Взятие Праги» и «За Победу над фашистской Германией».

– «Это уже боевые награды прадедушки, которого я ни разу не видел. А получил он их за борьбу против Гитлера в 1941-1945-х годах». – сказал себе Глеб. Осторожно вынул награды и уложил их на скатерть отдельным рядочком.

На дне шкатулки лежал ещё один прямоугольник плотного драпа. Под ним оказался новый ряд воинских знаков отличий. Здесь Глеб нашёл орден «Красное Знамя РСФСР».

Рядом оказалась необычного вида небольшая медаль серебристого цвета. На ней виднелся профиль мужчины, по-

хожего на последнего царя Российской империи – Николая II. На обороте нашлась короткая надпись – «За храбрость» и какие-то цифры.

Здесь же находился и легендарный «Георгиевский крест». Причём, сразу двух степеней – четвёртой и третьей. Их парень рассматривал наиболее тщательно. Как ни крути, а эти знаки отличия были совсем непривычны, для человека недавно минувшей советской эпохи. На другой стороне каждой солдатской награды едва проглядывал номер и две непонятные буквы «бм».

– «Нужно будет потом посмотреть в интернете, что они значат». – подумал вдруг парень и сложил медали царской эпох в третий рядок.

Насколько Глеб помнил слова своей милой мамы, прадед был двадцатого года рождения. Значит, все эти награды принадлежали его родному отцу. То есть, прапрадедушке парня. А он, как однажды бросила бабушка: – «успел пострелять не только на проклятой Германской, то бишь Первой мировой, но и на Гражданской войне. Той, что началась после Октябрьской революции в Питере».

На самом дне деревянной шкатулки лежало несколько связок старых выцветших писем, написанных разными почерками. Каждая новая пачка листков, была старше предыдущей лет на двадцать пять, а то и на все тридцать.

Парень осторожно вынимал стопочки писем. Рассматривал пожелтевшие за долгие годы конверты, лежавшие свер-

ху, и тотчас убеждался, что они стали на удивление ломкими. Трогал веревочки и тесёмки, которыми были связаны эти бумаги и, не решаясь их потревожить, бережно откладывал в сторону.

– «Потом внимательно всё изучу и обязательно прогоню через сканер. Пусть будет ещё и копия в цифре». – вымолвил Глеб и тут же подумал: – «У дедушки с бабушкой родилось целых семь дочерей. Если бы у них был так же и сын, чуть старше, чем моя милая мамочка, то он наверняка попал на «афганскую». Глядишь, эта шкатулка досталась не мне, а моему гипотетическому дядюшке. Тогда внутри находились бы уже его ордена и медали».

Вторая глава

Яков Брюс. Гомункулус

Плотный ужин состоял из большого количества самых изысканных яств, разнообразных водок, наливок и замечательных вин, привезённых из далёкой богатой Европы. Длился он уже пару часов и все гости были уже во хмелю.

Наконец, хлебосольный хозяин поднялся из-за стола. Оторвал сильно пьяных дворян от не в меру обильной еды и питья. Проводил их во флигель, пристроенный сбоку к огромному господскому дому. Пожелал всем спокойного сна и, оставив вельмож на попечение слуг, направился в свой кабинет.

Следом за ним пошёл его личный механик по имени Прохор. Он подождал, пока абсолютно трезвый владелец имения сядет за очень большой двух тумбовый стол, украшенный глубокой резьбой по бокам. Достанет из плоской коробки любимую пенковую трубку, привезённую купцами из Турции. Плотно набьёт её табаком и с наслаждением раскурит.

Господин не любил когда его отрывали от столь важного действия. Прохор знал о нелепой причуде Якова Брюса и стоял, молча, как статуя. Лишь после того, как густое облако

дыма поднялось к потолку, расписанному батальными сценами, слуга поклонился, и тихо сказал:

– В людской я столкнулся с холопами, что укладывали пьяных гостей по кроватям. Они попросили вам передать, что прибывший с вельможами, молодой человек, положил глаз на вашу сенную девушку Настю.

– Который из них? – устало буркнул хозяин.

– Тот, что спросил Вас за ужином: – «Почему она не улыбнулась гостям, когда подавала еду и напитки?» – а затем, приставал к ней с вопросами: – «От чего, она всё время молчит?»

– Это тот несдержанный франт, которого зовут Николай? – уточнил Яков Брюс.

– Да, сын большого вельможи, что имеет усадьбу в пяти верстах к северо-западу от вашего дома. – ответил слуга и опять поклонился.

Нужно сказать, что Прохор был необычным холопом, а «придворным» механиком Якова Брюса. Господин относился к нему не так, как ко всем остальным крепостным, которых считал за говорящих двуногих животных. Он ценил «золотые руки» умельца и делал ему небольшие поблажки. Например, разрешил не кланяться «в пояс», каждый раз, когда тот подходил к господину.

– Достаточно, если ты будешь сгибаться чуть-чуть, на манер тех движений, что делают в посвященной Голландии. Но не так, как перед ровней себе, а словно простой ученик пе-

ред мастером цеха. – сказал как-то раз Яков Брюс и показал нужное положение корпуса и головы своего «дорогого» помощника.

Так с тех пор и пошло в этом замечательном доме. Даже когда к господину приезжали большие вельможи – бароны, маркизы и графы, Яков Брюс не одёргивал Прохора и не настаивал на очень глубоком, до пола, приветствии.

Услышав механика, Яков Брюс недовольно нахмурился. Он не любил, когда его вынуждали расстаться с теми холопами, что даровал ему Петр I за верную службу. Он привык сам решать судьбу всех своих крепостных.

Захочет – помилует, захочет – накажет, а коли придёт в голову какая-то блажь, так и велит запороть до потери сознания. А то и вовсе, сослать в рудники на Урал, на недавно открытые железоделательные заводы Демидова.

– «К сожалению, сей брандахлыст Николай является отпрыском одного из тех лизоблюдов, что ныне крутятся возле трона царя». – размышлял Яков Брюс: – «Теперь они находятся в особой фаворе, и смогут устроить мне такие доуки, что и придумать нельзя. Так что, отказать молодому хлыщу будет ох, как не просто. Тем более, что он, негодяй, приметил таки девку Настасью.

Столь красивую, веселую девушку особенно жаль отдавать в похотливые, жадные руки извращённого франта. Она ведь и впрямь весьма хороша. Было бы больше свободного времени, так и сам бы ей с наслаждением занялся. Да всё ни-

как недосуг. Дела, да дела.

Плюс ко всему, не хочется сильно расстраивать жену Маргариту из-за какой-то нелепой интрижки. Если решу вдруг пощупать симпатичных девиц, так всё можно сделать, пока находишься подальше от дома. Например, в какой-то поездке, по поручению царя.

Но продать Настасью молодому дворянину тоже никак не возможно. Ведь этот барчук потешится с ней пару недель, да и сошлёт, куда-нибудь подальше от глаз. Отправит такую красавицу работницей в поле, или заставит грести навоз за коровами на скотном дворе. А чтобы не было видно греха, который может возникнуть от связи с холопкой, отдаст её замуж за самого последнего пьяницу».

– С сим молодым человеком, а побеседую утром, за завтраком. – сказал, наконец, Яков Брюс: – Ты же найди поскорее Настасью и приведи ко мне в кабинет.

Проخور угрюмо кивнул. Повернулся и с тяжёлою думой на сердце пошёл искать бедную девушку. Что задумал хозяин, слуга догадаться не мог. То ли хочет помочь несчастной служанке? То ли, сам решил с ней переспать, пока не досталась другому? Так сказать, снять с неё пыльцу девичьей невинности.

Кто их этих господ разберёт? Вроде бы сильно учёные. Все, как и мы, христиане, а ведут себя с крепостными, словно басурмане какие и обходятся с нами, как с бессловесным скотом.

– «Как бы то ни было, а приказ господина должно исполнить». – уныло подумал придворный механик: – «Иначе сам попадёшь в такой переплёт, что помилуй нас Господи. Могут, отправить в регулярную армию на срок в четверть века. Сослать на строительство нового города, что задумал воздвигнуть наш царь где-то в Балтийских болотах, а то и просто забить плетью на конюшне».

Прохор направился в ту половину огромного дома, в которой обитала прислуга. Там двинулся на женскую часть, где жили юные сенные девушки. Нашёл несчастную Настю и проводил её туда, куда приказали. Вошёл с ней в полутёмный кабинет господина и, ожидая команды, застыл у высоких дверей, как солдат на посту.

Яков Брюс взглянул на слугу. Небрежно махнул левой рукой и строго добавил: – Покамест свободен. Будешь нужен, тебя позовут. – сам подошёл к испуганной девушке и приказал: – Встань у стола, возле света...

Повинуясь приказу хозяина, Прохор слегка, на голландский манер, поклонился и шагнул за порог. Закрыл за собой тяжёлую прочную створку и что было в комнате дальше, он уже больше не слышал. Сделать, что-либо механик не мог. Поэтому, печально вздохнул и отправился спать. Всё равно, всё будет по промыслу Бога.

Утром он встал, как и все остальные холопы – ни свет, ни заря. Сбегал во двор, где стояла уборная для крепостных.

Сделал всё, как обычно. Вымыл руки со щёлоком, а после умылся холодной водой из колодца. Вернулся в свою небольшую коморку. Взял остро заточенный нож и, глядя в осколок разбитого зеркала, чисто побрился.

Его господин не любил бородатых или, как он всегда говорил – «мохнорылых» людей. Так что, «придворный» механик должен был выглядеть на «европейский манер» и повсюду блистать голым, как коленка лицом. Сначала было весьма непривычно отличаться от всех остальных подневольных крестьян. Ну, а потом, ничего, потихоньку привык.

Проخور быстро оделся. Съел кусок подового хлеба, запил кружкой кислого кваса и побежал на половину огромного дома, где жили хозяева. Там встретил холопа, что прислуживал Якову Брюсу и тихо спросил: – Аристарх Дормидонтович, как долго вчера у господина была девушка Настя?

– Тебе, зачем это знать? – удивился дородный мужчина, служивший здесь камердинером: – Занимайся своими делами и не суй свою тощую рожу туда, куда тебя точно просят. Нужен будешь, тебя позовут.

Механику ничего не осталось, как притулиться в людской. Находиться там долгое время и ждать, когда же барин проснётся? К счастью, Яков Брюс не любил долго валяться в кровати, как делали другие бояре. Он встал, как обычно, в первый час по церковному времени. А если взглянуть на новейший английский хронометр, то в шесть после полуночи.

Как сказал его личный слуга, хозяин даже не завтракал.

Только выпил чашечку кофе, выкурил пенковую трубку и сразу прошёл в кабинет. В этот день он не позвал к себе Прохора, а сидел там один почти до полудня. Видно, работал над чем-то таким, в чём руки придворного мастера были совсем не нужны.

Потом, хозяин спросил камердинера: – Как там наши вельможные гости?

С широкой усмешкой узнал, что они, наконец, поднялись с постелей. Похмелились, кто квасом, кто мёдом и огуречным рассолом, а теперь неспешно собираются в зале, чтобы выпить вина и поесть.

Брюс приказал: – Накрыть стол для господ! – и минут десять спустя, двинулся в просторную залу. Его появление вызвало бурную радость гостей, собравшихся там к ближе к полудню. А когда на столе появились закуски и графины с вином, так поднялся такой пьяный гомон, что хоть святых выноси.

Пока дворяне шумно пили и ели, Прохор стоял у дверей, ведущих в приёмную залу. Слушал, как там веселятся вельможи, и ждал, не позовёт ли его Яков Брюс? Мало ли что может придти на ум господам?

Вдруг прикажет им показать какой-нибудь инструмент, привезенный недавно из Англии? Например, астролябию или ещё, что-нибудь необычное в нашей России. Например, очень древнюю книгу.

Но сегодня, гостям не было дела до редкостей, что собрал

Яков Брюс в своём зале «куриозных» вещей. К середине обеда, все опять захмелели. Языки вновь развязались и все стали молотить разную чушь.

Это когда господа относительно трезвые, то они блистают манерами, умною речью и научными знаниями. Когда хорошо приложатся к бокалам и кружкам, то ничем не лучше пьяных крестьян. Такие же тупые и мерзкие.

Вдруг среди шумного гомона послышался голос того молодого повесы, что вчера заметил Настасью. Судя по нетвёрдому голосу, он уже крепко принял на грудь. Молодого вельможу совсем развезло, и он и стал кричать на всю приёмную залу, словно захмелевший купец в городском кабаке.

– Господин Яков Брюс! – обратился вельможа к хозяину дома: – Почему здесь не видно девицы, которая подавала вчера закуски и вина? Я прошу вас, позвать Настасью сюда. Пусть она мне прислужит за этим столом.

Его странную просьбу вдруг поддержали другие дворяне. То ли они были в сговоре с бесшабашным кутилой? То ли просто подумали, что он затеял какую-то каверзу, и захотели увидеть, чем это дело закончится?

Что ответил владелец имения, Прохор почти не расслышал. Потом вновь закричал Николай: – Неужели такой знатный сановник, как вы сможет сейчас отказать своим добрым соседям? Тем более, в таком пустяке. Что может случится с

холопкой, если она покажется здесь?

– Хорошо. – громко ответил хозяин. Высокие двери, ведущие в залу, открылись, и в коридор важно вышел ливрейный слуга, что прислуживал господам за столом. Попав в коридор, холоп тотчас изменил своё поведение.

Он утратил всю свою важность. Стрелой метнулся на кухню и минуту спустя вернулся с Настасьей, державшей в руках золочёный поднос. На сияющем блюде стоял высокий хрустальный бокал с тёмно-красным испанский вином.

Девушка была одета в нарядное платье голландского кроя, но оказалась бледной, как мел. Её большие глаза слегка припухли от слёз. Губы стиснуты в тонкую ниточку. Весь её облик теперь походил на застывшую маску, снятую с древней италийской статуи.

Ливрейный слуга открыл перед девушкой дверь. Пропустил её в шумную залу и зло прошипел: – Прохор, войди следом за мной и встань слева возле порога. – заметив, что механик сильно колеблется, слуга тихо добавил: – Так барин сказал.

Пожав недоумённо плечами, Прохор вошёл вслед за Настей. Сделал шаг в правую сторону и занял свободное место так, как велел господин. Замерев возле двери, он окинул взглядом всю залу, и увидел картину обычного пиршества богатых дворян.

Большой стол был заставлен драгоценной хрустальной посудой с различными яствами, штофами с прозрачною водкой

и с наливками различных оттенков и вкусов. Цвета были от почти смоляного до чуть желтоватого. Здесь же стояли графины с заморскими винами, привезёнными из далёкой Италии, Франции и даже Испании.

Увидев Настасью, Николай оживился и закричал ещё громче: – Какая прекрасная девушка имеется в вашем хозяйстве, уважаемый Яков Вилимович. Пусть она поднесёт мне вина и скажет приличную здравицу в честь высоких гостей. Все хотят слышать её чудный голос. Наверняка он так же прекрасен, как её внешний облик.

– Подай господину вина! – приказал хмурый владелец имения и указал на повесу, который всё это затеял.

Настасья направилась напрямик к Николаю. Встала возле него и, держа в руках золочёный поднос, поклонилась почти до самого пояса. Её движения оказались так грациозны, плавны и мягки, что кое-кто из гостей не удержался и крикнул: – Замечательно! Какой манифик!

Увидев Настю возле себя, Николай был так очарован юной прелестницей, что даже встал из удобного кресла. Взял с подноса высокий хрустальный бокал. Поднял его над головой и весело крикнул: – А теперь красавица, скажи гостям здравицу, чтобы все могли одновременно выпить.

– К сожалению. – прервал его Яков Брюс: – она не сможет сказать ни единого слова.

– Почему? – искренне огорчился повеса: – Она, что у вас глухонемая?

– Дело в том, что это вовсе не то, что вы все подумали. Она не живая девушка и не рождена от папы и мамы. Я её создал для работы по дому.

– Да кто же может в это поверить? – возмущённо закричал Николай: – Стоит на неё посмотреть и любому станет понятно, что перед нами живой человек из плоти и крови. Я видел много хитроумных машин, привезённых в Россию из Франции, Англии, а то и с Востока. Должен вам сообщить, что никакая из них не может так замечательно двигаться, как ваша служанка.

Хозяин дома печально вздохнул. Мол, как тяжело говорить с подобными дурнями. Поднялся из-за стола и подошёл к Насте, стоявшей возле повесы. Поднял правую руку к пышной причёске девицы и вытащил большую заколку, украшавшую густые чёрные волосы. Служанка легонечко дёрнулась и вдруг застыла, как статуя.

Обернувшись к двум слугам, стоящим у двери, господин приказал: – Прохор. Подойди-ка сюда. Встань за спиною машины и держи осторожно за плечи, чтобы она не упала.

Пока ошеломлённый мужчина двигался к большому столу, хозяин повернулся к гостям и сказал: – Это мой «придворный» механик. Он следит за состоянием различных машин и чинит механизмы если возникнет нужда. Не обращайтесь внимания на его странный вид. Он никогда не был в столь представительном обществе, как сейчас и поэтому сильно смущён.

Николай уже пришёл в себя от того, что услышал от хозяина дома и вдруг заявил: – Дорогой Яков Вилимович. Все ваши слова простые уловки. Я видел индийских факиров, которые делают трюки похлеще, чем умение замереть неподвижно.

Яков Брюс подождал, когда Прохор подойдёт к юной служанке сзади и возьмёт её за округлые плечи. Посмотрел на Николая в упор и предложил: – Возьмите у машины поднос.

Молодой дворянин широко ухмыльнулся. Сжал большим и указательным пальцем край золочёного блюда. Потянул на себя и удивился тому, как крепко девушка держит драгоценный предмет.

Потом, потянул немного сильнее и неожиданно понял, что не может отнять у девушки тяжёлый поднос. Схватился за него двумя руками и со злостью рванул на себя. Однако, и эти усилия не увенчались успехом.

Зато, девушка вдруг потеряла своё равновесие и сильно качнулась вперёд, словно подрубленный столб. Если бы Прохор, не держал её сзади то, она бы упала ничком с высоты всего роста.

Самое удивительное, было в том, что механик ощутил под своими руками не мягкие женские плечи, а твёрдую плоть. Настя походила на статую, сработанную из прочного дерева.

– Можете пощупать предплечье машины. – предложил Яков Брюс Николаю.

Парень опасливо ткнул пальцем в бицепс Настасьи и тот-

час отшатнулся назад: – Мышцы под бархатной кожей, словно из дуба. – сказал смущённый повеса.

Хозяин вставил в причёску Настасьи булавку. Девушка вновь сильно вздрогнула. Заморгала глазами и, переступив ногами на месте, тотчас обрела равновесие. Ощувив на себе чьи-то руки, она повела плечами, и резко сбросила с них ладони механика.

– Отведи Настасью на место и поставь её возле стены. – сказал Яков Брюс: – Вечером я посмотрю, всё ли с нею в порядке? Кажется мне, что в ней нужно, что-то исправить.

Прохор, потрясённый увиденным зрелищем, и совершенно спокойная девушка, вместе вышли из обеденной залы. Двинулись к кабинету хозяина и скоро оказались возле него. Здесь их встретил личный слуга господина. Перекрыл путь к дверям и сказал: – Барин велел, отослать вас обоих на половину холопов. Идите туда и ждите, когда он позовёт.

Прохор отвёл девушку в ту часть господского дома, где проживали молодые служанки. Зашёл оттуда в людскую. Все слуги уже пообедали, и он там оказался совершенно один.

Механик взял у повара полную миску с зелёными щами из листьев крапивы и столько же гречневой каши. Съел всё это вместе с краюхой ржаного подового хлеба. Почувствовал себя довольным и сытым. Вернулся в каморку, где жил уже несколько лет и закрыл за собой тонкую дощатую дверь.

Комнатка оказалась такой небольшой, что в ней умещался

лишь крохотный стол, над которым висел деревянный светец для обычной лучины. Рядом стоял простой табурет, да топчан, служивший удобной кроватью. Всю эту скромную мебель, механик сделал своими руками. В дело пошли те отходы, что остались при строительстве господского дома.

Раньше здесь находился тёмный чулан, где хранили разную мелочь, нужную для уборки в огромных хоробах. Потом, Яков Брюс дал команду своему мажордому: – Очистить кладовку и поселить в неё «придворного» мастера. – за что ему, конечно, большое спасибо.

Работал Прохор в большой мастерской. Её по приказу хозяина устроили во флигеле здания. Она была очень светлой и хорошо оснащённой. Питался механик вместе со слугами в тесной людской, а сюда приходил только поспать.

Окна в отведённом ему помещении никогда не имелось. Зато здесь проходила дымовая труба, что поднималась от печи нижнего яруса. Так что, зимой тут было довольно тепло. К тому же, он жил здесь совершенно один, не то что прочие слуги. Те ютились в тесных и душных коморках по пять или шесть человек.

Сколько будет длиться обед у вельможных господ, никто из холопов не мог угадать. Поэтому, если появлялась такая возможность, то каждый старался прилечь отдохнуть.

Кто его знает, что придёт в голову Якову Брюсу? Вдруг он велит куда-то идти, что-нибудь по быстрому сделать, или просто стоять возле двери и ждать его новых приказов. А

когда он даст эту команду никому неизвестно. То ли днём, то ли вечером, то ли после полуночи? Пойди разберись.

Подушка и широкий тюфяк благоухали свежей пшеничной соломой, привезённой недавно с гумна. Брошенные в углах ветки полыни наполняли воздух духом привольной степи и не давали назойливым блохам проникнуть в уютную комнатку.

Клопы, конечно, опять заведутся, но с этим ничего поделать нельзя. Не может же он попросить у хозяина тот порошок, что называют «персидским». Уж очень он дорогой, чтобы давать его домовым холопам. Даже таким непростым, как «придворный» механик. Ничего, их присутствие можно терпеть, до костей не сожрут.

За пару часов, Прохор хорошо отдохнул. Встал и подумал, чем бы можно заняться? Идти в мастерскую и попытаться улучшить конструкцию Леонардо да Винчи? Но Яков Брюс заявил, что это никак невозможно. Приказал, повесить модель орнитоптера в его кабинете «куриозных» вещей и больше с ней никогда не возиться.

После того, как обломки привезли из леса в усадьбу, механик аккуратно разобрал аппарат. Отдал уцелевшие тонкие рейки краснодеревщикам барина, а лоскуты красивого шёлка разобрали молодые служанки. Кто-то из них сшил себе поясок, кто-то платочек для носа, как у господ, а кто-то небольшую косынку.

Щепочки и небольшие обрывки обшивки растащили де-

тишки крестьян, что в это время оказались поблизости. Так и закончилась непростая история прекрасной воздушной машины.

Опасаясь далеко уходить от хозяина, Прохор вернулся в людскую. Здесь он встретил лакея, что прислуживал за столом господам. Сел рядом с ним на длинную лавку. Поговорил о том и о сём и узнал, чем завершился шумный обед?

После того, как Прохор ушёл из залы вместе с Настасьей, барчук Николай стал мрачным, как туча. Много пил, и что-то недовольно бурчал про себя. Когда всё поднялись из-за стола, молодой дворянин ушёл в комнату, отведённую ему нашим хозяином, и завалился в кровать.

Слуга, помогавший ему раздеваться, услышал, как Николай бормотал, что он всё равно, купит у Якова Брюса ту странную девку, что он смастерил для себя. Научит её флиртовать с господами и будет подшучивать над своими друзьями.

Вот будет то смеху, когда кто-то из его пьяных товарищей затащит постель «брюсову железную бабу». Стащит с неё сарафан и обнаружит, что это вовсе не женщина. Наверняка он тогда испугается, и будет вопить, словно резанный.

Узнав все последние новости, Прохор вышел из тесной людской и пошёл к кабинету хозяина. Вдруг призовет его пред свои светлые очи? В проходном коридоре он наткнулся на Настю. Остановил хмурую девушку и спросил напрям-

мик: – Что случилось с тобой в обеденной зале?

– А со мной что-то было? – искренне удивилась Настасья: – Я подала, господину вина. Он взял бокал и стал уговаривать меня сказать величальную здравицу. Я бы, конечно, сказала, что в том такого, но хозяин приказал мне вчера в кабинете: – Не скалься, ни на кого не смотри и держи рот на замке. – вот я молчала.

Потом, ко мне подошёл господин и сделал то, что вчера обещал. Вынул заколку из моих заплетённых волос. Вставил обратно и велел мне уйти из обеденной залы. Я и ушла вместе с вами. Вот, пожалуй, и всё.

– Больше ты ничего не запомнила? – удивился механик: – Как я стоял сзади, держал за плечи тебя и не дал упасть, когда гость сильно дёрнул поднос?

– То, что ваши руки лежали у меня на плечах, я отчётливо помню, но когда вы их туда положили, как-то выпало из моей головы. Да и зачем вы так сделали, мне тоже совсем не понятно. Вы мне вовсе не муж, не брат не отец, так какое вы право имели, так со мной поступить? Зачем вы меня перед всеми позорили?

– Господин приказал. – отмахнулся механик и увидел, как побледнела Настасья.

– «Наверное, дурёха подумала, что хозяин решил выдать её за меня...» – понял вдруг Прохор. Хоть мужчина совсем был не против венчания с юной девицей, он поспешил успокоить красавицу:

– Не волнуйся, барин не хочет нас поженить. – сказал ей механик. Заметил, как она облегчённо вздохнула и, боясь, что девушка ничего не ответит, задал новый вопрос: – А что вчера Яков Брюс делал с тобой в кабинете?

Он ожидал увидеть краску смущения на её прекрасном лице. Так часто бывает после принуждения девушек к любовным утехам. К его удивлению, служанка ничуть не встревожилась. Её вовсе не тронуло то, что механик спросил о позднем визите на ту половину огромного дома, где живёт господин.

– Да совсем ничего. – спокойно сказала она: – После того, как вы вышли за дверь. Он посадил меня в кресло для важных гостей. А оно такое покойное, мягкое, что я едва усидела с прямою осанкой. Так и хотелось откинуться и положить руки на подлокотники.

Господин достал из кармана свои золотые часы, что говорят, привёз когда-то из Англии. Взял их за толстую витую цепочку и поднял на уровень моей головы. Покачал перед моими глазами вправо и влево и приказал мне смотреть на блестящую крышку. Потом, досчитал до пяти и вдруг говорит: – «Вставай и отправляйся к себе». – ну, я тотчас поднялась. Поклонилась, как должно, и немедля ушла.

Вернулась в ту тесную комнату, где живу вместе с другими служанками. Смотрю, в нашей конурке темно, а все уже крепко спят. Думаю: – «Чего это девки так рано в кровать завалились?»

Решила, что они сильно устали и не стала соседок будить. Легла на постель и сразу уснула. Утром поднялась на заре, вместе со всеми. Ну, а что было дальше, вы знаете.

Поняв, что больше он ничего не добьется, Прохор кивнул на прощание растерянной девушке. Двинулся к той части дома, где были апартаменты хозяина, и попытался понять, что же случилось в усадьбе за прошедшие сутки? И главное, почему, Настя так мало запомнила из того, что было с ней в кабинете и в обеденной зале? Насколько он знал, она никогда не страдала провалами в памяти.

Ведь судя по её же словам, она пробыла в кабинете хозяйина достаточно долго. Пока, служанки уложили господских детей и их вельможных родителей, пока прибрали вещи за ними, пока сами дошли до топчанов и благополучно уснули, прошло часа два, а то и побольше.

Значит, каким-то неведомым образом, наш господин заставил её позабыть то, что было вчера и сегодня. К тому же, он превратил её в недвижимую статую прямо у всех на глазах.

Прохор вдруг вспомнил ту книгу, где недавно читал об иноземном враче Уильяме Гильберте и о его «живом магнетизме». Понял, в чём причина провалов в памяти девушки и слегка испугался.

Выходит, хитроумный хозяин проделал немислимый трюк, который под силу лишь древним волшебникам. Таким, как святой Киприан, Парацельс, Морган ле Фэй или про-

славленный англичанами Мерлин. Ещё к ним можно причислить тех современных факиров, которые иногда прибывают в Европу из Индии.

Получается, что господин проник в великую тайну. Овладел ужасным искусством внушения людям своих пожеланий и может заставить всех окружающих, выполнить любую команду. Даже превратиться в некое подобие статуи. Страшно подумать, чем может всё это закончиться.

Нужно сказать, что Яков Брюс владел сотнями душ крепостных. Мог приказать им всё, что только хотел, а они, без лишнего ропота, сделали всё, что сумели. К сожалению барина, все его люди были простыми крестьянами. Поэтому, их умения не простирались так далеко, как хотелось хозяину.

А он нуждался не в грубой физической силе, а в толковых помощниках, способных ему подсобить в изучении различных наук. Так что, ему самому приходилось учить тех немногих холопов, кто подавал неплохие надежды. Или отдавать их в обучение к немцам, в слободку Кукуй и платить за это приличные деньги.

Благодаря столь удивительной причуде хозяина, Прохор владел не только родным языком, но ещё и немецким, английским и латинским наречием. Мало того, мог на них свободно читать и писать. Хорошо знал математику, механику, физику и зело разбирался в сложных химических опытах.

Кроме того, Яков Брюс позволял крепостному читать трактаты великих учёных, которые всегда привозил из путе-

шествий по странам Европы. В следствии этого, Прохор был образован не хуже, а может быть даже и лучше, чем многие профессора, приехавшие в Россию из соседних «развитых» стран.

«Придворный» механик подошёл к дверям кабинета хозяина. Приготовился ждать неизвестно сколько часов, но всё вышло совсем по-другому. Здесь его встретил личный слуга господина и сообщил: – Хорошо, что ты сам появился. Барин только что хотел видеть тебя. Подожди в коридоре, сейчас сообщу о тебе.

Камердинер тихонечко стукнул в высокую створку и дождался недовольного ответа хозяина, который крикнул: – Ну, что там ещё?

Аристарх Дормидонтович заглянул в узкую щель и доложил о приходе механика.

– Пусть подождёт, я его позову. – послышался голос и дверь снова закрылась.

Минут через десять, зазвонил колокольчик, висевший в тесной прихожей, расположенной перед кабинетом хозяина. Старый слуга нырнул к своему господину. Тут же вернулся назад и прошипел: – Заходи.

Прохор осторожно вошёл в большой кабинет и, старясь не смотреть Брюсу в глаза, поклонился чуть ниже, чем это делал обычно: – «Кто его знает, как он проявляет свой «магнетизм»? – с опаской подумал «придворный» механик.

– «Недаром говорят в русских сказках, что колдуны подчиняют людей своей воле, одним только взглядом». – вздрогнул вдруг Прохор, но тотчас себя успокоил: – «Хотя, Настя сказала, что он действовал совсем по-другому. Так, как написано в книге о Уильяме Гильберте. Держал перед ней золотые часы, качавшиеся, словно маятник напольных часов, а ещё, считал до пяти ровным размеренным голосом».

Прохор встал у высоких дверей. Выпрямился во весь рост и, глядя на бритый подбородок хозяина, усиленно думал: – «Ну с ней всё понятно, она никогда не слыхала про подобные штуки, а что делать мне, если он вдруг решит повторить этот опыт со мной? Поддаться или противиться его «магнетизму»?

Кто его знает, как он себя поведет, если почувет, что я упираюсь? Вдруг зело осерчает, если не сможет меня покорить своей воле? Ещё велит высечь, чтоб другим не было повадно. Ладно, дойдёт до этого дела, там и посмотрим. Сделаю так, как Бог на душу положит».

К счастью смущённого Прохора, хозяин не стал пробовать на нём свою страшную силу. Вместо этого, он тихо спросил: – Как там ведёт себя наш гость Николай? Надеюсь, он не удумал устроить какую-то новую каверзу?

Механик облегчённо вздохнул и доложил о том, что слышал от слуг. О том, что дворянин хочет купить сенную девушку Настю, невзирая на то, что она неживая. Мол, пусть будет в хозяйстве, пригодиться ещё шутки с друзьями шу-

тить.

– Передай молодому хлыщу, что через три с половиной часа я жду его у себя, в моём кабинете. – сказал Яков Брюс: – Но сначала, всё подготовь по этому списку. Вот тебе план твоих действий.

Он протянул механику лист плотной бумаги, исписанный чётким разборчивым почерком. Немного подумал, и тихо закончил: – Доставь в лабораторию Настю. Потом, скрытно проведи её в эту комнату и поставь в том, дальнем углу. Там поглядим, что делать дальше?

Семнадцатилетний молодой человек бодро вошёл в большой кабинет Якова Брюса. Сделал пару шагов и застыл у порога, словно давая хозяину хорошо себя рассмотреть.

Мол, полюбуйтесь, какой я красивый, высокий и ладный. Судя по здоровому внешнему виду и чётким движениям, он уже оправился от большого количества вин, выпитых за обильным обедом. Видно, его организм отлично справлялся с подобной нагрузкой.

Дворянин был одет в тщательно вычищенный и отглаженный новый костюм. Скорее всего, одежда пошита у очень хороших портных, приехавших в Москву из Европы.

Владелец имениня отметил, что на обеде этот повеса выглядел совсем по-другому. Значит, кто-то из его многочисленных слуг успел съездить домой, за пять вёрст отсюда, и привезти сюда новое платье. Взамен тех, что все уже видели.

Разодетый по английской моде, франт оказался одним из немногих, кто попал в святая святых царедворца Якова Брюса. Нужно сказать, что никого почтения к тридцатилетнему «старцу» он никогда не испытывал.

Он чувствовал себя более значимым, чем хозяин этого огромного дома. В последние годы, его отец был в великой фаворе у самодержца Петра. Не то, что эта шотландская нерусь. Держится, где-то на вторых или третьих ролях. Вот пусть и помнит, что он собой представляет?

Кабинет «чернокнижника» оказался чрезвычайно просторным, не менее трёх с лишним сажёней в каждую сторону. Справа находилась стена с высоким «голландским» окном, выходящим на ухоженный сад, разбитый возле барского дома. Сейчас несколько рам были открыты, и в комнату лился запах каких-то цветов.

От порога был виден огромный двух тумбовый стол, заваленный книгами, старинными свитками и приборами самого разнообразного вида. Рядом стояло мягкое покойное кресло для важных гостей. С другой стороны, находилось рабочее место хозяина дома.

За ним высился массивный многостворчатый шкаф, с широкими застеклёнными дверцами. В его глубине виднелись толстые книги всевозможных размеров. От самых больших, что зовут инкунабулой, до совсем уже крохотных, размером с мужскую ладонь.

Многие из них оказались толщиной в кирпич. И как

только можно их прочитать? Ещё на полках лежали куски каких-то разноцветных камней и длинные витые ракушки, привезённые из далёких заморских краев.

Сей мебельный монстр начинался почти у окна. Тянулся вдоль всего помещения и не доходил до противоположной стены на два-три локтя. Перпендикулярно ему стоял ещё один прочный шкаф, чуть меньших размеров, чем первый.

Он не примыкал к своему старшему брату. Так что, между их торцовыми стенками оказалось расстояние где-то в аршин. Эта странная ниша тонула в тени и, что там находится, от порога не было видно.

Две остальные стены оказались завешены картами, совершенно непонятными схемами и гравюрами с видами странных неизвестных земель. Кое-где висели чучела разнообразных животных. Среди них виднелся небольшой крокодил с распахнутой пастью. Из челюстей мерзкой твари торчали острые белые зубы.

Отметив, что щёголь уже осмотрел его комнату, Яков Брюс отложил лист бумаги, который держал перед собой. Встал из-за большого стола. Слегка поклонился и с любезной улыбкой пошёл гостю навстречу.

Услужливо взял дворянина под правую руку. Проводил к мягкому креслу, стоящему слева от широкой столешницы, и предложил устроиться, как можно удобнее. Подвинул маленькую этажерку на деревянных колёсиках. Указал на коробку с набором курительных трубок и других принадлеж-

ностей и почтительно предложил закурить.

Потом двинулся к двери, ведущей наружу. Запер её на два оборота, а ключ с очень сложной бородкой положил в нагрудный карман простого камзола. После чего, вернулся назад и сел на рабочее место.

Тем временем, молодой человек выбрал лучшую из всех пенковых трубок, что лежали в коробке. Ловко набил её табаком, привезённым из далёкой Голландии. Прикурил от подсвечника, стоящего рядом, и вольготно раскинулся на покойном сидении.

Выпустил несколько огромных клубов душистого белого дыма. Проследил, как они поднялись к расписным деревянным панелям, висевшим на потолке, и продолжил осматриваться.

Из удобного кресла, где сидел молодой дворянин, кабинет представал чуть в иной перспективе. Вовсе не в той, что открылась повесе, когда он стоял у порога. Теперь он увидел всё то, что находилось в тесном углу между большими шкафами.

В первую очередь, гость разглядел небольшую плиту из гранита, высотой в пол локтя. Она стояла на двух продольных брусках из какого-то светлого камня. Понималась над полом на пару широких ладоней, а под ней темнела тёмная ниша, сделанная непонятно зачем.

Дворянин оторвался от изучения странной конструкции и наткнулся взглядом на подол ярко-синего платья. Поднял

глаза на пару аршин и понял, что на постаменте находится та очень красивая девушка, что подавала вино за обедом. Та самая служанка Настасья, о которой он хотел говорить с хозяином дома.

Она была совсем неподвижна. Стояла, низко склонив прекрасную голову, и если бы не её «голландский» наряд, то гость, пожалуй, и не узнал бы девицу сейчас. Скорее всего, он принял бы эту фигуру за самую настоящую статую. Или, скорее всего, за простой манекен.

В первую секунду, повеса слегка растерялся. Потом он решил, что вместо прекрасной холопки, что так ему сильно понравилась, там находился кто-то другой. В дальнем, тёмном углу стояла девица с бледным неподвижным лицом. Правда, она походила на ту чаровницу, как две капли воды.

Над её темноволосой головкой висела непонятная штука очень необычной конструкции. Она состояла из переплетённых медных прутков и каких-то непонятных сосудов, в которых мерцали разноцветные жидкости. Несколько огромных кристаллов гнездились среди странных тенет и недобро светились оттуда.

Молодой человек вдруг почувствовал, как шевельнулись курчавые волосы у него на макушке и, как по спине пробежал холодок, а кожа покрылась большими мурашками.

Он с тревогой посмотрел на хозяина. На холёном челе барчука читались немые вопросы: – «Неужели это Настасья?»

Что с ней случилось? Уж не больна ли она какою-то заразной хворью? Вот ведь будет досада».

Заметив у вальяжного гостя перемену в лице, хозяин удовлетворённо подумал: – «Пора начинать».

Добавив в голос толику угрозы, Яков Брюс спросил страшным шёпотом: – Я слышал, вы хотели купить сего го-мункулуса? – он небрежно кивнул в сторону застывшей де-вицы.

Услышав непонятное учёное слово, повеса слегка поблед-нел. Слабо кивнул и не очень уверенно выдавил: – Если вы, конечно, не против.

– Зачем ОНО вам? – поинтересовался хозяин: – Что вы будете делать со столь странным продуктом?

– А вам эта девка зачем? – едва слышно вымолвил гость: – Что вы с ней обычно тут делали?

– «Вот ведь нахал!» – вдруг подумал хозяин и тотчас с до-бавил к своему резюме: – «Но должен отметить, что парень большой молодец! Вон, как трясётся от страха, а сознаться в этом не хочет! Другой балбес всё стал бы уже отрицать и заявил, что он просто шутил».

– Я их здесь изучаю. – ответил владелец имения: – При-чём, очень давно. – он поднялся из-за большого стола. Нето-ропливо прошёл к открытому настежь окну и встал, опер-шись рукой на широкую раму. Молодой человек проследил за странным поведенья хозяина и теперь сидел почти спиной к юной девушке.

– За годы моих изысканий, я успел много понять в подобных творениях дьявола. Например, я узнал, что сиё существо живёт очень недолго, а при распаде на части может доставить всем окружающим немало хлопот. Если упустишь нужный момент и не удалишь его со двора, то потом сильно об этом жалеешь. Обычно оно взрывается с мощью крупнокалиберной пушки и вызывает очень сильный пожар.

К счастью, мне удалось изготовить особый прибор, который сжимает пространство вокруг гомункулуса. Создаёт нечто вроде прозрачной брони. Держит внутри страшную силу и сводит все разрушения к малой пропорции.

Поэтому, мне больше не нужно их вывозить в дальний песчаный карьер. Раньше они там быстро сгорали, не причиняя хозяйству большого вреда. Благодаря такому устройству, теперь я могу наблюдать, за их взрывом прямо у себя в кабинете. Если вы мне не верите, то я сейчас покажу, как это обычно бывает. Посмотрите туда. – Яков Брюс показал в угол комнаты.

Гость повернулся в кресле, ставшем вдруг неудобным и жёстким. Сел в прежнюю позу и снова глянул на Настю. Он с изумлением увидел, как странная конструкция над её головой вдруг повернулась на несколько градусов. Двинулась дальше и стала потихоньку вращаться. Огромные кристаллы яростно вспыхнули. Жидкость в прозрачных сосудах разом забулькала.

Застывшее, но столь же прекрасное, лицо юной холопки

вдруг исказила страшная невыразимая мука. Девушка распахнула тёмно-серые веки и вперила ненавидящий взгляд в молодого кутилу.

Затем, подняла глаза к потолку так, что ярко-синие радужки закатились под холодный мраморный лоб. Стали видны лишь белки. Настасью забила мелкая очень частая дрожь, а из открытого рта послышался низкий угрожающий звук. Он походил на рёв большого быка.

Под ногами прелестницы что-то оглушительно грохнуло. Яркая вспышка ударила в зрачки барчука и ослепила его на несколько долгих мгновений. Мощный вихрь ударил в холёную кожу лица. Клуб едкого дыма растёкся по воздуху и наполнил собой весь кабинет. Пахло мерзким запахом серы, сгоревшего мяса и разбитых тухлых яиц.

Из-под век Николая хлынули крупные слезы. Он сильно закашлялся. Прижал руки к побледневшим щекам и от сильного страха вжался в глубокое кресло. Дворянину стало так жутко, что ноги тотчас отнялись, и он не мог даже двинуться с места.

Тело барина начало бить, как в лихорадочном приступе, а холодный пот потёк по челу и лицу. Спину покрыли большие пупырышки, как бывает на ошипанных гусях. Горящая трубка вывалилась из трясущихся губ и упала на богатый камзол, расшитый камнями и золотом.

К счастью, этим всё дело и кончилось. Когда барин смог

отнять ладони от глаз, то никакой девушки в углу уже не было. Там не оказалось совсем ничего. На том постаменте, где она находилась секунду назад, лежала лишь жалкая кучка горячих углей.

Поверхность плоского камня слабо дымилась. В воздухе кружились мелкие крупиночки сажи и обгоревшие клочья какой-то мятой материи. В них барин узнал кусочки той ткани, из которой было пошито ярко-синее «голландское» платье Настасьи.

Молодой человек ощутил, что пепел из пенковой трубки подпалил полу чрезвычайно дорогого камзола. Дворянин вскочил на ноги и стряхнул с себя горящие хлопья.

Похлопал себя рукой по одежде, начавшей уже слабо дымиться. Быстро всё потушил и, лишь после этого, испуганно покрутил головой. Вспомнил, что хозяин имения у него за спиной и рывком обернулся.

Яков Брюс стоял возле открытого настежь окна. С большим сожаленьем он посмотрел на молодого повесу и тихо сказал: – Когда я услышал от слуг, что вы проявили такой интерес к сему существу, я хотел подарить его вам.

Однако, неожиданно вспомнил, что срок его службы уже подходит к концу. Зная, чем обычно кончается короткая жизнь гомункулуса, я пригласил вас сюда, чтобы вы убедились в его неизбежной кончине. Не то вы вдруг бы решились, что я не захотел продать вам красивую девушку Настю и спрятал холопку от вас.

Мне очень жаль, что сиё существо уже отжило свой непродолжительный век и взорвалось у вас на глазах. – продолжал говорить Яков Брюс: – Если хотите, могу вместо него предложить вам небольшую железную птицу. Одну из них вы видели раньше, когда в прошлый раз приехали в гости.

Должен вам сообщить, что они гораздо практичней, чем люди, произведённые в лабораторных условиях. Живут значительно дольше и не взрываются скоро и шумно. Правда, жрут удивительно много. Причём, им всё равно кого есть, они не отличают людей от скота...

– Нет... Нет... Большое спасибо... Не нужно... – залепетал испуганный гость. Повернулся на пятках и бросился к двери. С разбега врезался в закрытые створки. Повернулся к хозяину и умоляюще посмотрел на него.

– Не спешите вы так. Всё уже благополучно закончилось. – участливо сказал Яков Брюс. Достал ключ из кармана камзола и с лёгкой усмешкой добавил: – Сейчас я открою.

Спустя пару дней, шумные гости вернулись в Москву. Скоро в златоглавой столице появились новые слухи. Теперь говорили о том, что Яков Брюс научился создавать гомункулусов.

То бишь, выращивать в лабораторных условиях искусственных тварей. Причём, любого внешнего облика. Хоть больших мужиков, ростом с сажень, хоть молодых прекрасных девиц.

Ещё люди твердили, что несколько знатных господ находились в подмосковном имении Якова Брюса. Они своими глазами увидели, что может сделать сей «чернокнижник». Одним мановением рук он развеял по ветру подобную нежить, ту самую, что всем показалась изумительной девушкой.

Купец Селивёрстов. Строительство особняка

Купив большой участок земли под возведение особняка, купец Селивёрстов кинул кличь по ближайшим окрестностям. Нанял ватагу мужиков и крепких парней. Снабдил их шанцевым инструментом и приказал очистить площадку от старых лачуг, что стояли там со дня основания города.

Ломать ведь значительно проще, чем делать что-то другое. Так что, с этой задачей рабочие справились на удивление быстро. Останки ветхих халуп растащили соседи. Полу-сгнившие брёвна и доски унесли на дрова.

Кирпичи пошли на разные нужды, вроде строительства погребов и фундаментов под курятники или сараи. Ну, а оставшийся мусор погрузили в телеги. Вывезли за окраину и свалили в ближайший глубокий овраг.

Затем, Михаил Афанасьевич послал приказчика на центральный почтамт. Тот дал телеграмму в Москву и выписал из златоглавой столицы какого-то знаменитого инженера-механика. Вместе с ним прибыли ещё десять достаточно странных, совершенно непьющих мужчин, одетых подобно лучшим членам городского сообщества.

Все прочих людей набирали на месте, прямо в Подгорске. Причём, отбором занимались всё те же приезжие люди.

Благодаря столь необычному обстоятельству, первое время, на обширном участке возникла полная неразбериха. Рабочие там менялись, словно перчатки на красивых руках богатой кокетки.

Объяснялось всё тем, что заезжий «варяг» установил на строительстве такие порядки, что просто держись. С наемными служащими не церемонились и за любую провинность, немедленно гнали вшаей.

В список тех прегрешений, за которыми следовал скорый расчёт, попали и вовсе нелепые вещи. Например, малейшее опоздание к началу работы, неточное выполнение строгих приказов начальства и даже обычное российское разгильдяйство и пьянство. Плюс ко всему, воровство, пусть даже и самое мелкое.

Зато к тем, кто удержался на службе в таких невыносимых условиях, относились значительно лучше, чем в прочих местах. Простые трудяги получали там почти вдвое больше, чем в среднем по городу. Поэтому, они дорожили своим положением и пахали не на страх, а на совесть.

Через пару недель всё как-то там устаканилось и в распоряжении иноземного мастера оказалась артель, в которой все люди были подобраны один к одному. Работа, наконец-то, сдвинулась с мертвой позиции, и скоро строительство дома развернулось в полную ширь.

В течении многих веков, в заштатном Подгорске ещё никогда не возводились столь огромные здания. Тем более, с

такой невероятной сноровкой. Всего лишь за месяц, рабочие вырыли невероятно большой котлован.

Потом, заложили добротный фундамент и взялись за кладку глубоких обширных подвалов. Быстро выбрались из вязкой сибирской земли. Разровняли площадку и начали строить первый этаж.

После чего, в городе появились очень странные весьма противоречивые слухи. Одни утверждали, что шикарный особняк Селивёрстова возводит бригада рабочих, выписанных не абы откуда, а из просвещённой Европы.

То ли из трудолюбивой и дотошной Германии? То ли из промышленно развитой Англии? А может быть, даже из далёкой Америки? Командует ими не простой инженер из Москвы, а знаменитый учёный, который воздвиг множество храмов на нашей планете.

Мол, только поэтому, скорость строительства невероятно высокая. Объяснялось подобное чудо самой новейшей методикой, разработанной великим парижским профессором. Но была ещё и другая, совершенно нелепая версия этих странных событий...

Корчмарь. Реконструкция особняка Селивёрстова

Как только были оформлены все документы, бывший «Дом пионеров» стал достоянием Корчмарёва Николай Александровича. Молодой олигарх не стал долго тянуть, а сразу взялся за дело.

Пригласил к себе архитектора, самого известного в городе. Заключил с ним строгий трудовой договор и дал короткий приказ: – Срочно найти документы, по которым был выстроен особняк купца Селивёрстова.

Часть старых планов удалось отыскать в пыльных местных архивах. К сожалению инженеров-строителей, это были лишь схемы различных коммуникационных сетей, и пять или шесть небольших фотографий. Зато из этих бумаг удалось узнать имя знаменитого московского зодчего, который некогда создал большой особняк.

Пришлось Корчмарю опять раскошелиться, и срочно отправить людей в столицу России. Там, в дальних запасниках одного из заштатных музеев, и были найдены недостающие чертежи огромного здания.

Как выяснилось, за минувший век с небольшим, фасады великолепного дома практически не пострадали. Ни смутные годы гражданской войны, ни долгие десятилетия совет-

ской республики, не изменили внешнего вида особняка купца Селивёрстова.

Обнаружились лишь не очень большие утраты. В ходе боев за Советскую власть были разрушены два верхних яруса центральной надстройки. Да ещё снесены четыре скромные башенки, стоявшие рядом.

Так уж случилось, что власть в Подгорске того бурного времени, менялась достаточно часто. А артиллеристы всех враждующих армий, проверяли меткость орудийной стрельбы только на башне и маленьких башенках. Почему они это делали, теперь уже сложно понять. Скорее всего, они просто бахвалились своим военным умением.

В послевоенный период, тоже обошлось без особых потерь. В разные годы, в особняке обреталось большое количество различных контор. К счастью, новые хозяева здания ничего не сносили. Лишь к дворовому фасаду приделали множество мелких сарайчиков. Вот, пожалуй, и всё.

Зато внутри великолепной постройки они «трудились» с невероятным размахом. Особняк много раз подвергался ремонту. Причём, капитальному, и с большой реконструкцией.

Так что, к нашему, двадцать первому веку, от роскошного убранства многочисленных залов совсем ничего не осталось. Да и планировка всех внутренних комнат изменилась не в лучшую сторону.

Появилось огромное количество тесных и тёмных клету-

шек с невероятно высоким лепным потолком. Бесследно исчез благородный паркет, а вместо него, появился дешёвый линолеум невероятно ядовитых расцветок.

Пока люди Николай Александрыча рылись в пыльных архивах, архитектор не оставался без дела. Он побродил по шумной Москве. Прочёл пару занимательных книг и узнал много чего интересного. Затем, он, никуда не спеша, вернулся домой. Взял чертежи, найденные в столице страны. Внимательно их изучил и подготовил свои предложения.

После чего, позвонил Корчмарю. Договорился с ним о немедленной встрече. Пришёл в большой кабинет олигарха и доложил о своих изысканиях: – Сто лет назад особняк походил на знаменитую Сухарёвскую башню, что раньше стояла в Москве.

Можно сказать, что он был чуть уменьшенной копией того чрезвычайно необычного здания. Получается, что до Октябрьской революции в Российской империи было две почти идентичных постройки.

В связи с глобальной реконструкцией города, затеянной Сталиным в 1934 году, многие сооружений пришлось уничтожить. Вместе с ними погиб оригинал, находившийся на Садовом кольце. Причём, окончательное решение по данному непростому вопросу принимал лично генсек. Так что, теперь во всей нашей стране осталось только одно здание подобного типа.

– Почему именно Сталин решал эту проблему? – спросил удивлённый Корчмарь. Секунду спустя, он получил достаточно подробный ответ.

– Всем отлично известно, – сказал архитектор: – что в Сухарёвской башне работал знаменитый колдун Яков Брюс. Тот самый, что был царедворцем, сподвижником и личным другом царя Петра I на протяжении всей его бурной и воинственной жизни.

Согласно великому множеству слухов, Яков Вилимович владел таинственным артефактом, который принадлежал ещё премудрому царю Соломону. Скорее всего, этот предмет перешёл к нему по наследству от славного предка Роберта Брюса.

Данный представитель древнего рода, в XIV веке правил Шотландией под именем Роберта I. Кроме всех прочих деяний, король основал Орден святого Андрея, объединившего тамплиеров, живших в то время на севере острова Великобритания.

Видимо «Чёрная книга» попала к нему, как к верховному магистру храмовников. Она состояла из семи небольших деревянных дощечек, исписанных непонятными знаками.

Заклинания, заключённые на этих табличках, были настолько ужасными, что Яков Брюс не хотел, чтобы они попали в руки нечистоплотных людей. Поэтому, он замуровал артефакт в стене большой башни, возвышавшейся над Сухарёвской казармой.

Ученики «чернокнижника» знали, что манускрипт лежит где-то в здании. Они перерыли все помещения, но так и не смогли ничего отыскать. Скоро об этом узнали царские власти. Они захотели добыть ужасную вещь, чтобы использовать её в своих интересах.

После смерти Якова Брюса, наступившей в 1735 году, царица Анна Иоанновна, приказала обыскать «Навигацкую школу» от чердака до подвала. А так же, просмотреть весь научный архив, который умерший «колдун» завещал Академии Российских Наук. Однако, как не искали десятки учёных, никто ничего не нашёл.

Опасаясь, что могущественная «Чёрная книга» окажется в чужих и зловредных руках, императрица сделала всё, чтобы ей не мог воспользоваться кого-то другой. Она издала строгий указ. Согласно нему, возле башни должна была постоянно находиться охрана и следить, не выносит ли кто из старого здания древние книги?

Сменяя друг друга, солдаты стояли у башни три четверти века. Так продолжалось вплоть до Октябрьской революции. Даже большевики, пришедшие к власти, и те не сразу решились отказаться от того караула. Только в 1924 году пост, наконец, распустили. В бывшей обсерватории Якова Брюса открыли музей коммунальных услуг.

О пропавшей таинственной книге знало все руководство молодой Советской республики. Среди них был и Иосиф

Виссарионович Сталин. Он проявлял большой интерес к наследию колдуна, почившего в восемнадцатом веке.

Об этом нам говорит такой странный факт. Когда начали разрабатывать схему метро, Сталин предложил взять астрологическую карту Москвы, предложенную Яковом Брюсом. Разбить Кольцевую линию на двенадцать частей, в соответствии со знаками зодиака, и возвести подземные станции в каждом «узле».

Великий строитель Советской страны использовал разработки Якова Брюса ещё в паре случаев. Например, когда прокладывали Бульварное и Садовое кольца. Кроме того, он приказал построить МГУ на Воробьёвых горах. Яков Брюс утверждал, что это высокое место очень благоприятно для постижения знаний.

В 1934 году Сталин всё же решился на крайние меры. Он велел снести Сухарёвскую башню. К удивлению всех окружающих, он приказал её не взрывать, как это делалось со всеми церквями и прочими «ненужными» зданиями.

Все стены разбирали только вручную и осматривали каждый фрагмент. Это делали под строгим контролем специальных людей, присланных из спецотдела НКВД. Каждый день Сталину докладывали о результатах поисковых работ, а все находки тотчас доставляли в его кабинет.

Как утверждает людская молва, там отыскивали очень много весьма интересных вещей, но только не таинственную «Чёрную книгу». Ещё говорят, что в толпе, стоявшей вокруг сно-

симого здания, видели ветхого старца в потёртых древних одеждах.

Остатки башни всё же взорвали. До сих пор у российских учёных нет единого мнения по поводу такого решения. То ли Сталин нашёл то, что так долго искал? То ли нет, и от этого так разозлился, что приказал разнести всё в мелкую пыль?

Позднее стало известно, что при взрыве развалин, оставшихся от разобранной башни, присутствовал ближайший сподвижник диктатора – Лазарь Моисеевич Каганович. Он говорил, что стоял в толпе горожан и вдруг, недалеко от себя, увидел живого Якова Брюса.

Он выглядел так же, как на старинном портрете. На голове чёрный парик длиною до плеч. Одет в красный камзол с золотым позументом, и такие же точно штаны, спускавшиеся чуть ниже колен. Шёлковые чулки и тупоносые туфли на небольшом каблуке. Почему-то на пришельца из прошлого никто не обращал никакого внимания.

Есть ещё одна необычная версия, объясняющая, куда делась знаменитая «Чёрная книга»? Скорее всего, колдун смог наложить на артефакт заклятие царя Соломона. Благодаря колдовству, тот фолиант стал совершенно невидим, и его нельзя никак ощутить.

То есть, не имея ключей к заклинаниям, клад нельзя отыскать. Тут не поможет ни самая сильная магия, ни какие-либо приборы, созданные современной наукой. Такие, как магнитометры или металлодетекторы.

Возможно, что после того, как разрушили Сухарёвскую башню, «Чёрная книга» просто повисла в окружающем воздухе, и находится там до сих пор. К сожалению учёных, её совершенно невидно.

Она не даёт тень, ни в лунном, ни в солнечном, ни даже, в искусственном свете различных оттенков. Нащупать её тоже никак невозможно. Поэтому, птицы и вертолёты летают сквозь книгу совершенно свободно, словно там нет ничего.

Ошеломлённый такой информацией, Корчмарь что-то прикинул, и сразу решил, что его особняк не имеет отношения к чернокнижнику Якову Брюсу. А если вдруг и имеет, то очень далёкое. Почти несущественное.

Просто господин Селивёрстов увидел очень красивое здание, стоявшее в златоглавой Москве. Оценил его по достоинству и заказал себе нечто похожее. Вот, пожалуй, и всё. Так что, не стоит грузиться таинственной мистикой. И так дел по горло с ремонтом.

Затем, олигарх просмотрел все бумаги и фото. Немного подумал и озвучил приказ архитектору: – Будем восстанавливать так, как было всё при прежнем владельце. Денег на восстановление архитектурных деталей выделять в нужном объёме. Ничего не менять. Закладывать такие же материалы, что применялись в годы строительства здания.

Я не беднее его, а может быть, даже намного богаче. Так что, могу себе это позволить. – при этих словах Корчмарь

вдруг приосанился и выпятил широкую грудь, основательно заплывшую жиром от хорошей, обильной еды.

Услышав эти слова, наёмный служитель карандаша и резинки вытянулся «во фронт» и мысленно взял под козырек. Вернулся в свою небольшую контору. Собрал людей различных профессий, и работа над престижным объектом тотчас забурилась, как кипящая вода в котелке.

Пока десятки проектировщиков трудились над схемами и чертежами, строители принялись разбирать все пристройки, созданные в советское время. Быстро снесли дощатые перегородки, разделявшие огромные залы на маленькие тесные комнаты. Выломали все окна и двери и разобрали скатную кровлю.

Во время поездки в Москву, архитектор узнал, что существует отличный музей под названием – «Дом Я. В. Брюса в Глинках». Разогнав людей по различным архивам, наш зодчий съездил туда. Благо, что усадьба «отца русской артиллерийской науки», была расположена в Подмосковье, всего в сорока двух верстах от столицы.

Она по-прежнему находилась в живописнейшем месте, при впадении большого ручья со странным именем Воря в неширокую речку под названием Клязьма. А если выражаться точнее, то в подмосковном городе Лосино-Петровский, недалеко от железнодорожной станции Монино.

Прибыв на место, архитектор изучил экспозицию и узнал

много чего необычного. В первую очередь то, что Яков Брюс построил здесь особняк, который по тем временам, оказался настоящим дворцом. После чего, он создал на крыше астрономическую обсерваторию, наподобие той, что была у него в «Навигацкой школе», в Москве.

В больших подземельях под домом колдун устроил несколько прекрасных лабораторий, где занимался различной наукой. В том числе: физикой, химией, оптикой, а главное – знаяхрством вместе с алхимией.

Закончив осмотр, мужчина поговорил с директором данной усадьбы-музея и парой-тройкой старых служителей. Попросил поискать материалы по Сухаревской башне и дал всем весьма ощутимый аванс. После чего, предложил сообщить ему, если таковые найдутся.

С того времени прошло около месяца. Архитектор уже и забыл о той интересной поездке, когда из Подмосковья в город Подгорск вдруг пришёл пухлый пакет. Внутри находились ксерокопии прекрасных рисунков, выполненных самим «чернокнижником».

Проектировщик тщательно разобрал полученные по почте бумаги и понял, что это наброски оконных рам и больших витражей, некогда находившихся в знаменитой Сухаревской башне. Здесь же нашлась и раскладка плашек, предназначенных для устройства великолепных паркетных полов.

Насколько знал архитектор, те же эскизы использовались

и во время отделки особняка купца Селивёрстова. Мужчина обрадовался полученным материалам. Отправил в музейным работникам обещанную им ранее сумму. Срочно связался с заказчиком и сообщил о пришедшей посылке.

Услышав о новых расходах, которые потребуются на оформление дома, олигарх скривился от неудовольствия, вспыхнувшего в «мохнатой, ментовской» душе. Однако, он быстро смирился с таким положением дел, и пригласил зодчего в свой кабинет.

А куда было деваться сейчас Корчмарю? Ведь сам говорил архитектору, чтоб денег на особняк не жалел. Теперь уже не пойдёшь затылком назад. Он давно не сопливый пацан, а реальный мужик.

Так что, дал слово, держи. Не теряй лицо перед какими-то лохами. Не то этот строитель разнесёт молву по Подгорску. Солидные люди услышат подобные байки и тотчас подумают, что у Николай Александрыча закончились бабки.

Корчмарь просмотрел все рисунки и понял, что они ему очень понравились. Особенно витражи и сложный орнамент на паркетных полах. Однако, скаредность всё ещё шевелилась в сознании и нувориш спросил зодчего: – Это точно, что подобные рамы были в особняке Селивёрстова?

Архитектор полез в тощую папку, которую принёс в кабинет. Вынул несколько старых фотографических карточек, добытых в Подгорских архивах, и подсунул хозяину. На по-

блекших от старости снимках чётко виднелись ажурные переплеты на окнах. Не возникало сомнений, что они были сделаны по рисункам, выполненным рукой колдуна.

Жестом Петра I, указавшего место удара по шведам, Корчмарь ткнул пальцем в пожелтевшие фото и важно сказал: – Быть по сему! – он как-то слышал по радио, что так любили писать императоры на важных бумагах.

Изумлённый начитанностью бывшего опера, архитектор робко спросил: – Может быть, слегка упростим верхние ярусы башни, а заодно и все витражи? Уж очень они получаются сложными.

– Ни в коем разе. – безапелляционно отрезал хозяин райцентра Заборское: – Делать всё так, как было при купце Селивёрстове.

Проектировщик вновь встал «во фронт». Вернулся в свой крохотный офис и стал рисовать шаблоны для изготовления рам и больших витражей. Нужно сказать, что с этим ему пришлось изрядно помучаться.

В то время уже появились компьютеры и программы, предназначенные для создания любых, даже очень больших чертёжей. Однако, орнамент был на удивление сложным. Так что, работа шла ни шатко ни валко.

Дело было в том, что «персоналки» стали вдруг «глючить», а хваленый программный продукт постоянно «вис» или «падал», словно подкошенный каким-нибудь вирусом.

После восстановления «сдохшей» системы, чертежи так сильно ломались, что их приходилось делать снова и снова. Несколько раз подряд, куда-то исчезали совершенно готовые файлы, и всё начиналось по новому кругу.

Так и пришлось архитекторам вернуться в недавно минувший век и рисовать орнамент вручную. Иначе концы с концами не желали сходиться. Густое переплетение изогнутых импостов, создавало такие непростые фигуры, что от них голова очень сильно кружилась.

Проектировщики скоро отчаялись. Поняли, что не смогут ничего толком сделать и пригласили художника, широко известного в городе. Лишь благодаря его мастерству и таланту, удалось справиться со столь сложной задачей.

С чертежами разрушенных ярусов башни все оказалось значительно проще. Практически все они сохранились со времён купца Селивёрстова. Так что, осталось лишь перенести их на другую бумагу и распечатать в пяти экземплярах. Вскоре проект реконструкции был завершён, и начались работы на стройке.

Прохор. Мистификация

Вместе с Акимом Прохор проехал чуть больше, чем четверть версты. Услышал приглушенный стон, раздавшийся откуда-то сбоку. Потянул за повод уздечки. Повернул коня и направил его прямо на звук. Всадники миновали ещё две-три или триста сажень и увидели свой орнитопртер. Вернее сказать, то, что осталось от некогда прекрасной машины.

Приближаясь к земле, аппарат врезался в крону высокого дерева. Тотчас утратил способность летать, и упал с большой высоты. Собранный из тоненьких реек, каркас был очень хрупким, как скорлупа у яйца.

Он не вынес такого удара о твёрдую почву. Мгновенно разрушился и превратился в острые мелкие щепки. Дорогу-щий английский шёлк изорвался в мелкие клочья и свисал неопрятными прядями, с остатков конструкции.

Прочно привязанный к раме ремнями, Семён не мог прыгнуть с неё и зацепиться за ближайшую ветку. Поэтому, он рухнул вниз вместе с погибшей машиной. Так что, кузнец пострадал не только от столкновения с деревом, но и поранился от ударов о толстые сучья, встретившиеся ему на пути.

Теперь бедный коваль лежал под обломками орнитопртера. Походил на истрёпанную тряпичную куклу и тихо стонал. Прохор с Акимом спрыгнули с седёл коней. Привязали по-

воду к ближайшим стволам и бросились оказывать помощь пострадавшему парню. Иначе он мог быстро погибнуть у них на глазах.

А дел у них оказалось немало. Нужно было наложить на тело Семёна тугие жгуты и повязки. Остановить ярко-алую кровь, бегущую из множества ран и пристроить лубки на сломанные руки и ноги. Причём, сделать всё это, как можно скорее.

В ход пошли кушаки и рубахи, изорванные в широкие ленты. К ним присоединились куски плотного шёлка и другие обломки машины. Когда мужики справились с тяжёлой работой, они поняли, что не стоит терять драгоценное время и «гонять» в село за телегой. Пришлось взяться за устройство простой волокуши.

Хорошо, что Прохор имел большой складной нож, который всегда носил при себе. Вместе с Акимом, он нашёл пару тонких деревьев, толщиной с девичью руку и подрезал их у самого корня.

Затем, оба мастера навалились на стволы юных дубочков и легко их сломали. Отделили верхушки, очистили от множества веток и получили две слеги, каждая длиною в пару сажень. Остатками драгоценного шёлка связали эти оглобли, в нечто похожее на носилки с длинными ручками. Прикрепили один конец к седлу лошади, а второй остался лежать на траве.

Подвели незатейливый «транспорт» к Семёну. Подняли

увечного парня с земли и устроили на покатой лежанке, головою по ходу движения. Хорошо, что кузнец лишился сознания при своём приземлении. Иначе все эти движения могли причинить ему жуткую боль.

Наконец, всё было готово. Аким взял двух лошадей под уздцы. Повернулся в сторону барского дома. Тронул с места животных и, лавируя между высоких деревьев, повёл их в поводу. Прохор двигался следом. Шёл вровень с трясущейся неудобной «повозкой» и следил за тем, чтобы летун не свалился в дороге.

Как это ни странно, но Прохор с Акимом и раненым ковалем прибыли к барскому дому чуть раньше, чем вся остальная компания. Увидев «железную птицу», дворяне зело испугались. Свалились с отличных высоких коней и сильно расшиблись о землю. Поэтому, они не могли ехать так быстро, как прежде.

К тому же, они не привыкли кататься на мелких крестьянских лошадках. Тем более, на тех рабочих животных, у которых на покатой спине не было кожаных сёдел. Вместо них лежал лишь кусок старой потёртой овчины. Да и стремяна из верёвочных петель не позволяли им чувствовать себя так же уверенно, как на своих дорогих скакунах.

Хозяин стоял у окна кабинета и смотрел на дорогу, ведущую к его огромному дому. Сесть за работу, которую он начал до появления в комнате Прохора, барин почему-то не

мог. Во-первых, не давала покоя неудача с прекрасной машиной Леонардо да Винчи.

– «А я так рассчитывал на сей орнитоптер». – размышлял Яков Брюс: – «Надеялся, что он сможет летать, и стал строить планы по его применению. Хотел использовать для разведки позиций противника, а то и для высадки малых военных десантов.

Да мало ли, что ещё можно придумать? Например, парить над частями врага и бросать в них боевые гранаты с горящим запалом... Да, что теперь говорить? Всё большие задумки пошли псу под хвост...

Во-вторых, было жаль потраченных денег, а их ушло очень немало. Один только шёлк, привезённый из Англии, чего ему стоил. Мало того, что его везут из-за моря, говорят, говорят, что аж из Китая. Так ещё и купцы на нём весьма наживаются. Дерут с людей столько, сколько хотят.

Так что, обходиться он покупателю на вес чистого золота. Лучше бы любимой жене и дочкам отдал. Сшили бы себе платья для осеннего бала. Да плюс ещё лак, который пришлось выписать из далёкой Италии. Там им покрывают знаменитые скрипки и другие инструменты со струнами.

К тому же, он мог потерять кузнеца прямо в ходе летней страды. Кто будет править косы с серпами, а затем, чинить те плуги, что он получил недавно из пресвящённой Голландии? Они весьма улучшают качество вспашки, но ломаются так же, как другие железные вещи.

На всё нужны огромные деньги. А Пётр Алексеевич и так уже недоволен моими большими запросами. Говорит, что много ворую из его царёвой казны. Как бы не дошло до суда с конфискацией. Были уже такие примеры».

Брюс заметил холопов, отправленных на поиск Семёна. Взял подзорную трубу со стола. Навёл на группу людей и увидел, что кузнеца с ними нет. Понял, что с ним всё же что-то случилось, и сильно нахмурился. Желая узнать, что теперь с его ковалем, он решил выйти на крыльцо для дворовых людей и расспросить своих слуг.

Пока барин шёл из кабинета к «чёрному» входу, Прохор с Акимом приблизились к дому на расстояние в сотню сажень. Теперь и простым, невооружённым оптикой глазом, стало видно, что они возвращались пешком. Следом за их лошадьми тащились две жерди, увязанные в волокушу. На них лежало что-то тяжёлое.

– «Похоже, что это Семён». – расстроился вельможный хозяин: – «Всё случилось именно так, как я и думал. Орнитоптер врезался в дерево, а кузнец разбился вместе с машиной. Может быть, он ещё жив и, даст Бог, оклемается?»

Тут хозяин заметил, что следом за Прохором движется ещё цепочка людей. Он напряг зрение и различил тех холопов, что помогали запускать орнитоптер. Вот только с ними был кто-то ещё. Судя по богатой одежде, дворяне, но почему, они едут верхом на моих крестьянских лошадках? Где их

скакуны под отличными кавалерийскими сёдлами?

Решив, что об этом он может подумать чуть позже, Яков Брюс сбежал по ступеням крыльца. Осмотрел несчастного коваля и облегчением понял, что Семён ещё жив, хоть и сильно расшибся.

Приказал разместить его на «людской половине» с домовыми слугами. Сказал Прохору: – Приду к нему после того, как разберусь, зачем приехали эти повесы? – и шагнул к прибывшим гостям.

«Придворный» механик поклонился хозяину и не стал слушать того, о чём он говорил с молодыми дворянами. Повернулся к холопам, хлопотавшим возле Семёна. Приказал осторожно поднять его на руки и нести к той маленькой комнатке, где жили четверо домовых прислужников.

Эта каморка была самой тесной из тех, где обитали холопы. Поэтому, в ней так мало и жило людей. Прохор подумал, что её можно занять на то короткое время, пока коваль будет оправляться от ран. А эти четверо слуг пусть поживут в других помещениях. Где-нибудь смогут устроиться. Чуланов в доме достаточно.

Он и Аким быстро пошли впереди. Добрались до нужной конурки. Собрали постель бывших «хозяев» с простых топчанов, стоявших вплотную друг к другу. Сложили вещи в пустом коридоре, прямо за дверью. Вернулись назад, и на свободное, самое удобное, место бросили новый тюфяк, который кто-то достал из кладовки. Сверху положили постра-

давшего «лётчика».

Пока проделали все эти несложные действия, женщины принесли из кухни тёплую воду и куски старой, но чистенькой ветоши. Отмыли избитое тело Семёна от грязи и крови. Уложили его поудобнее, и стали ждать Якова Брюса. Он пришёл минут через десять и сам занялся разбившимся парнем.

Хозяин занимался не только математикой, физикой, химией и различным военным искусством. Он увлекался и другими науками. В том числе и естественными. То есть, биологией, анатомией, аптекарством и медициной. Знал очень многие целебные травы. Умел составлять хорошие снадобья, и когда находился в личном имении, то сам лечил своих крепостных.

А что было делать помещику? Приглашать к недужным холопам иноземных врачей? Так их и в первопрестольной Москве, сейчас всего пять или шесть человек. Да и те пользуют только сановных дворян и богатых купцов.

На быдло их уже не хватало. Так что, даже в ближайших Подмосковных деревнях люди лечились у обычных бабок и знахарей. Сюда же, за сорок вёрст от столицы и подавно никто не поедет.

Врачеватель внимательно осмотрел увечного коваля. Понял, что тот пострадал не так сильно, как он ожидал. Поэтому, должен поправиться достаточно скоро. Похоже, что ещё до прихода зимы парень сможет вернуться к кузнечной ра-

боте.

– «А пока обойдёмся как-нибудь без него». – подумал хозяин и взялся за дело. Быстро и ловко наложил на сломанные руку и ногу лубки из тонких дощечек. Смазал ушибы каким-то вонючим бальзамом, из принесённой аптекарской банки, и велел женщинам наложить чистые повязки на открытые рваные раны.

После чего, облегчённо вздохнул. Наказал усиленно кормить больного три раза в день и давать перед обедом стакан красного вина, оставшегося на барском столе. Мол, это поможет ему быстрее поправиться. После чего, отправился на свою половину.

Проخور пошёл было за ним, но хозяин сказал, что весь вечер будет заниматься с гостями, и отпустил отдохнуть до утра. Механик решил проверить, как там Семён, и вернулся в комнату, где находился коваль.

Когда он добрался до двери, распахнутой настежь, то увидел, что все холопы уже разошлись по своим рабочим местам. В комнате находилась одна сенная девушка, служившая в покоях хозяйки. Настасья сидела возле постели Семёна, держала его за неповреждённую в аварии руку и что-то тихо шептала.

Раненый парень был замотан в узкие льняные полосы, которые покрывали его крепкое тело от стоп до макушки. Сейчас он весьма походил на древние мумии стародавних жрецов из Египта.

Насколько знал Прохор, такие вещи иногда привозили в Европу с Востока и Юга. Они представляли собой огромную ценность и хранились в кабинетах «куриозных» вещей у царственных иностранных особ.

Яков Брюс не был настолько богат, чтобы иметь подобную штуку, но показывал Прохору книгу, где имелась картинка и описание мумии, лежавшей в каком-то зарубежном музее. То ли в Лондоне? То ли в Париже, а может быть в Риме?

Барин сказал, что скоро из-за границы привезут экспонаты для «комнаты редкостей» или, как её ещё иногда называли на немецкий манер – кунсткамеры. Сей «кабинет» заведён царём Петром I, для развития и блага науки. Мол, подобные вещи теперь собирают по всей просвещённой Европе и негоже государю российскому отставать от развитых цивилизованных стран.

Прохор подошёл к юной сиделке и тронул её за плечо. Девушка испуганно вздрогнула и обернулась. Механик молча кивнул ей в сторону двери. Настасья лишь бросила взгляд на хмурого помощника барина и не стала противиться.

Поднялась с табурета и покорно пошла за суровым мужчиной. Прохор вывел её в коридор. Огляделся, увидел, что они совершенно одни и зло прошипел: – Сколько раз, тебе барин твердил: – «Не мельтеши перед молодыми дворянами. Сиди в задних комнатах, когда гости сюда приезжают!»

– Так ведь Сеня сильно разбился. – залепетала в своё оправдание девушка: – Вот я в сердцах и помчалась к нему,

поглядеть, не погиб ли? Он же мне настоящий жених. Барин уже обещал отдать меня ему замуж.

Настасья тихо заплакала. Сквозь всхлипы, она едва слышно добавила: – А как увидела, что Сеня живой, так сразу ушла. Спряталась в задние комнаты и с тех пор при нём здесь сижу. Нос никуда не высовываю.

– Ладно. – смягчился механик: – Господа тоже весьма пострадали от пролёта летучей машины. Кони увидели наш орнитоптер. Испугались и понеслись кто куда. Сбросили всех седоков и разбежались в разные стороны. Так что, барчукам сейчас не до девок. Даст Бог, всё обойдётся.

Как и рассчитывал Прохор, в тот раз всё обошлось. Однако, какое-то время спустя, к Брюсу опять нагрянули гости. Так уж случилось, что незадолго до этого, жена Якова Брюса решила съездить в Москву. С собой она забрала почти всех сенных девушек и много лакеев.

В большом доме хозяйина осталось так мало холопов, что пришлось всем без исключения слугам крутиться возле приезжих господ. Среди них оказалась и Настя. Она по приказу своей госпожи осталось при доме. Ухаживала за раненым ковалем, своим женихом.

Узнав, что ей придётся прислуживать молодым барчукам, девушка оделась попроще. Не стала красить соболиные брови, ресницы и губы. Да ещё и хмурилась так, что выглядела не очень здоровой.

Этому способствовала и её лёгкая бледность, появившаяся в последнее время. Как ни крути, а ходить за сильно израненным парнем, это, пожалуй, не шутки. Смени все повязки. Подай, принеси, накорми, напои. Вот и крутись день, и ночь напролёт. И так до тех пор, пока Семён не пойдёт на поправку и не сможет, ухаживать сам за собой.

Настасья глянула в медное зеркальце, которое находилось в комнате девушек. Увидела, что сильно спала с лица и слегка успокоилась. Она очень надеялась, что и сегодня, никто из вельможных гостей не приметит её.

К сожалению барина, всё вышло иначе. Среди прибывших господ, оказался сын того дворянина, что жил в пяти верстах от имения Якова Брюса. Молодой человек был большим охотником выпить много вина. Славился буйным, несдержанным нравом. А кроме того, любил заглянуть под всё ближайшие юбки. Особенно, если они были надеты на молодых, красивых особ.

В Петровские времена, подобные шалости сходили с рук барчукам, но лишь в тех многих случаях, когда они не касались дочек господ. Веселись с крепостными крестьянками, сколь захочется, а за внимание к юным дворянкам можно и заплатить своей головой.

Сначала получишь по морде от отца или брата той девы, к которой ты приставал. Затем, тебя призовут на дуэль, а там, глядишь, и убьют, проткнув остро заточенной шпагой или влепив свинцовую пулю в живот.

Хорошо, если сразу отдашь Богу душу, но ведь может случиться и так, что получишь довольно тяжёлую рану. Так что, придётся промучиться несколько дней и ночей и только потом, помереть в ужасной агонии. Можно лишиться руки, а то и ноги и остаться калекой на всю свою долгую жизнь. И всё ради какой-то нелепой забавы.

Уж лучше заняться простыми крестьянками. За них спрос всегда был совсем небольшой. Ну заплатишь хозяину девки небольших отступных, вот, пожалуй, и всё. А если она принадлежит твоему милому папеньке, так и вовсе всё будет спокойно. Он и сам этим делом частенько грешит.

В тот день, в первый приезд в имение Якова Брюса, Николай, конечно, заметил, молодую служанку, вертевшуюся возле крыльца. Вот только, он тогда так сильно ушибся, что ему было пока не до подобных утех.

Теперь всё боли бесследно прошли и, увидев ту самую девушку снова, барчук её сразу узнал. Он попросил налить ему немного вина и когда, она оказалась рядом с его мягким сиденьем, восхотел её до сильной боли в паху.

Проход пришёл на людскую половину огромного хозяйского дома и нашёл там Настасью. Позвал её за собой. Отвёл в сторону от прочих лакеев и тихо сказал: – Всё ж таки, заметил тебя соседский барчук.

Девушка испуганно вскрикнула, вскинула руки к лицу, и обильные крупные слезы потекли по её бледным щекам.

– Он уже говорил с управляющим. – продолжал рассказывать угрюмый механик: – Сообщил, что купить тебя хочет. Тот отправил его к Якову Брюсу. Мол, здесь всё решает наш господин.

– А как же мой Сеня? – заплакала несчастная девушка: – Барин недавно сказал, что меня ему в жёны отдаст.

– Хочешь выйти за Сеню, так делай то, что я тебе прикажу. – сурово ответил ей Прохор: – Идём-ка со мною. Быстрее. – он развернулся и резвой походкой двинулся прочь. Девушка, подобрала длинную юбку до щиколоток и помчалась за ним.

Миновав пару пустых коридоров, механик привёл Настю в неприметную комнату, расположенную на половине, где жили хозяева. Подошёл к голой стене, украшенной какой-то гравюрой, и куда-то нажал. Часть резной деревянной панели отошла от длинного дубового импоста. Мужчина толкнул гладкую створку, и за ней открылся узкий проём.

Прохор смело шагнул в темноту. Опасаясь отстать от своего провожатого, Настя кинулась следом. Сначала она ничего не увидела. Потом глаза немного привыкли к плотному сумраку, царившему здесь. Она огляделась и поняла, что оказалась в странном тесном пространстве, больше похожем на обычный чулан.

Несколько толстых свечей стояли в простых одиночных подсвечниках. Все фитили ровно горели, но с трудом разгоняли плотный мрак помещения. Дело было в том, что на

каждом из них находился небольшой отражатель лучей.

Плоские зеркала отбрасывали свет в одну только сторону. Так что, он освещал лишь дальний угол кладовки и потолок, нависавший над ним. Пол и нижние части всех стен были погружены в непроглядную тьму.

Никаких, даже самых маленьких, окон здесь не было и в помине. В противоположной, совершенно неосвещенной, стене находилась тёмная дверца. Рядом с нею виднелось несколько маленьких узких заслонок, которые сдвигались в левую сторону. Такие, чаще всего, ставят в каналах вытяжной вентиляции, чтобы уменьшить поток, уходящего из комнаты воздуха.

Вдоль длинной стены стоял прочный некрашенный стол, загромождённый множеством прозрачных посуды самого разнообразного вида. Трубки от некоторых из них уходили прямо в кирпичную стену.

– «Скорее всего, это колбы с ретортами». – подумала ошеломлённая Настя. О них она как-то слышала, когда находилась в людской. Лакеи там часто болтали о непонятных вещах, что стоят в подсобках хозяина. Иногда называли их теми словами, что слышали от Якова Брюса. Вот она тогда и запомнила.

Не дав девушке даже опомниться, Прохор поставил её возле медного зеркала, висящего на длинной стене, над столом. Придвинул к ней коробку с белилами и прочей косметикой, и строго велел:

– Покрась лицо так, чтобы оно стало почти белого цвета. Сверху слегка добавь синевы. Он указал на коробки с пудрой всех нужных оттенков. Губы густо накрась чёрной помадой. Густо подведи ресницы и брови. Все сделай быстро! Ты меня поняла?

Испуганная Настя немедля кивнула. Взялась за тонкие кисточки, похожие на те, которые имелись у её госпожи. Поднесла их к лицу и принялась всё делать так, как хозяйка именина. Не забывая следить за помощником барина, она быстро накрасилась, как велел ей суровый мужчина.

Не обращая внимания на молодую служанку, Прохор занялся какими-то другими делами. Быстро разжёг огонь в небольшой прямоугольной жаровне и поставил горящие свечи под какие-то странные колбы.

Находящиеся в них, разноцветные жидкости тотчас забулькали. В стеклянных трубочках, выходящих из стеклянных посудин, закурился редкий дымок. Механик подошёл к задней стенке кладовки. Встал на колени и открыл небольшую заслонку, чем-то похожую на дверцу в печи. Повозился там и встал во весь рост.

Вернулся к ничему непонимающей девушке. Внимательно осмотрел результаты торопливой работы и одобрительно хмыкнул. Сейчас перед ним стояла девица, с очень красивым, но с чрезвычайно бледным, почти что, мёртвым лицом.

Он взял тонкую кисточку, обмакнул её в сухие белила

и порой лёгких движений заретушировал длинные стрелки, нарисованные в углах Настиных глаз. Поднял мягкий большой помазок. Обмакнул его в серую пудру и двумя точными взмахами создал глубокие тени под нижними веками.

Отодвинулся немного назад и придирчиво осмотрел дрожащую девушку. Настя заметила, что он усмехнулся, и догадалась, что Прохор доволен её внешним видом. Хотя, чего в нём хорошего, она понять никак не могла.

Потом, механик вернул все кисти в коробку. Взял большое перо и тщательно стряхнул с ярко-синего платья светлые крошки пудры, упавшей во время гримировки красавицы. Подхватил Настасью под руку и поволок к маленькой дверце, находившейся в дальнем углу тёмной комнаты.

Остановился возле стены. Отодвинул небольшую заслонку, и посмотрел в неприметный глазок, находившийся прямо за ней. Удовлетворённо кивнул. Бесшумно сдвинул щеколду и открыл низкую створку.

За ней оказался тёмный узкий чулан. Девушка с недоумением взглянула на Прохора. Механик отпустил её нежную руку и вошёл в кладовую, размером с большой книжный шкаф.

Из темноты послышался шепот: – Иди-ко сюда. Только будь осторожна.

Девушка хотела уже отказаться, но вспомнила слова помощника барина: –«Хочешь выйти за Сеню, так делай то, что тебе прикажу». – она истово перекрестилась. Слепо вытяну-

ла руки вперёд и шагнула за Прохором.

Маленькие ладошки тотчас наткнулись на сильные жёсткие руки. Мужчина сжал её пальцы и потянул за собой. Провёл пару-тройку коротких шагов и замер на месте. Впереди открылась ещё одна дверца.

Девушка оказалась в большом помещении. Огляделась по сторонам и трудом поняла, что находится в кабинете хозяина, Якова Брюса. Здесь она была вчера, поздно вечером.

Механик позволил ей слегка осмотреться, и сказал тихим шепотом: – Я уйду в ту самую комнату, откуда мы сейчас с тобою пришли. Не волнуйся, я всё время буду там находиться.

Ты встанешь на камень лицом к окну. – он указал на плитку, лежавшую в углу кабинета, между стеною и большим шкафом и продолжил рассказывать: – Сначала сюда зайдёт господин Яков Брюс, но сделает вид, что тебя не заметил. Ты стой неподвижно, как статуя. Он не хочет тебя продавать, но ты должна подыграть господину. Поняла?

Настасья радостно улыбнулась и закивала, словно игрушка «китайский болванчик», что стояла на столе у хозяина. Прохор убедился, что девушка в полном порядке и объяснил, что нужно будет ей сделать после того, как придёт Яков Брюс.

Закончив свои наставления, он потребовал всё повторить. Внимательно выслушал торопливый рассказ, протараторенный юной служанкой. Кое-где немного поправил, но в целом,

остался доволен такой цепкой памятью.

Напоследок он сурово насупился и пригрозил: – Все делаешь правильно, выйдешь за своего любимого Сеню, а коли что напортачишь, так пеняй на себя. Продаст тебя барин молодому повесе. Ну, а там, сама знаешь, что с тобой будет потом. – он повернулся и исчез тем же путем, каким они сюда оба пришли.

Послышался шорох одежды механика. Потом всё разом стихло, и Настасья осталась совершенно одна в тёмном пустом помещении. Внутренне содрогаясь от сильного страха, она прижалась спиной к стене, обшитой резными панелями, и замерла неподвижно.

В этом таинственном месте она была лишь однажды, да и то его плохо запомнила. Так что, непривычная обстановка пугала её несколько не меньше, чем возможность расстаться со своим наречённым. Девушка очень любила Семёна и поэтому твёрдо решила, сделать всё, как приказал ей «придворный» механик.

Настольные, очень дорогие часы громко отбили пятнадцать минут. Потом прозвенели ещё один раз. Дверь в кабинет внезапно открылась. В комнате появился камердинер её господина. Он сделал вид, что совсем не заметил Настасью.

Не глядя по сторонам, открыл принесённый с собою фонарь. Вынул из него короткий огарок и стал зажигать толстые свечи, отлитые из чистого белого воска. Закончив возиться

с тремя большими светильниками, слуга неслышно исчез в коридоре.

Спустя ещё пару минут, вошёл Яков Брюс. Строго взглянул на застывшую девушку, стоявшую в тёмном углу. Подошёл к своему большому столу и сел в удобное рабочее кресло. Потом, появился холёный соседский барчук.

Девушка тотчас закрыла глаза, замерла и постаралась не только не шевелиться, но и стала дышать через раз. Все силы уходили на то, чтобы стоять совсем неподвижно. Так что, о чём говорили два господин, она толком не слышала.

Тем временем, Прохор взял пару подсвечников. Шагнул к тонкой перегородке и поставил светильники на стол так, чтобы их свет падал на часть голой стены. Заслонив своей тенью одну из заслонок, он открыл незаметный из кабинета глазок и стал следить за тем, что происходит в другом помещении. Много суставчатая слуховая труба, подведённая к левому уху механика, позволяла отчётливо слышать каждое слово господ.

Он поднял руку над головой и сдвинул в сторону одну небольшую заслонку. Свет из тайной кладовки прошёл сквозь маленькие отверстия, просверленные в перегородке.

Упал на колбы с растворами, и разноцветные кристаллы стекла, висевшие на стене кабинета. Лучи проникли в прозрачные недра. Рассеялись там и осветили их изнутри. Предметы вдруг призрачно вспыхнули и стали исходить слабым,

неверным сиянием.

Следя за своим господином, Прохор вытянул в сторону правую руку. Нашупал и сдвинул небольшой рычажок, прикреплённый к столешнице. Тяжёлая железная гирька освободилась от стопора. Тронулась с места и плавно пошла к деревянному полу. Прикреплённая к грузу, цепочка стала медленно крутить шестерню, которая сидела на длинной оси.

Ось проходила сквозь тонкую стену, и выныривала из кладки уже в кабинете. С той стороны на ней висела большая, но лёгкая сетка, выполненная из кусков медной проволоки. Все стержни были изогнуты самым причудливым образом. Эта конструкция пришла в движение и стала вращаться над головой застывшей от ужаса Насти.

Услышав слова господина: – Посмотрите туда. – механик нагнулся и сдвинул в сторону небольшую заслонку, находившуюся в самом низу, возле пола. Просунул руку в открывшееся небольшое отверстие и легонько дёрнул девушку за подол её платья.

Помня наставления Прохора, девушка стала сильно трястись, словно в падучей, а потом ещё зарычала, как волк. Механик взял из жаровни металлический прут, раскалённый до красного цвета. Опустил руку вниз и ткнул себе под ноги.

Вспыхнул короткий огнепроводный шнур. Небольшой язычок красного пламени юркнул в отверстие, сделанное в перегородке. Добежал до края гранитной плиты, лежащей на мраморных брусках в углу кабинета. Нырнул под неё и по-

пал в модель малой бомбарды, размером с крупное яблоко. Оказался в тесной камере, отлитой из бронзы и, наконец-то, добрался до цели.

Петарда, лежавшая в крохотной пушке, тотчас зашипела и оглушительно грохнула. Лёгкая взрывная волна вылетела из короткого, но широкого жерла. Преодолела две с лишним сажени и ударила в кресло, где сидел молодой дворянин.

В воздухе закружились обгоревшие клочья ярко-синей материи. Следом за ними гостя накрыло густое облако дыма. Это Прохор повернул нужный кран, и в кабинет ворвалась смесь удушливых газов. Пахнуло мерзким запахом серы, сгоревшего мяса и разбитых тухлых яиц.

Как только раздался оглушительный взрыв, девушка толкнула рукой боковую стенку широкого книжного шкафа. Секретная дверца бесшумно открылась, и Настасья бочком шагнула в тесный проём. Тихо вернула створку на место и оказалась в непроницаемом мраке.

Оглушённая грохотом, девушка потеряла то направление, по которому собиралась идти. Не могла толком понять, куда нужно двигаться и, оцепенев от нестерпимого страха, застыла на месте.

В этот самый ужасный момент, за её стройной спиной распахнулась ещё одна узкая дверца. Жёсткие руки механика схватили служанку за плечи и втоптали её в тайную комнату.

Прохор поставил Настасью у зеркала и быстро закрыл

тёмный проём. Затем шагнул к почти погасшей жаровне, стоявшей на длинном столе. Вытащил из-под неё лист плоской жести с кучкой едва тлевших углей.

Вернулся к перегородке, отделявшей чулан от кабинета хозяина. Нагнулся и правой рукой сдвинул в сторону узкую «печную» заслонку. Впихнул в открытую щель поднос с остывающим пеплом. Поставил его на пустой пьедестал и закрыл небольшое отверстие. Немедленно встал во весь рост. Прильнул к потайному глазку и вновь посмотрел в кабинет.

Трясаясь от пережитых волнений, служанка стояла у него за спиной, и со страхом ждала решения своей участи. Время застыло, словно смола и стало тянуться так медленно, что даже половина минуты показалась ей вечностью. Скоро надежды на хорошие новости окончательно покинули девушку, и она приготовилась горько рыдать.

Именно в это мгновение, Прохор, наконец, оторвался от смотрового отверстия. Повернулся к застывшей от ужаса Насте и удовлетворённо сказал: – Благодарю Бога красавица. Господин так напугал твоего барчука, что он удрал, словно заяц. Теперь Николай очень нескоро заглянет в гости к хозяину.

Настасья сдавленно всхлипнула. Прижала пальцы к губам, покрытым чёрной помадой, и обильные слезы радости побежали из широко распахнутых глаз. Две солёные струйки скатились по обеим щекам. Прodelали широкие длинные полосы в плотном слое из пудры и упали на высокую грудь.

– Сиди пока здесь. – заявил ей механик и пошёл прямо к выходу, ведущему прочь из чулана. Посмотрел в неприметный глазок. Убедился, что в комнате, расположенной с другой стороны от кабинета хозяина, нет никого из домашних лакеев.

Повернулся к девушке в пол-оборота и тихо сказал: – Ближе к полуночи, я приду за тобой и отведу на ту половину, где ночуют холопы. Будешь там прятаться, пока не едут все гости.

Внезапно он посуровел и жёстко добавил: – Если кому-то сболтнешь, про то, что ты тут увидела, я сам возьму тебя за руку и отведу к барчуку. Пусть делает с тобою, что хочет.

Проход открыл низкую дверь. Быстро шагнул в тесный проём и вышел в соседнюю комнату. Язычок у замка сухо щёлкнул у него спиной.

Глеб. Тайник

Глеб отчётливо помнил, что кроме писем в шкатулке ничего уже нет. Неизвестно зачем, он всё же вслепую пошарил внутри. Провёл кончиком пальца по гладкому дну и нащупал на нём небольшую неровность.

Кожу подушечки легонько кольнуло. Не очень приятное чувство не походило на боль от повреждения обычной занозой. Всё было так, словно парень дотронулся до проводов с не сильным зарядом.

Ощущение оказалось столь необычным, что заинтригованный Глеб наклонился вперёд и глянул внутрь небольшого ларца. Сначала он ничего не заметил. Коробка была абсолютно пустой, а её деревянные стенки и исподняя часть казались такими гладкими, насколько это возможно.

Лишь когда Глеб напряг своё стопроцентное зрение, он рассмотрел, кое-какие детали. По дощечке, являющейся донцем ларца, проходила едва заметная трещинка. Она была толщиной с паутинку, и заметить её оказалось очень непросто.

Ничего странного в том, что дерево слегка расслоилось, вроде бы, не было. Мало ли, от чего этот дефект мог появиться? Например, шкатулка где-то ударилась при её путешествии от деревни Елань до Трёхреченска. Или на неё по-

пала вода, вот волокна немного и вспучились. Или случилось что-то ещё.

Глеб хотел выбросить из своей головы мысль о тонкой трещинке, но что-то его задержало. Он всмотрелся в нутро деревянной шкатулки и понял, что именно приковало внимание. Дело всё в том, что глубина старинной коробки оказалась чуть меньше, чем должна была быть.

Само собой разумеется, что любой мастер по дереву стал бы делать ларец из тоненьких плашек одной толщины. Зачем, кому-то стругать дощечки двух разных размеров? Один на четыре борта и на крышку, другой для дна этой скромной шкатулки.

На самом же деле всё обстояло иначе. Глеб присмотрелся, прикинул на глаз и с удивлением понял, что толщина нижней части коробки почти на семь миллиметров толще, чем поперечное сечение стенок.

– «Возникает вопрос». – сказал себе парень: – «Для чего мастер сделал такое массивное днище? Неужели боялся, что оно может не выдержать веса вещей, лежащих внутри?»

Он взял пустую коробку и стал изучать с разных сторон. Перевернув её вверх ногами, парень глянул на дно и увидел, что лак, которым когда-то резчик покрыл всю шкатулку, стёрся от времени. Так что, теперь здесь была ничем не защищённое дерево, потемневшее за долгие годы.

Глеб изучил нижнюю часть старинной коробки. Вгляделся в древесный рисунок, проступивший на плашке, и заметил

ещё одну странность, кольнувшую глаз. Он рассмотрел, что в одном из углов есть небольшое несоответствие в структуре волокон.

Это казалось столь необычным, что Глеб снова задумался: – «Как такое могло случиться? Словно краснодеревщик, непонятно зачем, аккуратно отрезал небольшой кусочек дощечки от донца шкатулки.

Потом, по столь же неизвестной причине, закрыл это место подобным брусочком, с похожей структурой волокон. Вот только, как он не старался, подогнать идеально древесный рисунок он так и не смог. Да это и вряд ли возможно. Уж очень деревья все разные. Пытаясь скрыть мало заметный дефект, древний мастер покрыл днище лаком, более тёмного цвета.

Конечно, во время работы шкатулка могла случайно упасть со стола. Удариться днищем о пол и повредить от удара один уголок. Например, древесина немного помялась или даже слегка расщепилась. Краснодеревщику не хотелось терять совершенно готовую вещь. Он её починил, как сумел, и продал кому-то на сторону».

Объяснение оказалось довольно логичным, без особых натяжек, и Глеб уже было собрался сложить внутрь всё, что там находилось. Поставить шкатулку в сторонку и спокойно вернуться к разборке объёмного шкафа. Тем более, что он не сделал ещё и половины того, что хотел.

Парень хотел уже сделать всё это, но неожиданно вспом-

нил о странной неровности, нащупанной им на дне опустевшей коробки. Немного поколебался и продолжил свои изыскания.

Снова внимательно всё рассмотрел, а потом и ощупал. Хотел взять тонкий нож и подцепить остриём брусочек из дерева, вставленный в дно. Затем, немного подумал и почему-то решил, что узкая часть может просто сдвигаться наружу.

Навил сверху пальцем и попытался сместить её в сторону от центра шкатулки. К его сожалению, это ничего не дало. Кожа подушечки скользила по гладкой дощечке, пропитанной лаком, и не могла ни за что зацепиться.

Он поднял голову и осмотрел просторный компьютерный стол. Наткнулся взглядом на тонкую пластинку карандашного ластика, лежавшего здесь с давних времён. Приложил мягкую резинку к брусочку. Сильно надавил сверху пальцами и сделал вторую попытку.

Планка чуть поддалась под нажимом и, словно крышка пенала у школьника, нехотя стронулась с места. Дошла до самого края дощечки. Двинулась дальше и выскочила из узких пазов, искусно вырезанных краснодеревщиком.

В днище открылось неглубокая выемка, размером полтора на семь сантиметров. Преисполненный любопытства исследователь с большим любопытством заглянул в небольшой тайничок.

Внутри лежал какой-то тонкий и круглый предмет, завернутый в кусочек белой, слегка пожелтевшей, шёлковой тка-

ни. Его длина не превышала половину среднего пальца, но что это такое, было совсем непонятно.

Третья глава

Яков Брюс. Огнедышащий дракон

Кавалькада сияющих лаком карет вынырнула на опушку густого дубового леса. Пересекла широкий скошенный луг и подкатила к высокой ограде, сложенной из больших валунов. Миновала створки чугунных ворот, раскрытых настежь холопами. Нырнула под сень старых лип, стоящих рядами вдоль мощёной камнем аллеи. Простучала колёсами по гладким камням и оказалась возле великолепного барского дома.

Посреди просторной площадки, находилась огромная клумба, усаженная крупными цветущими розами. Дорогие коляски медленно двигались одна за другой. Каждая из них огибала шикарным розарий, где были цветы самых разных оттенков. Проезжала по отличной светло-серой брусчатке, уложенной перед высоким крыльцом, и замирала напротив парадного входа.

Ливрейные слуги стремительно бросались вперёд. Подбегали к лакированной дверце, украшенной пышным золочёным гербом. Открывали блестящие остеклённые створки. Откидывали резные ступеньки, до сих пор скрытые под дном экипажа. Подхватывали под локотки выходящих господ и

помогали им осторожно спуститься на землю.

Не дай Бог, у какого вельможи закружиться голова и он случайно оступится. Дорога да имения Якова Брюса достаточно долгая и, несмотря на долгую летнюю сушь, очень разбитая.

Сорок вёрст это тебе братец не шутки. Ехать приходится долго. Новомодные стальные рессоры, мало чем помогают. Внутри шумных повозок сильно трясёт и часто бросает на стенки, обитые шёлком и бархатом. Хочешь, не хочешь, а нужно помочь господам. Тем более, что уже близится вечер и стало быстро смеркаться.

Едва ступая на затёкшие ноги, гости двигались к основанию внушительной лестницы. Медленно шли по широким ступеням, изготовленным из белоснежного мрамора. Поднимались на большую площадку, устроенную под высоким греческим портиком, где, наконец-то, встречались с благородным владельцем имения.

Радушный хозяин стоял перед входом в свой огромный дворец и приветствовал сановных вельмож одного за другим. Яков Брюс широко улыбался. Раскидывал руки в разные стороны, словно закрывал путь, ведущий к дверям.

Каждого обнимал, целовал, по русскому обычаю трижды, и говорил, как он рад его видеть. Потом, добавлял: – Не уходите мой дорогой господин. Постоите минуточку здесь на крыльце. – после чего, поворачивался к новому гостю.

Сбившись в плотную кучку, дворяне послушно стояли на

указанном месте. Болтали о том и о сём и с нетерпением ждали неизвестно чего. Многие предполагали, что возможен какой-нибудь небывалый кунштюк, но какой это будет сюрприз, не имели никакого понятия.

Этим и отличались визиты к большому учёному, который познал целую прорву очень сложных наук. Москвичи говорили, что он мог творить чудеса. С ним нельзя никогда угадать, что случится через пару минут?

Наконец, все дворяне поднялись на крыльцо и были обласканы любезным хозяином. Яков Брюс убедился, что уже все собрались и, весело улыбаясь гостям, пригласил пройти «в его небольшое жилище».

На правах владельца имения, он двинулся первым. Шагнул в широкую и высокую дверь, остеклённую на голландский манер, от порога до притолоки. Сразу свернул в левую сторону и устремился вглубь помещения.

Все приезжие думали, что их поведут прямо к комнатам, где они смогут оправиться после долгой дороги. Слегка отдохнуть и очистить одежду от пыли, осевшей на платье за время пути.

Они весьма удивились, почему Яков Брюс пошёл впереди, а не послал с ними домовых холопов? С недоумением переглянулись, но помня, к кому сегодня приехали в гости, безропотно потянулись за ним.

Прошли анфиладу шикарно отделанных и богато обставленных комнат. Увидели такие же остеклённые двери, как на

крыльце. Переступили порог и, к своему удивлению, оказались на широкой открытой веранде, устроенной вдоль бокового фасада огромного дома.

Яков Брюс шагнул к балюстраде, изготовленной из белоснежного подмосковного камня. Обернулся к сановным вельможам. Указал на прекрасно ухоженный сад и предложил всем внимательно взглянуть на него.

Не зная, чего ожидать от хозяина, гости потянулись за ним. Устало опёрлись на ограждение и посмотрели вперёд. Стало довольно темно, и хорошо разглядеть цветники и аллеи, разбитые на английский манер, уже не представлялось возможным. Тем более, что у них за спиной, на стене, висело несколько крупных светильников. Свечи горели ярким тревожным огнём и сильно мешали хоть что-то увидеть в саду.

– Господа. – услышали они громкий голос хозяина. Поняли, что звук доносится откуда-то сзади. Предположили, что за этим последует что-то весьма необычное, и, боясь пропустить новый необычный кунштюк, разом повернулись к нему.

Теперь все прибывшие находились затылком к обширному саду и с интересом, смотрели на Якова Брюса. Он медленно поднял руки над головой и ливрейные слуги, стоявшие у больших фонарей, ловко погасили огни.

Яркий свет мгновенно погас, и веранда тотчас погрузилась в плотный непроницаемый мрак. Лишь открытые на-

стежь огромные окна и стеклянные двери неверно мерцали во тьме.

– Теперь можно запускать фейерверк! – пискнул чей-то радостный голос: – Его станет видно на несколько вёрст.

Следом за восторженным криком раздался голос Якова Брюса. Только в этот раз он не был мягким и вежливым, словно у доброго дядюшки. Наоборот, он оказался жёстким и властным, как у боевого полковника, в ходе решающей битвы.

– Посмотрите назад, господа! – сказал вдруг хозяин. Причём, произнёс её тем самым тоном, который всегда зовут командирским. Все поспешили выполнить грозный приказ. Повернулись к барскому саду и увидели то, от чего у всех вельможных господ волосы встали торчком. Хорошо, что их прикрывали парики с длинными локонами.

В быстро темнеющем небе висел ужасный дракон великанских размеров. Он со злостью смотрел на людей, стоящих на открытой веранде, и лениво помахивал невероятно широкими крыльями. Кожистые перепонки двигались очень неспешно, но звук от величавых движений походил на шум гигантских кузнечных мехов.

Гибкое змеиное тело, было покрыто очень странным узором. В нём сразу угадывались большие пластины. Причём, каждая такая «чешуйка» оказалась размером с приличное блюдо. Все они слабо светились и отливали мертвенным, зеленоватым огнём.

Мощные лапы плавно сжимали и разжимали толстые, длинные пальцы, украшенные большими когтями. Роговые наросты были очень остры и своей изогнутой формой смахивали на знаменитые турецкие сабли.

Длинный хвост изгибался из стороны в сторону и казалось вот-вот станет хлестать по бокам жуткой твари. Хвост тоже выглядел весьма примечательно. Его венчало пять-семь шипов, каждый величиной с ятаган.

Словно фокусируя взгляд на веранде, грозное чудище чуть повернуло огромную рогатую голову. Выпученные глаза посмотрели на застывших людей и загорелись неутолимой жадой убийства. Пасть широко распахнулась, и все вдруг увидели множество белоснежных зубов, острых, словно армейский кинжал.

Дракон вдруг зарычал. Его оглушительный рык прозвучал гораздо сильнее, чем яростный рёв десятка медведей. Из распахнутой глотки чудовища вылетел сгусток ярко-красного пламени. Огонь превратился в струю, которая помчалась к земле.

Пораженные невиданным зрелищем, все гости сначала застыли, как безмолвные статуи. Потом, дружно развернулись на месте и, объятые паническим страхом, стрелой бросились в дом.

Не разбирая дороги, все рванулись в укрытие. Им было всё равно, куда они попадут. Лишь бы удрать от огромного чудища и оказаться под какой-нибудь крышей. Может быть,

эта преграда остановит дракона?

Громко бранясь и злобно толкаясь, господа обезумевшей толпой бежали вперёд. Ломились в настежь открытые двери. Вбегали в огромные французские окна, что начинались от самого пола и поднимались к лепным потолкам. Всюду слышался треск ломаемых рам и громко звенели разбитые стёкла.

В тот же миг, в зарослях тёмного сада загрохотали петарды с шутихами. Эти громкие звуки вселили в души гостей дополнительную толику ужаса. Раздались панические крики мужчин и отчаянный визг нескольких женщин. Гости ворвались в просторную приёмную залу и, стараясь спрятаться, как можно надёжней, гурьбой бросились вглубь помещений.

Как только вельможи оказались внутри, холопы спешно закрыли все окна и двери и задёрнули плотные шторы из бархата. Зажгли много свечей из белоснежного воска. Достали из кладовых совки и метёлки и взялись наводить порядок в сильно разгромленной зале. Они убрали осколки стёкла, обломки поломанных рам и дверей и разбитую в панике мебель.

Другие домовые слуги ловили вельмож, метавшихся по хорошо освещённым проходам огромного здания. Отводили дрожащих гостей на второй, более безопасный, этаж. Размещали в тех самых комнатах, что были для них предназначены, и всем своим видом, старались утешить господ.

Они объясняли испуганным людям, что дом весь сложен

из прочного камня, что он не может гореть, а крыша здесь черепичная. Так что, дракон не сможет поджечь её извергаемым пламенем. На окнах стоят крепкие дубовые ставни, которые не удастся взломать никакому чудовищу. От огня они тоже не вспыхнут.

Говорили, что радушный хозяин не даст в обиду столь знатных гостей. Что он обязательно справится с мерзким драконом и отошлёт его прочь. Отправит в тот самый мир, откуда он к нам заявился. А если тот вдруг забалует, то Яков Брюс его жестоко накажет.

После того, как гости чуть успокоились, слуги приступили к своей обычной работе. Помогли им привести в порядок одежду с прическами. Перевязали несколько мелких порезов, что господа получили во время начавшейся паники. А какое-то время спустя, пригласили к позднему ужину, который хозяин устроил в честь прибывших вельмож.

Однако, все как один сослались на большую усталость с дороги. Они наотрез отказались покинуть те помещения, где находились сейчас. Потребовали принести в им вина и закусок. Не ощущая вкуса еды и напитков, быстро поели, словно находились в военном походе, на скромном биваке. потушили светильники, чтобы не привлечь к себе злого дракона. Легли в постели, приготовленные домовыми слугами, и попытались поскорее уснуть.

Всю долгую ночь знатные гости пробыли в тех самых комнатах, куда их отвели расторопные слуги. Ворочались на

пышных перинах и вздрагивали от каждого постороннего шороха.

Вельможи были так сильно напуганы, что не казали нос из дверей. Если, кто и решался выйти из спальни, то только по великой нужде. Да и то лишь до конца коридора, где находилась уборная для сановных господ.

Ясным утром нового дня, визитёры очнулись от тех страшных кошмаров, что мучили их всю недолгую летнюю ночь. Спешно умылись, побрились, оделись. Призвали к себе своих многочисленных слуг, с которыми накануне приехали в имение Якова Брюса. Велели холопам себя охранять с разных сторон, и под надёжным присмотром, вышли из комнат.

С огромной опаской спустились по лестнице на первый этаж и прошли анфиладой богато украшенных комнат. По дороге они пугались любой незначительной тени и озирались так рьяно, словно находились не в великолепном дворце в Подмосковье, а в диких джунглях Америки.

Наконец, они добрались до просторного приёмного зала, где их встретил радушный хозяин. Он увидел вельможных гостей, которые с тревогой смотрели в огромные окна и вели себя так, словно хотели удрать из гостиной, как можно скорее.

Яков Брюс отметил их встревоженный вид. Понял, что они до сих пор не оправались от того ужасного зрелища, что предстало перед ними вчера на веранде. Решил, что нужно

всех поскорей успокоить и твёрдо сказал: – Господа. Простите меня за недавний конфуз. Я так рад, что всё хорошо обошлось, и никто из Вас не пострадал от огня и когтей большого дракона.

Заметив, что его извинения не оказали воздействия на дрожащих господ, он продолжил короткую речь: – Как вы, наверное, знаете, я долгие годы занимаюсь различными отраслями современной науки. Среди других дисциплин, меня очень интересует алхимия.

Я долгие годы работал над одним из сложных проектов и, наконец-то, смог прорубить проход в иные пространства. Научился черпать оттуда бездну энергии. Переносить её в наш изумительный мир и воплощать в виде самых различных чудовищ. Таких, как всем вам известная железная птица, простой гомункулус или огромная летающая рептилия.

Одного из этих существ я и хотел Вам вчера показать. Я создал дракона незадолго до вашего приезда сюда. Сделал его совершенно невидимым. Поместил в саду над центральной аллеей и приказал появиться по моему мысленному сигналу.

Обычно у меня не бывает проблем с потусторонними сущностями, которые я иногда создаю. Они безропотно исполняют мои указания и, чаще всего, не приносят каких-то хлопот.

Однако, вчера, что-то случилось с новым чудовищем. Зверь подлетел слишком близко к веранде дворца и попы-

тался напасть на дорогих мне людей. Скорее всего, я не учёл флуктуации дальнего космоса, фазы убывания Луны и кое-какие другие детали. Впредь, буду вести себя куда осторожнее.

– А где сейчас вчерашний дракон? – спросил кто-то из сановных господ: – Он может снова напасть на людей?

При этих словах все остальные вельможи тотчас оживились. Загомонили на все голоса и засыпали Якова Брюса градом различных вопросов. Все хотели узнать, что им делать теперь? Когда они смогут уехать домой? Сколько драконов сейчас в Подмосковье и не опасно ли двигаться днём в такой лёгкой коляске, в которой они прибыли в имение?

– Успокойтесь дорогие друзья. – ответил радушный хозяин. Он поднял руки на уровень глаз и сделал длинными пальцами несколько таинственных пассов. Шум немедля утих.

Яков Брюс подождал секунд десять и спокойно продолжил рассказ: – В последнее время, я создал только одно существо. К тому же, не для каких-то ужасающих целей, а лишь для того, чтобы потешить Вас перед замечательным ужином. Увидев, что дракон ведёт себя не очень разумно, я наложил на него незримые путы. То есть, совсем обездвижил. Если хотите, то можете на него посмотреть. Он находится рядом, в саду.

Окинув взглядом бледных гостей, Яков Брюс с усмешкой заметил, что никто из них не рвётся смотреть на дракона. Широко улыбнувшись, он громко добавил: – Не волнуйтесь.

После того, как я наложил на него заклятие царя Соломона, он стал совсем не опасен. Можете сами во всём убедиться. Пройдёмте со мной.

Хозяин повернулся на пятках и направился к широким дверям, ведущим наружу. За прошедшую ночь, слуги заменили все разбитые рамы и повреждённую мебель. Так что, теперь ничего не напоминал вчерашний разгром.

Гости растерянно переглянулись, но никто из них даже не шолохнулся. Все стояли у дальней стены широкого приёмного зала и были готовы немедленно скрыться в тех помещениях, откуда недавно пришли. Они с интересом смотрели сквозь высокие французские окна на пристроенную к дому веранду, но не делали ни единого шага.

Так продолжалось до тех самых пор, пока все не увидели, что Яков Брюс уже стоит на веранде. Вот он подошёл к балюстраде. Немного наклонился вперёд и посмотрел куда-то вперёд. Скорее всего, на аллею, которая начиналась прямо от лестницы, ведущей в замечательный английский сад.

Затем, хозяин повернулся к вельможам и, широко улыбаясь, беззаботно помахал им рукой. Мол, ну, что вы там все задержались? Давайте скорее сюда. Смелее, не бойтесь. Здесь всё в полном порядке.

Наконец, один из гостей всё же решил оторвать ноги от пола и тронуться с места: – «Эх, была не была». – подумал один господин, который всегда отличался отчаянной смелостью.

стью.

– «Хватит праздновать труса. Хозяин стоит на совершенно открытом пространстве, и ничего с ним пока не случилось. Даст Бог, и со мною всё будет в порядке».

Он немного поколебался и благоразумно добавил: – «Буду держаться возле него и вертеть головой по сторонам. Если вдруг замечу дракона, то успею вернуться назад и скрыться внутри помещений».

Молодой человек медленно вышел из дома. Осторожно приблизился к балюстраде и встал рядом с Яковом Брюсом. Заметил, что владелец имения смотрит куда-то вперёд. Проследил глазами направление его долгого взгляда и увидел, что в самом начале широкой аллеи стоит, что-то очень громоздкое.

Какой-то огромный предмет оказался закрыт полотном из плотного небелёного льна. Что находилось под сшитыми полосками ткани, понять было трудно. Вернее, сказать совсем невозможно.

Однако, вряд ли там могло прятаться что-то ужасное. Ведь возле огромного свёртка стояло два крепких холопа. Они спокойно смотрели на Якова Брюса и явно ждали какой-то команды хозяина. Значит, там прячется нечто совершенно нейтральное.

– «Скорее всего, там находится макет какой-то необычной машины». – подумал молодой человек и облегчённо вздохнул: – «Насколько я знаю, хозяин мастак на такие причуды.

Поглядим, что он измыслил теперь».

Все вельможи увидели, что один из гостей стоит рядом с хозяином в спокойной расслабленной позе. Он не падает в обморок от страшных видений и, не бежит в испуге назад. Значит, опасаться там нечего.

Они немного взбодрись. Решили, что особой опасности нет. Собрали всю волю в кулак и, один за другим, осторожно вышли из обеденной залы. С большою опаской подошли к балюстраде. Увидели нечто, укрытое некрашеной тканью, и тотчас успокоились.

Хозяин дождался, когда все собрались возле него. Крикнул: – Прохор, давай! – и для надёжности резко махнул правой рукой. Холопы потянули верёвки, которые держали в руках и тотчас отбежали в разные стороны. Плотная ткань соскользнула с большого предмета. Волной скользнула по чему-то огромному и упала на землю.

Вельможные гости увидели то, что пряталось под плотной завесой и едва удержались от громкого крика. Испуг сановных господ был так велик, что они чуть не повторили своё вчерашнее бегство. С огромным трудом устояли на месте и едва не рванулись назад, под надёжную крышу.

Все успели понять, что перед ними совсем не живой, а, скорее всего, уже мёртвый дракон. Или как говорил Яков Брюс: – «Обездвиженный мощным заклятием царя Соломона. А всем москвичам отлично известно, что легендарный правитель древней еврейской державы мог повелевать самы-

ми злейшими духами».

Гости присмотрелись внимательней и убедились, что перед ними тот же устрашающий зверь, что чуть не до смерти напугал их вчера. Только сегодня он не парил в вышине, словно огромная, ужасная птица.

Сейчас он сидел на земле, как собака гигантских размеров. Широкие крылья сложены на широкой спине и только края перепончатых махов немного спускаются вниз. Длинный хвост, обвит вокруг толстых суставчатых ног. Страшная пасть снова открыта, но не на всю ширину, как пол суток назад, а на самую малость. Так что, видны лишь острые передние зубы.

Сам дракон был тёмно-зелёного цвета, словно обычная ящерка. По шкуре видна чешуя размером с приличное блюдо. Большие глаза, подобны жёлтку из яйца и разрезаны чёрным вертикальным зрачком, как всегда бывает у змей. Зубы сияют, как полированный жемчуг. Широкая пасть, что лежит прямо за ними, похожа на свежую кровь. Когти с шипами, смахивают на благородную слоновую кость.

Нужно признаться, что зверь был очень красив, но только для тех, кто не слышал вчера, как он ужасно ревёт, и не видел, как он изрыгает мощные струи огня. Да и взгляд его выпуклых глаз, размером в обхват, обещал всем окружающим очень мало хорошего.

– Если, кто-то хочет его осмотреть в непосредственной близости и даже пощупать руками, он может спуститься с ве-

ранды. – предложил Яков Брюс: – Только должен сказать, что заклятие царя Соломона, действует очень короткое время. Оно предназначено лишь для того, чтобы обездвигнуть опасную тварь и дать человеку возможность убраться подальше от злобного потустороннего зверя.

К тому же, дракон сейчас оказался под ярким утренним солнцем. А когда на него падает естественный свет, он спит очень чутко. Малейший толчок, может его разбудить. Поэтому, вам лучше дождаться заката.

С другой стороны, вечером драконы бывают чрезвычайно активны. Ведь они, обычно охотятся ночью. Так что, запах живых горячих существ может поднять их даже от очень глубокого сна. Ему ведь всё равно, чем питаться. Хоть человек, хоть любая скотина, лишь бы мяса оказалось побольше.

После столь впечатляющих слов, никто из гостей не решился немедленно спуститься к веранды. Все дружно решили, что не стоит спешить с осмотром дракона. Сначала нужно плотно позавтракать, а там будет видно.

Вельможи вернулись в просторную приёмную залу. Сели за богато убранный стол и принялись за еду и питьё. Несмотря на отменные яства и вина, которые подавали холопы, аппетит у сановных вельмож почему-то бесследно пропал.

Оно и понятно, близость такого опасного зверя, как огромный дракон всех приводила в волнение. Причём, в довольно изрядное. Ведь кто его знает, когда он проснётся и что станет делать потом?

Никому из гостей не хотелось увидеть, как вновь пробудится жуткая летучая тварь. Все желали лишь одного, как можно скорее покинуть имение. Поэтому, они стали думать над тем, под каким удобным предлогом лучше будет уехать отсюда?

Быстро позавтракав, все встали из-за стола. Начали по одному подходить к Якову Брюсу. Благодарить его за оказанное им большое радушие и рассказывать басни о том, что у них множество дел, о которых они неожиданно вспомнили. Мол, и хотелось бы здесь остаться подольше, но нужно срочно возвращаться назад.

Беседуя с каждым из вельможных особ, хозяин строил скорбную мину на худощавом лице. Выражал сожаление по поводу столь спешного отъезда гостей. Желал всем приятной и лёгкой дороги и приглашал появляться в имении в любое удобное время. Обещал устроить какой-нибудь интересный сюрприз и показать что-то совсем необычное из арсенала своей любимой алхимии.

Все испугано дёргались от услышанных слов и были готовы тотчас отказаться от таких предложений. Однако, все собирали волю в кулак. Улыбались с большой натугой и обещали скоро приехать. Вот только удастся выкроить в своём расписании пару свободных деньков.

Затем, все быстро простились с любезным хозяином. Погрузились в коляски с золотыми гербами на дверцах и спешно отбыли прочь. Всю дорогу, они открывали переднее

окошко карет. Кричали на своих кучеров и требовали, чтобы холопы, как можно скорее гнали вперёд.

Едва не загнав дорогих лошадей, вельможные гости причалили в Москву. Лишь добравшись до дома, они облегчённо вздохнули. Всё же город это тебе не глухая деревня. Здесь народу так много, что ещё не известно, кого атакует дракон? Даст Бог, сожрёт не его, а кого-то другого. Лучше всего, если это будет какой-нибудь безродный крестьянин. Их в округе не счесть. Не то что сановных особ.

Едва большая группа господ вернулась из Подмосковья, по златоглавой столице вдруг поползли новые, ещё более странные, слухи. Людей взбудоражили жуткие рассказы о том, что каждый вечер в имение Якова Брюса прилетает огромный дракон.

Он прибывает из соседней вселенной. Пышет жарким огнём и жрёт всех подряд. Будь то важный вельможа, обычный холоп или даже какая скотина, корова там, лошадь, а то и вовсе простая свинья.

Все горожане ссылались на очень знатных людей. Мол, те утверждали, что своими глазами видели ужасное чудище, готовое слопать любого, на кого им покажет хозяин имения.

Купец Селивёрстов. Слухи о Москве

Жарким летом 1914 года по Подгорску бродили самые разнообразные слухи. В том числе, обыватели болтали о том, что невероятные скорости воздвижения огромного здания объясняются потусторонними тёмными силами.

Мол, не просто так господин Селивёрстов сколотил колоссальное состояние, поражающее всех окружающих своими размерами. Скорее всего, в столь таинственном деле не обошлось без услуги нечистого.

Мало того, когда купец по каким-то делам поехал в столицу, он увидел печально известную Сухарёвскую башню. По какой-то причине, он решил возвести свой большой особняк в виде точной копии той огромной постройки. Не иначе, как зарок такой дал своему благодетелю, прибывшему из адских глубин.

Если кто-то не знает, но по мнению иерархов православной религии, сие нелепое здание всегда являлось ужасным вертепом. В многие годы гнездилась чёрная магия и злостное колдовство с чародейством. То, что когда-то давно проповедовал всеми проклятый Симон по прозвищу Маг.

В семнадцатом веке, в Москве правил патриарх Иоаким. Ревностный блюститель старинных русских обычаев, он весьма возражал против дружбы молодого Петра с инозем-

цами или, как их все тогда называли – «еретиками».

Смерть знаменитого предстоятеля автокефальной православной Церкви, произошла в 1690 году. Лишь после этого, будущий император России начал открыто заглядывать в ту слободу, где проживали тогда все иноземцы. Затем, он дорвался до власти и принялся за строительство непонятной конструкции.

Причём, всем было известно, что это делалось по наущению новых приятелей из местечка Кукуй. Их оказалось немало: Франц Лефорт, Патрик Охлурис, Яков Брюс, Андрей Вѳиниус, Генрих Остерман и другие.

С тех самых пор в Москве существует предание. Мол, на самом верху огромного здания. В обширной «Рапирной зале», проходили собрания секретного братства, которое называлось – «Нептуновым обществом». Как всегда, правили там одни иноземцы.

Недаром в таинственной башне какое-то время жил и сам Яков Вѳимович Брюс, широко известный в ту давнюю пору, как чернокнижник, маг и колдун. И по сей день, в Москве ходят упорные слухи, основанные на весьма достоверных источниках. Мол, «немец» не только наблюдал за небесными звёздами, но и ведовством занимался.

За ним закрепилась весьма нелестная слава волшебника и предсказателя ужасающих бедствий. Способного Якова Брюса влиять на события общественной жизни, со временем нашла своё подтверждение.

Ведь именно под его неусыпным контролем была издана, всем хорошо знакомая книга. В ней находились пророчества на многие годы вперёд, которые успешно сбывались.

Он так и был известен в народе, как «календарь черно-книжника Брюса». Ну, а для того, чтобы так точно всё знать, недостаточно быть просвещённым учёным. Нужно если не и продать душу дьяволу, то уж, по крайней мере, часто встречаться с нечистым. То есть, быть с ним на довольно короткой ноге. Иначе он с тобой и говорить не захочет.

Всем отлично известно, что у Якова Брюса имелось несколько таинственных свитков, в том числе и «волшебная Чёрная книга», что когда-то создал сам царь Соломон. Сия волшебная вещь позволяла хозяину знать обо всём, что случиться в природе? Как сложится жизнь отдельных людей, а так же, как и чем можно на неё повлиять.

Сей манускрипт всегда находился под чрезвычайно мощным заклятием, и никто кроме Якова Брюса не мог взять его в руки. Стоило кому-то, кроме хозяина, коснуться той замечательной книги, как она тотчас исчезала, словно бы растворяясь в окружающем воздухе. Однажды с ней захотел познакомиться любознательный Пётр. Однако, даже в присутствии чародея она не далась в руки молодому царю.

Хранился сей фолиант в тайной комнате башни, вход в которую знал только шотландский колдун. Там же лежали и другие предметы, что позволяли творить чародейство. Сре-

ди них особенно выделялась печать Соломона. Так же там имелось волшебное медное зеркало. Оно служило для общения с духами, и помогало предсказывать всё, что когда-то случится.

В пору жизни Якова Брюса, бытовали рассказы о том, как к нему «в ночные часы прилетал огромный дракон, изрыгающий жаркое пламя». Сии неординарные случаи были подтверждены целым рядом серьёзных свидетельств, предоставленных обществу знатнейшими людьми Петровского времени.

Кроме того, у всех на слуху было ещё одно невероятное чудо. Будто бы «в жаркие июньские дни, он пригласил гостей в парк своего большого поместья. Там он всё сделал к удовольствию вельможных особ. В том числе, обратил пруд в обширный каток, и предложил покататься на нём на коньках».

Не иначе, как сам нечистый дал ему возможность говорить на всех языках тогдашней Европы и превращать обычный свинец в чистое золото. Многие современники Брюса упоминали в своих мемуарах и письмах, что часто бывали в кабинете алхимика.

Там они видели стеклянные банки с мерзкими, явно потусторонними тварями. При их явной помощи он призывал к себе духов. Творил чудеса и каким-то таинственным образом, смог добыть для себя несметные ценности.

В обществе тогда говорили, что Яков Брюс мог создавать

людей в большой стеклянной пробирке. А одно существо было у него в услужении. Сначала домовые слуги сильно пугались «искусственной девушки». Однако, постепенно привыкли и между собою стали звать её «Яшкиной бабой».

Гомункулус мог делать любую работу по огромному заданию, подавать напитки гостям и отвечать на простые вопросы. Скоро в неё влюбился молодой человек, приятель Якова Брюса. Он и попросил продать «крепостную». Волшебник вдруг так рассердился, что лёгким движением рук растворил её в воздухе.

Колдун хотел быть всегда молодым. Потому, для себя он создал эликсир вечной жизни. Причём, от других, и даже от своего благодетеля – царя Петра I, скрывал его с необычайной заботой.

Подробно смаковались рассказы о том, как Яков Брюс построил «железную птицу», и летал на ней в гости к царю. Прибывал аж в сам Петербург, или отправлялся по важным делам в разные части великой России.

К тому же, он и сам мог превращаться в любое животное или в огромных пернатых. Вызывал и прекращал наводнения, метели, грозы, бури и прочие ужасы. И ведь не просто все верили в подобные слухи. Имелась великая масса людей, которые всё это видели своими глазами.

Если вы сомневаетесь в данных словах, то прочтите сочинения литератора Лермонтова. В книге «Панорама Москвы» он сообщает: – «... На крутой горе, усыпанной низкими из-

бами, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четверугольная, сизая, фантастическая громада – Сухарёвская башня.

Она гордо взирает с холма на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на её мшистом челе! Её мрачная физиономия, её гигантские размеры, её решительные формы, всё хранит отпечаток другого века. Отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло даже противиться ...»

Конечно же, всем нам понятно, что он писал вовсе не о каменном здании, а о той страшной силе, что таилась за высокими толстыми стенами.

Одна из старинных московских легенд утверждает, довольно странные вещи. Она говорит нам о том, что в последние годы своей бурной жизни, Петр Великий приказал Брюсу изготовить весьма непростые часы.

Чернокнижник исполнил сие повеление, но его «вечный хронометр» показывал не только обычное время. Ещё он сообщал, когда нужно начать сраженья с врагом, сулящие победу и славу. А так же, где и когда искать различных богатств и сокровищ.

Колдун завёл те часы, вынул удивительно затейливый ключ и выкинул в ближайшую реку. С тех самых пор то устройство работало долгие годы и не вставало ни единого разу.

Потом, хронометр куда-то пропал. Говорили, что виновна

в том Екатерина Великая. Мол, она приказала своим мастерам, разобрать механизм и узнать их великий секрет.

Мудрёный прибор тотчас развинтили на части, а вот вернуть его в прежние состояние уже не смогли. Так и валялись те небольшие детали у придворных механиков, пока не исчезли неизвестно куда. Скорее всего и здесь проявились козни нечистого.

Но даже эликсир вечной юности не помог колдуну избежать заслуженной кары. Видно, дьявол был настолько хитёр, что сумел обмануть чернокнижника. Погубил его тело и унёс в преисподнюю грешную душу.

Московский колдун погиб во время жуткого опыта, который проводил у себя в Подмосковном поместье. В целях омоложения он велел камердинеру разрезать себя на многие части. Потом сложить все куски в прежнем порядке и полить необычным составом, сделанным по рецепту волшебной книги царя Соломона.

Процесс шёл очень успешно. Части тела стали срастаться, но в это время приехал вестовой от императрицы Екатерины, супруги Петра. Слугу позвали к гонцу для получения от него каких-то бумаг. Пока он бегал туда и сюда, время ушло. Холоп не успел обрызгать останки раствором в нужный момент и хозяин погиб.

После таинственной смерти Якова Брюса, чары проклятой башни на Сухаревке почему-то никуда не исчезли. Они

не развеялись в окружающем воздухе, а так и остались наложены на то нелепое здание. Ведь именно в той огромной постройке чаще всего видели призраков.

Наверняка, там бродили души несчастных, коих шотландский колдун принёс в жертву нечистому. Для поимки одного из таких привидений власти даже вызвали в Москву господина Ивана Путилина – знаменитого сыщика, начальника всей сыскной Петроградской полиции.

Людская молва утверждает, что среди прочих фантомов, видели тень самого легендарного Якова Брюса. Мол, он с мрачным челом ходит по комнатам Сухарёвской казармы и охраняет «Чёрную книгу», спрятанную в каменной кладке.

Ещё данный призрак иногда появляется в других, самых разных местах. В первую очередь, в его бывшем подмосковном имении, расположенном в поселении Глинки. А так же, в кирхе Святого Михаила, стоящей в «Немецкой слободе». Там, по слухам, ходящим в Москве, находится могила волшебника.

Всё происходит в дни главных солнцестояний, а также в те редкие ночи, которые чем-либо отмечены на астрологических картах. Сиё приведение бродит по зданию, что стоит в начале 1-ой Мещанской улицы. В нём когда-то давно жил сам Яков Вилимович Брюс. Тот старый дом находится недалеко от Сухарёвских казарм и, как говорят горожане, соединён с ними глубоким подземным тоннелем.

Да и тот архитектор, которому Селивёрстов заказал про-

ект своего дома, весьма необычен. За ним с юных лет ходила самая нелестная слава. Мол, он тоже великий колдун, чернокнижник и маг.

Недаром он знаменит на всю златоглавую столицу России и чрезвычайно богат. Знающие люди твердят, что среди его дальних предков был сам Яков Вилимович Брюс и его верный товарищ Франц Яковлевич Лефортов.

Хотя тот особняк, что возводят в Подгорске и будет чуть меньше, чем Сухарёвская башня, но в нём дотошно сохранены все основные пропорции. Причём, в мельчайших деталях. Если не верите, то сходите на центральный почтамт и купите открытку с видом московской постройки. Прогуляйтесь к Богородческой улице. Встаньте возле старого храма, и посмотрите на просторный участок, что находится на другой стороне.

Вы сами увидите там огромное четырехугольное здание. По углам расположены четыре восьмиугольные башенки. По центру возвышается восьмиугольная башня в четыре больших этажа. Завершается сия доминанта остrokонечною шатровой кровлей.

Не смотрите, что сей особняк строится, в так называемом, «старорусском классическом стиле». В деталях его непростого декора полно скрытых таинственных магических знаков. Нужно только суметь их все разглядеть.

Корчмарь. Ремонт особняка

Как и обещал чрезвычайно богатый заказчик, он не жалел денег на ремонт старинного здания. Поэтому, фасады удивительно быстро привели в надлежащий порядок. Уж ближе к осени, особняк приобрёл тот самый вид, в каком находился перед Первою мировую войной, в середине июля 1914 года.

Строительные бригады собрали свои инструменты и длинные люльки, висевшие на прочных канатах. Погрузили вагончики на автоприцепы, и вместе с ними исчезли с площадки. Их место заняли разбитные отделочники.

Вот тут-то архитектор и выяснил, что в городе имеются только те многие люди, что поднаторели на, модном теперь, «евроремонте». В те давние годы, он пришёл из соседней к нам Турции и тотчас занял все просторы великой России.

Однако, как эти работяги не пыжились, но выяснилось, что они почти ничего не умеют. Они не могли выполнить такие работы, которые предусматривались аутентичным проектом реконструкции здания.

Пришлось Корчмарю поступить точно так, как сто лет назад сделал купец первой гильдии господин Селивёрстов. Михаил Афанасьевич не мелочился и выписал мастеров не только из далёкой Москвы, но даже из стольного Питера. Причём, за несуразно огромные деньги.

Видно, на цене за их дорогие услуги сильно сказалась отдалённость объекта от границы с посвящённой Европой. Походило на то, что в качестве «повышающего коэффициента» они взяли цифру, равную числу километров, отделяющие их от Подгорска. Несмотря на столь неприятное положение дел, местный олигарх не пошёл на попятную. Он скрепил своё корыстолюбивое чёрное сердце и согласился на эти условия.

Тут же возник главный вопрос, о материале, из которого будут выполняться оконные рамы, витражи, стеновые панели и паркет второго яруса башни. Архитектор немного помялся и осторожно сказал своему нанимателю: – Поскольку тот зал Вы не будете постоянно использовать то, может быть, стоит кое-что изменить?

– Что ты имеешь в виду? – хмуро поинтересовался Корчмарь.

– Убрать редкое дерево тик, о котором говорится во всех чертежах Якова Брюса и поставить что-то другое?

– Что именно ты предлагаешь? – заинтересованно спросил Николай Александрович. После того, как олигарх влез с головой в реконструкцию здания, деньги с его валютных счетов потекли бурной рекой. Скоро он поневоле задумался: – «А по карману ли мне такой дорогой особняк?»

Он уже частенько прикидывал: – «На чём можно было бы ещё сэкономить?»

К своему сожалению, из-за местечкового гонора, не мог отказаться сказанных ранее слов. Так что, на людях он всё

так же разыгрывал из себя некое подобие царя древней Лидии – Крёза. Того самого, которого в античное время, все считали несметно богатым правителем.

– Давайте заменим на дуб. – ничтоже сумняшеся ответил ему архитектор.

Корчмарь, давно уже знал, во сколько ему обойдётся древесина золотисто-коричневатого цвета, растущая в тропической Индии, да ещё в Таиланде. За эту дорогую породу и так дерут огромные деньги, а если прибавить доставку в захолустный Подгорск, то сумма выходит почти запредельная.

Вот только уже нечего нельзя было сделать. Месяц назад к нему приходила длинноногая дива с местного телеканала. Он принял её в своём большом кабинете. Угостил пирожными с кофе и дал интервью, словно какая-нибудь знаменитая личность.

В своей краткой речи он заявил, что реставрирует особняк Селивёрстова с точностью, до самой последней заклёпки. А как всем известно, понты дороже всех денег на свете. Так что, теперь нет хода назад. Иначе, братва засмеёт.

Поэтому и пришлось Корчмарю опять раскошелиться за свою непомерную гордость. Он скорчил хорошую мину, при довольно никудышной игре, и выдал из себя такие слова: – Всё оставляем, как было в натуре, у купца Селивёрстова.

Наконец, драгоценная древесина добралась до Сибири. После чего, оказалось, что в городе нет мастеров, умеющих

работать со столь экзотичным товаром. Опять олигарху пришлось лезть в тугую мошну и посылать людей в обе столицы страны – Москву и Санкт-Петербург.

Искать там умельцев, работавших по морёному дубу, да ещё очень твёрдому буку и грабу. Только они соглашались взяться за столь необычный заказ. Затем, снова платить сумасшедшие деньги, чтобы они соизволили приехать в Подгорск, затерянный в дремучих еловых лесах бескрайней России.

Лето было уже в самом разгаре. Реконструкция здания двигалась ударными темпами и приближалась к своему завершению. Чрезмерно довольный ходом работы, Корчмарь стал размышлять: – «Когда лучше всего отпраздновать своё новоселье?» – немного подумал и наметил его на позднюю осень.

К этому дождливому времени, вся местная знать должна уже завершить большие турне по летним зарубежным курортам. Собрать чемоданы с дорожными шмотками и вернуться в холодные «родные пенаты». До зимних каникул, когда они соберутся уехать в Новогодние Альпы, останется ещё более месяца.

Делать им здесь будет нечего, именно в столь скучный период, их и можно зазвать на небольшую пирушку. Пусть он всего лишь «бывший ментяра», но они обязательно захотят осмотреть особняк купца Селивёрстова.

Как-никак это достопримечательность всей Трёхречен-

ской области. Значит, они явятся в гости всей шумной толпой. Тут уж брат не зевай. Заводи знакомства с большими людьми. Иначе никогда не поднимешься на новый уровень крупного бизнеса.

Корчмарь резонно решил, что к данному сроку он успеет не только «достроить» свой особняк, но и обставить его замечательной мебелью. Причём, не абы какой, а в том самом стиле, какой был в ходу столетие назад.

Скоро олигарх вдруг узнал, что назначенные им «сроки сдачи объекта» начали срывать один за другим, он пришёл в сильную ярость, переходящую в буйное бешенство.

Вызвал к себе архитектора, наблюдавшего за ходом строительства. Устроил ему крупный разнос, в лучших традициях советских райкомов, и пригрозил грохнуть беднягу прямо здесь, на ковре кабинета. Мол, потом мои люди заруют мёртвое тело в диком лесу и никто никогда не найдёт твоих бранных останков.

Зодчий трепетал перед грозным заказчиком, как осиновый лист, что-то там лепетал. Говорил, что он здесь совсем не причём, а во всем виноваты те мастера, что приехали из обеих столиц.

– «Конечно,» – осадил себя олигарх: – «пристрелить доходягу достаточно просто, но кто будет потом, возглавлять большое строительство? Придётся нанять другого спеца, а пока суть до дело, время бесследно уйдёт. Да ещё и менты

будут крутиться вокруг, искать пропавшего чудика».

Хочешь, не хочешь, а пришлось Корчмарю слегка успокоиться и вникнуть в суть тех объяснений, что лепетал «пролетарий карандаша и резинки». Оказалось, что дело было в пресловутых тиковых рамах, витражах и паркете. Всё это делали с такой медленной скоростью, что узнав об этой напасти, олигарх снова не выдержал.

– Почему они возятся с ними так долго? – истошно орал олигарх на бледного зодчего: – Почему не ускорят процесс обработки?

Корчмарь дошёл до такого градуса злобы, что опасаясь убить архитектора, направил энергию бешенства в совершенно другом направлении. Стал стучать кулаком по столу и громко топтать ногами, обутыми в мокасины из мягкой крокодиловой кожи.

– Древесина удивительно твёрдая, а мастеров приехало мало. Поэтому, сроки слегка растянулись. – объяснил оробевший «суперстроитель»: – Отделку всего Вашего дома уже благополучно закончили. Лишь второй ярус башни так и стоит совершенно открытым.

К счастью, тик не боится никаких атмосферных осадков, и совсем не гниет. Из него даже делают палубы для крупных прогулочных яхт. К тому же, сейчас стоит жаркое лето. Ни дождей, ни сильной сырости в городе нет.

На всякий случай, я велел затянуть все проёмы толстой полиэтиленовой плёнкой и немедленно приступить к уклад-

ке плашек паркета. Электропроводку везде уже протянули. Потолочные и стеновые панели готовы. Оклеены тонким тиковым шпоном и ждут, когда будут установлены рамы.

Выслушав подробный доклад о состоянии дел, Корчмарь ещё чуть покричал. Пригрозил, что снимет головы со всех мастеров и прорабов, и лишь после этого, отослал архитектора прочь.

Тот вышел из кабинета бледный, как свежавыпавший снег. Вытер мокрый лоб рукавом пиджака. Обругал себя за то, что связался с беспредельным бандитом и, ни секунды не медля, поехал на стройку. Нужно было пересказать рабочим разговор с олигархом и торопить резчиков по твёрдому дереву.

Пришло чуть больше месяца. Все рамы, наконец, изготовили. Погрузили в контейнеры и привезли на «ударную стройку Подгорска». Здесь их быстро поставили на место и тотчас остеклили. В течение несколько дней краснодеревщики облицевали весь зал потолочными и стеновыми панелями.

Затем, вновь появились электрики и повесили на потолке куски проводов с простыми голыми лампами. Мол, пусть пока так повисят и посветят. Потом, заменим, их на такие светильники, какие прикажет хозяин.

К тому времени подоспели и те витражи, что были ещё не готовы. Их установили в самую последнюю очередь и разме-

стили в углу помещения Теперь тонкие остеклённые рамы отделяли «Рапирную залу» от винтовой стальной лестницы. Той лестницы, что пронизала все этажи большой башни и шла снизу до самого верха.

Резную витражную дверь тотчас закрыли на прочный замок, а ключ сунули архитектору, стоящему рядом. Все мастера облёгченно вздохнули. Получили полный расчёт и разъехались по своим городам. Кто-то умчался в родную Москву, а кто-то отправился во вполне «европейский» Санкт-Петербург.

Прохор. Воздушный змей

Просторный сарай недавно построили в полуверсте от границы огромного господского сада. Он располагался в небольшой уютной ложбинке, где его с разных сторон закрывал высокий колючий кустарник. Так что, из окон особняка ничего не было видно.

Как только стемнело, Прохор взглянул на часы в медном корпусе, которые ему позволил оставить себе господин Яков Брюс. Увидел, что пришло нужное время, и отдал команду помощникам. Аким и ещё шесть крепостных мужиков открыли ворота каретника и выкатили наружу нечто, совсем необычное.

Издаലെка, эта машина весьма походила на легендарный орнитоптёр Леонардо да Винчи. Ту самую штуку, которая не оправдала надежд, возложенных на него владельцем имения, напугала группу конных дворян и чуть не угробила молодого холопа Семёна.

Слава Богу, что тогда всё обошлось. Парень взлетел на «железной птице» к самому небу. Упал вместе с ней с большой высоты, но не разбился до смерти. Скоро встал на ноги, быстро оправился и вернулся к кузнечной работе.

Хозяин был сильно рад тому обстоятельству, что из-за глупой забавы едва не лишился ценного мастера. Немного

расчувствовался и даже разрешил «испытателю» жениться на его давней зазнобе, сенной девушке Насте.

В этот раз, у машины не было надёжных ремней для крепления «лётчика» под брюхом конструкции. Не имелось и сложной системы больших рычагов, расположенных спереди. С их помощью любой человек мог заставить сей аппарат махать широкими крыльями.

Лишившись нескольких громоздких частей, устройство стало значительно легче. Поэтому, чтобы поднять её в воздух уже не требовалось двух лошадей, несущихся по полю быстрым аллюром. Оказалось достаточно длинной верёвки и даже слабого колебания воздуха. Благодаря столь нехитрым вещам, «воздушный змей» легко поднимался в высокое небо.

Вместо рычажной системы спереди укрепили деталь, смазывающую на широкую голову племенного быка. Как и прочие части конструкции, её изготовили из обычной корзины, сплетенной из тонких ивовых прутьев. Снаружи её обернули плотным английским шёлком.

Внутри, укрепили стеклянный сосуд, с горючей смесью из спирта и каких-то специальных веществ, привезённых Яковом Брюсом из последней командировки в Европу. Сзади прицепили длинный извилистый хвост. Его украшали большие шипы, изготовленные всё из той же лозы, обтянутой тканью. Под брюхом повесили такие же ноги, походившие на огромные куриные лапы.

Для пущей наглядности, хозяин приказал расписать наружную часть аппарата особенной краской. Для создания оной, Владелец имения выписал из Баварии дорогой препарат под названием – «phosphorus mirabilis». В 1669 году сие вещество было открыто знаменитым алхимиком Хеннигом Брандом, родившимся в Гамбурге.

Насколько знал Прохор из книг, вещество светилось во тьме, а его двойное название переводилось с латыни, как «чудотворный носитель света». По внешнему виду сей химикат весьма походил на очищенный воск и легко разрезался обычным ножом.

«Придворный» художник Игнат, развёл вещество в хорошо очищенном спирте и добавил в минеральные краски. Расписал нижнюю часть крыльев «воздушного змея». На голову, тело, лапы и хвост нанёс крупный рисунок, изображавший чешую крокодила.

Вот только после этого, он вдруг занемог. Лежал на топчане в тесной коморке и метался в жару, как больной в лихорадке. Огорчённый внезапной болезнью своего крепостного, Яков Брюс отложил все дела.

Пришёл на половину холопов и словно какой-нибудь лекарь осмотрел несчастного парня. Увидев все признаки сильной горячки, он ещё больше расстроился и сказал, что ни сегодня, так завтра художник представится. Перед уходом, велел на последок: – Пусть его пособоруют и причастят святых таинств.

Потом отправился в свой большой кабинет. Долго листал учёные книги, откуда с прискорбием узнал, что «phosphorus mirabilis» весьма ядовит. Позвал к себе Прохора и приказал молодцу механику:

– Обращаться со светящейся краской, с большой осторожностью. Не трогать её голой рукой, а кожаные рукавицы, которыми они будут касаться «воздушного змея» потом нигде не использовать. После представления гостям всё вместе с летучей конструкцией сжечь на костре. Причём, подальше от дома.

– «Как жаль молодого Игнатку». – печально раздумывал Прохор. – «Чудный был он всё же художник».

Механик снова взглянул на часы. До нужного времени, оставалось точно сорок минут. Ровно столько им требовалось, что бы всё хорошо приготовить. Частые тренировки не прошли для всех даром, и подручные работали чётко и слаженно.

Хорошо, что занимались они здесь же, на этом самом покосе. Для соблюдения тайны, барин приказал поставить охрану вокруг большой луговины и никого даже близко сюда не пускать. Не дай Бог, проведает кто о необычном кунштюке, задуманном барином. Тогда всё дело насмарку.

Мужики взялись за работу и быстро и ловко размотали верёвки. Вся бечева была покрашена в чёрно-аспидный цвет и прочно прицеплена к раме «воздушного змея». Разобрав

концы между собой, люди разошлись в разные стороны. Двое из них раскрутили новейший воздушный насос.

Мощная ветродуйка выплюнула тугую струю. Сильный напор холодного воздуха ударил в днище устройства, обшитое английским шёлком. Лёгкая машина приподнялась над землей.

Слабый ветерок подхватил аппарат и настойчиво потянул ввышину. Движение воздуха было благоприятным и мужикам им не пришлось переставлять верёвки новым макаром.

Помощники стояли поодаль. По чуть-чуть отпускали прочную привязь и давали «воздушному змею» забраться повыше. Махнув правой рукой, Прохор неторопливо направился к огромному барскому дому. Таща за собой парящую в небе конструкцию, мужики двигались следом за ним.

В саду уже не было никого из холопов. К тому времени, слуги потушили все факелы, что находились у дома и отправились в комнаты. Так что, теперь весь сад и округу заливала плотная, непроглядная тьма. В бездонном, безоблачном небе виднелись лишь звёзды и тоненький серпик луны. Как и предвидел хозяин, их слабенький свет не доходил до земли.

Команда механика медленно двигалась по центральной садовой аллее. Когда они подошли большому крыльцу, все гости Якова Брюса собрались на ярко освещённой веранде. Они стояли к саду спиной и внимательно слушали то, что им говорит господин.

По команде хозяина, ливрейные слуги одновременно по-

тушили все фонари, висевшие на стене особняка. Везде стало так же темно, как и в саду. Раздался голос владельца имения: – Посмотрите назад, господа! – гости слегка удивились, но все повернулись к огромному саду, залитому тьмой.

Один из помощников Прохора, дёрнул за ту верёвку, что до сих пор висела свободно. Чёрная ткань, закрывавшая брюхо машины, тотчас отцепилась от «воздушного змея» и смятую тряпкой упала на землю.

Четверка подручных кинулась к четырём скромным беседкам. Сооружения были обтянуты чёрным льняным полотном и спрятаны в ближайших кустах. Холопы сбросили с них лёгкие кровли и забрались внутрь тесных построек. В каждой из них находилось по большому гнутому зеркалу, смотрящему прямо в зенит.

Яркие лучи фонарей отразились от хорошо полированных медных поверхностей. Мощные световые столбы ударили ввысь. Пошарили по тёмному небу и все разом сошлись на машине, висящей над Прохором.

Взорам изумлённых господ предстал огромный «дракон», бесшумно парящий над английским садом. Мужики плавно тянули и аккуратно отпускали верёвки. То одну, то другую, то третью. В ответ на их действия «чудовище» лениво махало просторными крыльями, по очереди шевелило хвостом и когтистыми лапами.

Сидевшие в кустах мужики стали греметь листьями тонкой кровельной жести. Раздувать мехи, принесённые намедни из

кузни, и трубить в огромные трубы. Всё это сливалось в ужа-сающий рык, который разорвал тишину.

Проход потянул за очередную бечевку. Пасть «дракона» широко распахнулась. Бутылка наклонилась и из неё выплес-нулась тугая струя крепкого винного спирта, смешанного с каким-то другим веществом. Жидкость устремилась к земле по пологой дуге.

В самом начале пути, она коснулась корзинки, изготов-ленной из прочной металлической проволоки. Плетёнка бы-ла подвешена к шее «воздушного змея» на расстоянии в са-жень и доверху наполнена раскалёнными углями. Горючая жидкость немедленно вспыхнула и пролилась на землю бур-ным бушующим пламенем.

Стоявшие на веранде, сановные гости обезумели от силь-ного страха и завопили на все голоса. Истошные крики гос-под слились в дикий вой, исполненный невыразимого ужаса.

Словно в едином порыве, все гости развернулись на ме-сте и бросились в дом. Они мчались вперёд, сметая всё, что встретиться им на пути. Из приёмного зала послышал-ся всё нарастающий грохот упавших столов и опрокинутых стульев. Зазвенели разбитые стекла. Крики боли и страха разнеслись по многочисленным комнатам и быстро стихли в глубине помещений.

– «Похоже, что сюрприз нашего барина удался на славу». – удовлетворённо подумал механик. За долгие готы работы у

Якова Брюса, Прохор хорошо изучил вкусы своего господина. Знал, что тот очень любит пугать глупых богатых вельмож, и в этом он был с ним совершенно согласен.

– «Так им и надо, дармоедам проклятым. Мой грозный хозяин, верно служит царю в его армии, кровь проливает в сражениях, ездит с посольствами в разные страны, ведёт переговоры, как дипломат. А все эти бояре живут на земле неизвестно зачем? Только пьют, жрут и мордуют холопов». – размышлял часто Прохор, но не мог ничего изменить в таком положении дел.

Долго он думал над этим. Потом, хотел удрать за границу, где, судя по книгам, нет крепостничества. К сожалению, всё упиралось в главный вопрос: – Как это сделать? Как добратся до границы России без документов и денег? Ведь поймают, где-нибудь по дороге. Заклеймят, словно вора и отправят на каторгу, на дикий Урал.

Так что, механику приходилось только терпеть и надеяться, что Яков Брюс всё же выполнит своё обещание и когда-нибудь даст ему вольную. Отбросив невесёлые мысли, Прохор вернулся к реальности.

– «Сейчас все сановные гости разбежались по комнатам и спрятались там, где только смогли». – подумал он с невесёлой усмешкой: – «Пора и нам двигать домой». – механик повернулся к помощникам и отдал короткий приказ: – Возвращаемся в каретный сарай.

Услышав голос начальника, холопы, сидевшие в тесных

беседках, потушили толстые свечи, горевшие в больших фонарях. Яркие отблески пламени перестали падать на медные гнутые зеркала. Бьющие в небо, световые столбы тотчас погасли.

Лишившись столь яркой подсветки, «ужасный дракон» как-то сразу поблек и потерял большую часть своего необычного шарма. Если честно сказать, то теперь его было почти и не видно. Так, лишь слабые отблески бывшего величия.

Помощники стали мало помалу стравливать все верёвки. Тронулись с места и медленно двинулись той же дорогой, что и пришли к огромному барскому дому. Привязь всё удлинялась. Конструкция поднималась всё выше и выше, и очень скоро слабое свечение фосфорных красок почти исчезло из виду. Только широкая тёмная тень временами закрывала крупные летние звёзды.

Команда Прохора вернулась к большому сараю и осторожно приземлила «воздушного змея». Все люди надели рукавицы из кожи и, стараясь не касаться одеждой проклятой светящейся краски, занесли страшное «чудище» внутрь.

Ближе к рассвету, подручные разломают на части труд своих долгих усилий. Завтра к обеду приедут крестьяне из ближайшей деревни. Осторожно погрузят обломки в старый рыдван. Увезут к большому болоту, находящемуся в семи верстах от усадьбы, и там всё сожгут вместе с телегой. Пепел кострища соберут совками с земли и сбросят в трясины. Этим всё дело и кончится.

А пока у него и помощников есть другая работа. Нужно вывести из-за сарая большую подводу, запряжённую тройкой крепких кобыл. На этой повозке лежит массивная статуя. Её «придворный художник» вырубил из белого подмосковного камня. Они отвезут изваяние к барскому дому. Поставят возле веранды и накроют большим куском полотна.

Хорошо, что у Игната было мало «phosphorus mirabilis» и его хватило лишь на разрисовку «дракона». Поэтому, статую покрыли самыми обычными красками, замешанными на привычной олифе. С ней не было особых проблем и с установкой «окаменевшего монстра» справились достаточно быстро. Стащили его по доскам на дорожку центральной аллеи. Вот и вся недолга.

Как не просто казалось задание, а закончили дело только к рассвету. Прохор с Акимом успели вернуться к себе, на половину холопов. Отмыться от пыли, упасть на топчаны в коморке и немного поспать.

Поднялись через час – полтора и быстро побрились. Оделись в чистые порты и рубахи. Перекусили на скорую руку и помчались к веранде барского дома. Заняли места возле статуи «огнедышащей твари». Застыли, как часовые и принялись ждать, когда барин с гостями изволят подняться с кровати и выйти из дома?

Вельможи пришли только после восьми пополудни. Яков Брюс попросил всех вельмож собраться возле него. Крик-

нул: – Прохор, давай! – и для надёжности резко махнул правой рукой.

Механик с Акимом дёрнули за верёвки, которые держали в руках и, словно бы опасаясь пробуждения «дракона», тотчас отбежали в разные стороны. Так приказал Яков Брюс, а после того, он ещё и добавил: – Сделайте это для большей наглядности.

Плотная ткань соскользнула со статуи и упала на землю. Что было дальше, крепостные уже не смотрели. Они бегом оттащили холстину в кусты. Свернули её в большой ровный куль, а рядом положили верёвки, смотанные в отдельные связки. Потом домовые слуги всё заберут. Нечего добру пропадать.

Лишь после этого, они двинулись к стоящему в ложбинке сараю и проследили за opravкой разломанных останков «воздушного змея». Объяснили крестьянам, что, несмотря на всю свою красоту, обломки смертельно опасны и не стоит их трогать руками. Ткань, в которую они были завёрнуты, рукавицы из кожи и старый рыдван следует сжечь на костре. Совки после сбора углей кострища, тоже бросить в болото.

Отметив, что все его разъяснения прошли мимо ушей бедных крестьян, Прохор увидел, что они не поверили ни единому слову. Понял, что мужики, себе на уме, и растащат по избам куски полотна и обрывки яркого шёлка. После чего, сошьют из них порты и рубахи, Наденут обновки и будут носить, пока не умрут, как несчастный Игнат.

Механик прикинул, чем можно их ещё напугать, и сказал, что это останки проклятой птицы, которую Яков Брюс вызвал из мира теней своим колдовством. А того, кто к ним прикоснётся, постигнет жестокая кара небесная. Он потеряет свою бессмертную душу и оправится в ад.

Его слова возымели какое-то действие, но Прохор не стал рисковать и отправил с мужиками Акима. Тот видел, как сильно болел художник Игнат и не позволит крестьянам, прикасаться к обломкам. Тем более, растащить их по дворам и по избам.

Оправив телегу к болоту, Прохор вернулся в дом господина. Прошёл на половину, где жили холопы. Почувствовал, что не мешает, что-нибудь съесть и направился прямо в людскую. Там он узнал ужасную новость.

– Этой ночью умер Игнат. – сказал ему опечаленный повар: – Похороны пройдут послезавтра, на нашем сельском погосте.

– «И ради такой ерунды, как летучий дракон,» – подумал вдруг Прохор: – «погиб совсем молодой человек. А всё для того, чтобы развлечь десяток богатых вельмож».

Глеб. Странная находка

Сгорая от нетерпения, парень сунул кончик пальца в небольшой тайничок. Подцепил ногтем непонятный предмет, плотно сидевший внутри. Выковырнул его из гнезда и положил на компьютерный стол. Внимательно посмотрел на находку. Осторожно развернул белую тряпочку и печально вздохнул.

Перед ним лежала обычная старая гильза от трёхлинейной винтовки оружейника Сергея Ивановича Мосина. Насколько Глеб помнил, это оружие пришло в российскую армию ещё в 1891 году и состояло на службе, аж до конца Второй мировой.

Да и сегодня она не утратило своей актуальности. Наверняка винтовки спокойно лежат на складах мобилизационных резервов и ждут, когда вновь придёт их звёздный час. Очередная гражданская бойня, война с соседними странами или какая другая напасть.

Совершенно внезапно Глеб осознал крушение своих смутных надежд и ощутил недовольство по этому поводу. Хотя, если честно сказать, он и сам не смог себе объяснить, чего ожидал найти в тайнике: небольшой золотой медальон или что-то ещё в этом роде? Ту же, бриллиантовую подвеску, как романе Александра Дюма «Три мушкетёра»?

С другой стороны, откуда в простой русской семье его бабушки с дедушкой могли появиться такие дорогие предметы? Тем более, что они всегда проживали в далёкой сибирской деревне. Чай, не наследники графских родов из Москвы или Питера? Разве, что кто-то из предков привёз с какой-то войны, как драгоценный трофей?

Разочарованный кладоискатель взял в руки небольшую находку. Поднял к глазам и повертел перед собой. Однако, даже дотошный, всесторонний осмотр не изменил положения вещей.

Судя по размерам, и внешнему виду, гильза была старого образца, калибра 7.62. Длина около пяти с небольшим сантиметров. Имелось широкое горлышко, как у кефирной бутылочки и выступающая закраина на тоненьком донце. Такие странные формы давным-давно не применялась в современном стрелковом оружии.

Однако было в ней и кое-что необычное. Во-первых, она блестела, словно хорошо была отшлифована, и выглядела так, будто недавно сошла с ленты конвейера.

Во-вторых, все поверхности гильзы покрывал, едва различимый простым глазом, весьма замысловатый узор. Штрихи той резьбы оказались удивительно узкими, будто их нанесли очень острой иглой.

В-третьих, над ней поработал ещё какой-то народный умелец, только классом значительно ниже. Он взял кусок медной проволоки и согнул её вокруг тонкого дульца. При-

ложил вертикально к немного зауженной горловине и мастерски припаял с двух концов. Получилось небольшое ушко. Оно позволяло носить старую гильзу на прочной верёвочке. Вроде, как амулет или брелок на связке ключей.

Парень всмотрелся в очень необычный узор, покрывавший находку, и почувствовал слабый укол в подушечках пальцев. Такой же, как он ощутил, когда ощупывал днище шкатулки.

Сознание Глеба слегка помутилось, и он недоуменно потряс головой. Появившийся перед взором лёгкий туман мгновенно исчез. Состояние пришло в обычную норму, а неприятное впечатление тут же забылось.

Изучая находку, парень вертел в руках латунный цилиндр, сияющий своей новизной. Скоро он обнаружил ещё кое-что интересное. Оказалось, что бутылочное горлышко гильзы было закрыто небольшой плоской крышечкой. Причём, с маленькой петлей и короткой защёлкой.

Глеб поднял руку к правому уху. Легонько потряс и ощутил, что внутри что-то есть. Предчувствие новой находки вновь заполнило душу. Он подцепил ногтем пальца защёлку, и попытался её легонечко сдвинуть.

– «Надеюсь, что там нет злобного джина, который должен убить своего избавителя». – подумал он с лёгкой усмешкой: – «Не хватало мне ещё отыскать угрюмого братца старика ибн Хаттаба, в просторечье Хоттабыча. Кажется, того мизантропа звали Омаром Юсуфом?»

Хотя, как сообщают арабы в своих древних сказках, мифический царь Соломон любил ловить злобных джинов и прятать их в закрытых бутылках. Так что, в любой старой посуде можно наткнуться на такой неприятный сюрприз».

Тугой стопор тихонечко щёлкнул, и крышечка тотчас откинулась. К великому облегчению парня, из открытого горлышка гильзы не вырвался плотный туман. И, соответственно, он не сгустился и не собрался в потустороннюю сущность, объятую жаждой человеческой крови.

Подождав для верности десяток секунд, Глеб убедился, что все детские страхи оказались совершенно напрасны. С усмешкой отметил, что всё это время, он почему-то совсем не дышал, и с облегчением втянул в себя тёплый комнатный воздух.

После чего, посмотрел внутрь горлышка гильзы и увидел, что оно плотно заткнуто комочком серенькой ваты. Подцепил двумя пальцами туго скатанный шарик. Легко вытащил небольшую затычку и положил на столешницу рядом с собой.

Затем, наклонил латунный цилиндр над левой ладонью и осторожно потряс. На руку выскользнуло несколько довольно обычных иголок. На первый взгляд их оказалось штук шесть или семь. На точное число странных игл, Глеб не обратил никакого внимания. Его заинтересовала их необычная форма.

Все они выглядели очень старинными, толстыми и весьма неуклюжими, словно их изготовили для шитья грубой ткани. Например, парусины или сукна для солдатской шинели.

По всей видимости, иглы не штамповали на какой-нибудь фабрике, а сработали кустарно, вручную. Причём, очень давно и в такой дальней кузнице, где был в ходу очень плохой инструмент.

Об этом говорили большие неровные ушки, кустарно пробитые каким-то стародавним умельцем. Плюс ко всему, все иглы имели квадратное сечение. Самое странное было в том, что их изготовили из того же металла, что и блестящую гильзу от «мосинки» .

Из школьного курса истории Глеб отлично запомнил, что после Октябрьской революции, да и во время Великой Отечественной войны, швейные иглы почему-то мгновенно исчезли из свободной продажи.

Скорее всего, тогда все станки перевели на изготовление деталей к оружию, а на простой ширпотреб, Правительству было начхать. Слуги народа никогда ни в чём не нуждались. Другое дело, обычный российский народ. В связи с тем, что иглы вещь очень нужная, рукастые люди мастерили их сами из любого подручного сплава, который оказался поблизости.

А так как, все кузнецы имели совершенно разные навыки, то делали так, кто как умел. Кто-то получше, а кто-то и хуже. Главное, было не отличное качество, а способность предмета к шитью.

Парень невольно задумался: – «С этим понятно. Тогда с иглами было так плохо, что приходилось использовать то, что нашлось. Но это тогда, а зачем нужно сейчас хранить такие толстые, грубые и неудобные вещи? Ими же ничего не зашьёшь. Разве, что заштопаешь дырку в солдатской шинели?»

Хотя почему бы и нет? Скорее всего, именно для этого их и держали. Кто его знает, может быть, кто-то из предков брал эти иглы с собою на фронт, чтобы там подлатать свою рваную форму? Поэтому, и носили их не в каком-то футляре, а в древней «мосинской» гильзе. Такие использовали ещё в конце позапрошлого века.

Ну, а потомки их затем сберегли, как большую реликвию. Так сказать, на долгую память. Например, о войне, о прадеде или о ком-то ещё, или, возможно, о каком-нибудь важном событии. Жаль, что бабушка с дедушкой давно уже умерли, и не смогут мне ничего рассказать».

Четвёртая глава

Яков Брюс. Наследие древних алхимиков

Осенью 1702 года в дом московского «чернокнижника» пришла большая посылка, присланная в Россию из далёкой Баварии. У Якова Брюса имелись друзья и знакомые, которые жили в Европе. Все они за хорошую мзду оказывали ему небольшие услуги. Один такой человек обитал в славном городе Нюрнберге. Поддерживал постоянную связь со знаменитым Петровским вельможей и выполнял его частые просьбы.

Ушлый немецкий приказчик прислал генерал-майору большое письмо. В нём он сообщал, что, наконец-то, смог отыскать несколько книг, заказанных русским сановником.

В частности переводы знаменитых трактатов арабского алхимика Джабир ибн Хайяна. Насколько знал Яков Брюс, именно он ввёл в обиход древних учёных представление о, так называемом, «философском камне».

Древний мусульманский исследователь говорил о том веществе, как о некой эфирной субстанции. Мол, она имеет

способность изменить соотношение ртути и серы в любом из известных науке металлов и превратить его в чистое золото.

Одновременно с этим он утверждал, что «философский камень» может лечить любые болезни и давать людям бессмертие, словно древним богам. Писал он и о гомункулусе – искусственном существе, созданном человеком в лабораторных условиях.

Кроме того, он развил «науку нумерологии», разработанную ещё Пифагором Самосским, древнегреческим философом, математиком, мистиком. Алхимик связал старинные арабские буквы с названиями различных веществ. Его работы дополнил другой известный учёный Абу Бакр Мухаммад ар-Рази, который в конце IX века усовершенствовал теорию о «первоначальных элементах».

В конце списка шли названия рукописей знаменитых европейских натурфилософов. Среди них мелькали выдержки из трактатов Альберта Великого – «Пять книг о металлах и минералах» и «Малый алхимический свод». А так же книги его лучшего ученика – итальянца Фомы Аквинского.

Присутствовал в перечне и францисканец Роджер Бэкон, положивший начало экспериментам в области различных наук. Он был представлен трактатами – «Зерцало алхимии», «О тайнах природы и искусства и о ничтожестве магии». В самом конце прилагались высказывания, некогда очень известных исследователей, – Арнольда из Виллановы и Раймунда Луллия.

Отложив всю работу на более позднее время, Брюс немедленно разобрал тяжёлый сундук, присланный из просвещённой Европы. Внимательно ознакомился с его содержимым. Бережно перебрал все полученные манускрипты. Тщательно их просмотрел и, не откладывая дела в долгий ящик, сел писать ответ в город Нюрнберг.

Сначала, он сообщил, что большая посылка благополучно дошла до Москвы в целости и полной сохранности. Поблагодарил за присланные бюргером рукописи и приложил к письму перечень древних авторов, чьи произведения хотел бы иметь в своей личной библиотеке.

В этот обширнейший список входили не только арабские и западные исследователи, но и их коллеги с востока. В частности его интересовали индийские и китайские свитки. К примеру, такие как древняя дуньхуанская рукопись – «Чжэнь гао», написанная Тао Хун-цзином, и дополненная аннотациями на языке тибетских племён. А так же, собрание даосских канонов – «Дао цзан».

Закончив большое письмо, Яков Брюс приложил к нему увесистый мешочек из кожи, наполненный золотыми монетами гульденами старой австрийской чеканки. Вручил конверт и баснословные деньги верному помощнику Прохору и отправил его в московский посольский приказ. После чего, с нетерпением принялся за чтение присланных книг.

«Придворный механик» передал послание главному посольскому дьяку, а тот переслал их в Европу с ближайшей

военной оказией. Вернее сказать, с теми людьми, что отправлялись с русской дипломатической миссией в Польшу и Пруссию.

Манускриптов оказалось так много, что их изучение затянулось на несколько лет. Нужно сказать, этому очень способствовали бесконечные войны, ведущиеся Россией со всеми соседями.

Наша держава постоянно выясняла отношения то с Восточной Европой, то с Западной Азией. Причём, на всех возможных фронтах. Вследствие чего, Пётр I создавал множество дипломатических миссий, которые направлялись в различные страны.

Несмотря на мощную тягу к различным наукам, Яков Брюс всегда был в гуще происходящих событий. Если шли очередные военные действия, то он находился рядом с царём, который старался сам верховодить каждой битвой. В мирное время, знатный вельможа занимался гражданской службой на благо отечества.

Так он реформировал всю русскую армию снизу до самого верха. К 1705 году, когда ему стукнуло всего тридцать пять, он стал маршалом. За командование всей артиллерией в Полтавской битве 1709 года, он был удостоен высшей награды российской державы – ордена Андрея Первозванного, под номером пятнадцать. В то время, как сам Пётр I был всего лишь седьмым кавалером данного ордена.

Брат Якова Брюса – Роберт, с которым он начинал военную службу в «потешном полку» молодого царя, также был на хорошем счету. Он хорошо воевал. Достиг огромных высот. Получил чин генерал-лейтенанта и стал обер-комендантом всего Петербурга.

К тому же, рукописи древних алхимиков были не настолько просты для понимания современных людей, как хотелось бы Якову Брюсу. Почему-то все исследователи давнего времени никогда не давали прямого ответа на любой, даже самый обычный вопрос. Они только ссылались на книги или тексты друг друга. В том числе и на великих учёных арабов.

Те в свою очередь, тоже никогда не испытывали уваженья к читателям. Ничуть не стесняясь, они отсылали к старинным индийским трактатам, подобным знаменитой «Расанарнаве».

Последователи хатха-йоги, в свою очередь, указывали на шёлковые свитки «Шива самхита», «Гхеранда самхита» и прочие, им же подобные вещи. Некоторые кивали на ещё каких-то малоизвестных китайцев и тайцев, в частности на Гэ Хун с его «Баопу-цзы».

Поэтому, Брюс постоянно разыскивал книги то одних древних авторов, то других, то третьих, четвёртых и так далее, по огромному кругу людей, посвященных в столь непростую науку. Тщательно выуживал крохотную толику истины и складывал добытые золотые крупички в общую, пока очень скромную, кучку.

В одном из древних трактатов, он наткнулся на описание некой машины, способной перемещать человека в какой-то соседний, никому неизвестный мир. Судя по описаниям алхимиков, одним из главных компонентов устройства являлся сложный каркас, изготовленный из волшебного дерева. Самое удивительное, было в том, что оно упоминалось у многих народов, имело схожие описания, но везде носило разное имя.

Благодаря уникальным особенностям неизвестного Якову Брюсу растения, его окутывал ореол множества древних сказаний и необычных легенд. Жители островов Кирибати и Банабана, расположенных недалеко от «Terra Australis» называют его Кап-и-тику-аба.

Невежественные аборигены объясняли чудесные свойства растения тем, что оно родилось в мире духов Матанг. Их верховный бог На-реау, некогда посадил дерево на острове Самоа, который лишь недавно открыли прекрасные мореходы голландцы. По убеждению местных племён, часть ветвей загнили от какой-то опасной болезни и упали на землю. От них появились первые люди той далёкой земли.

Просвещённые в науках китайцы называют его весьма странным словом – «ЖО». Согласно древним мифологическим текстам это священное дерево, встречается за далеким и труднодоступном Южным морем. То есть, где-то рядом всё с той же таинственной «Terra Australis».

Растёт данное дерево лишь в единственном месте, распо-

ложенном между потоками Хэйшуй и Циншуй, что в переводе значит – «Чёрная» и «Зелёная» речка. Причём, только на западном склоне высокой горы под названием Куньлунь. Листья у него тёмно-зелёные, цветы ярко-красные, похожие на недавно распутившийся лотос, а их чудный блеск освещает всю землю вокруг.

В индийской мифологии это растение знают, как «ТИК». Мол, невероятно огромное дерево данной породы произрастает на священном острове Шакадвипа. Ветви его поднимаются от земли до хрустальных небес, а в листве обитают чистые и светлые сущности – полубоги гандхарвы и сиддхи.

В соседней с Индией, Бирме волшебных существ величают кейнари. То есть, сказочные люди-птицы, появившиеся по велению верховного бога Брахмы, и ставшие небесными актёрами, музыкантами или певцами.

Самым важным для Якова Брюса, было понять, что же это за волшебное дерево, без которого невозможно построить машину древних алхимиков? С огромным трудом он всё же смог добраться до истины и выяснить, что это растение уже известно просвещенным голландцам. А его легендарная на весь мир древесина давно поставляется богатым людям Европы.

Причём, в цивилизованных странах оно называется на староиндийский манер. То есть, попросту – тик. Правда, оно стоит не меньше драгоценного красного и чёрного дерева, но это было не так уж и важно. Главное, что Яков Брюс смог

найти в древних свитках такие рисунки, на которых удалось кое-что рассмотреть.

В конце концов, упорный и настойчивый барин всё же смог кое-как разобраться в путанных манускриптах алхимиков. Собрал всё намёки хитроумных учёных. Бережно сложил их в единое целое и неожиданно понял, как устроена эта машина. После чего, пришёл в такой бурный восторг, что решил немедленно проверить теорию в деле.

Для этого требовалась лишь большая, свободная от мебели, комната и три на удивление обычные вещи: деньги, деньги и ещё раз огромные деньги. Вопрос с помещением решился достаточно просто.

Брюс решил занять под свои странные опыты часть «Навигацкой школы», которой он в то время успешно заведовал. Точнее сказать, второй ярус башни. То есть, бывшую рапирную залу, где некогда проходили заседания незабвенного «Нептунова общества».

Огромное количество золота, необходимое для постройки машины, тоже не было особой проблемой для такого сановника. Оно и понятно, ведь Яков Брюс водил давнюю дружбу с всесильным вице-адмиралом Александром Даниловичем Меньшиковым.

Да и сам он очень давно занимал высокие посты сенатора российской державы и президента Мануфактур-коллегии. Все эти завидные должности давали ему чрезвычайно БОЛЬ-

ШИЕ возможности. Так что, барин не стал откладывать дело в долгий ящик и с неописуемым жаром принялся за работу.

Купец Селивёрстов. Завершение строительства

В середине июля 1914 года «Вестник Подгорска» всем сообщил: – «... строительство особняка купца Селивёрстова уже вчерне закончено. Замечательный дом, как и предполагала редакция, действительно оказался чрезвычайно похож на знаменитую Сухарёвскую башню, стоящую в златоглавой Москве.

Даже большие куранты уже установлены на верхнем ярусе башни. Теперь они круглые сутки показывают самое точное время всему нашему городу. Любопытные горожане толпами ходят к необычному особняку и любуются его богатой наружной отделкой.

По сравнению со столичным оригиналом, прекрасное здание имеет значительно меньший размер. Несмотря на столь ощутимую разницу, оно оказалось одним из самых величественных сооружений Подгорска.

Строение купца Селивёрстова лишь немногим уступает кафедральному собору нашего города, а его восьмигранная башня даже слегка превосходит высоту колокольни. Сейчас внутри идут окончательные отделочные работы...»

Спустя неделю с после той публикации, процесс отделки

шикарных залов и комнат неожиданно встал. К сожалению владельца огромного дома, началась та компания, которую журналисты с апломбом назвали – «Вторая Отечественная».

Россия вместе с Францией и Великобританией создала военный союз под названием – «Антанта». Тройка великих европейских держав выступила против «Четверного союза». Туда входила кайзеровская Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и почему-то Болгария.

Та самая небольшая страна, ради которой, всего тридцать шесть лет назад, Россия ввязалась в очередную кровавую бойню. Ввела войска на её территорию и освободила от Османского ига, длившегося почти пять сотен лет. Ещё не забыли русские граждане воинов, погибших под Шипкой и Плевной, а, так называемые, «братья-славяне» уже оказались в среде непримиримых врагов.

Большая часть дорогих материалов, заказанных купцом Селивёрстовым, изготавливалась лишь в дальних пределах планеты. В том числе, в тех, что неожиданно-негаданно оказались на той стороне недавно возникшего фронта.

Поэтому, теперь их приходилось везти очень кружным и чрезвычайно долгим путём. Чаще всего, через какие-то третьи державы. Что естественно не могло не сказаться на сроках и стоимости.

Время доставки в разы увеличилось, а кое-какие заказы и вовсе пришлось отменить. После чего, перенести их в другие районы. Туда, где местные власти ещё не втянулись в разго-

равшуюся мировую войну.

Идущее полным ходом, строительство неожиданно замерло. Приглашённый из Москвы, инженер неожиданно взял полный расчёт. Собрал чемоданы и срочно вернулся домой. Вместе с ним уехала та бригада рабочих, что прибыла в город вслед за искусным начальником.

К тому времени, почти всех мастеров, набранных из ближайшей округи, срочно призвали на фронт. Так что, пришлось использовать ту рабочую силу, что осталась в Подгорске в наличии. Естественно, что темпы отделки всех помещений резко замедлились.

Но, как показала история, большие деньги решают любые проблемы. Вскоре поставки понемногу наладились. Работа в доме купца опять закипела, хотя уже не так бурно и рьяно, как раньше.

Всё же к Новому, 1917 году три первых этажа дома были совершенно готовы. Все комнаты богато украшены и обставлены дорогой импортной мебелью. Отделка велась только в четырехъярусной башне, что гордо возвышалась над зданием.

Купец Селивёрстов был так рад окончанию строительства, что не смог удержаться от излишества чувств. Ничтоже сумняшися по столь великому поводу, он закатил грандиознейший бал.

На широкое новоселье прибыла вся верховная знать обширной сибирской губернии и, конечно, знатные люди Под-

горска. Был дан шикарный обед из огромного числа умопомрачительных блюд и устроен большой фейерверк.

Не удивительно, что подобное празднество вызвало волну недовольства среди бедных сограждан. Дело было в том, что эти самые дни, во всех сводках, поступающих с германского фронта, говорилось об огромной нехватке боеприпасов и продовольствия.

Газета «Вестник Подгорска» назвала шумное гульбище купца Селивёрстова «пиром во время чумы». Осудила хозяйина и всех приглашённых гостей, гулявших на чрезвычайно широкую ногу. Призвала их не тратить огромные средства на личные прихоти, «а помочь деньгами Отечеству, истекающему кровью в борьбе с коварным врагом».

Губернские и городские чины сделали вид, что ничего не заметили и, как всегда, отмолчались. Невероятный скандал не имел продолжения и понемногу затих. Очень скоро жизнь вошла в обычную колею сонного заштатного города. Купец Селивёрстов, покаялся через газету, в своём неблагоприятном поступке и больше не давал честной публике поводов для её недовольства.

Он целиком погрузился в работу. Наладил заготовку деловой древесины и торговлю ей в очень широких масштабах. После чего, начал жертвовать на нужды благотворительности. В том числе, выделил огромную сумму на постройку госпиталя для раненых воинов и приюта для вдов и сирот.

Меж тем, строительные работы в его замечательном доме подошли к завершению. Отделка внутренних помещений башни закончилась. И тут произошёл новый, ещё более грандиозный, скандал.

Корчмарь. Обустройство особняка

Огромный дом был уже «сдан под ключ», но олигарх всё ещё не переехал в него. Он даже не смог набраться терпения и осмотреть всё снизу и доверху. Лишь пробежался по первому уровню. С любопытством повертел головой и удрал, сославшись на какие-то особенно срочные хлопоты.

Да и то сказать, обойти такой особняк за один только раз оказалось очень непросто. Одних жилых этажей в нем было целых три штуки. Каждый из них занимал почти шестьсот метров квадратных. То есть, равнялся площади футбольного поля.

Плюс цоколь, расположенный под всем большим зданием. Там был, первый ярус глубоких подвалов, где размещались те помещения, что очень нужны каждому жителю нашей планеты.

В первую очередь, там находились комнаты личной охраны и три бани разного типа: русская, турецкая, финская. Бассейны с холодной и тёплой водой. Бильярдные и тренажёрные залы. Домашний кинотеатр на двадцать пять очень широких посадочных мест и прочие приятные мелочи.

Под всем этим лежал второй уровень, с техническими службами всех назначений, хозяйственными помещениями и обширными кладовыми разного типа. В них хранились горы вещей и продуктов, которых могло бы хватить на долгие

годы вперёд .

Под крышей располагался обширный чердак, отделанный под жилую мансарду для вельможных гостей олигарха. И, конечно же, самая знаменитая часть огромного здания – четырёхъярусная восьмиугольная башня, с просторными залами на пятом и шестом этаже.

Ещё, там имелось место для размещения огромных курантов и открытая ветру площадка, висящая на высоте сорока пяти метров. В завершении всего, на самом верху, притулилась небольшая светёлка, из окон которой был виден весь город Подгорск, лежащий вокруг.

Всё здание вознеслось к небесам на высоту в шестьдесят с лишним метров. Так что, подняться в самую верхнюю комнату, оказалось достаточно сложно. Не у всех хватало сил и терпения преодолеть каждый раз почти три сотни ступеней.

Чтобы облегчить хозяевам жизнь, архитектор предложил сделать современный электрический лифт. Несмотря на то, что у купца Селивёрстова не было в доме такой хитроумной машины, Корчмарь тотчас согласился. Всё-таки ноги ведь свои, не казённые. Да и таскать важных гостей по крутым лестничным маршам тоже никак невозможно.

Люди они, в своем большинстве, весьма пожилые и достаточно тучные. Так что, подняться пешком на смотровую площадку им вряд когда-то ли удастся. А сходить туда, между прочим, будет всем весьма интересно. Такие чудные виды там отрываются, что даже дух замирает.

Кое-кто говорит, что то же самое можно было увидеть с колокольни Подгорского кафедрального собора. Жаль, что большевики его зачем-то взорвали в тридцатых годах прошлого, двадцатого века.

Но там висело множество колоколов самых разных размеров, и они очень сильно закрывали обзор. А вот на доме купца Селивёрстова ничто никому не мешало. Смотри куда хочешь, фотографируй, любуйся.

Поэтому молодой архитектор взялся за привычное дело. Чуть-чуть покумекал и очень удачно вписал сложное электроустройство в массивные контуры башни. На всякий случай, он оставил и обычную лестницу. Правда, предложил сделать её винтовой.

С большим удовольствием, заказчик утвердил такой вариант. Где-то в Европе купили подъёмник нужных размеров и форм. Привезли на стройплощадку и установили в высокую кирпичную шахту.

Меж тем, Николай Александрович поручил зодчему обставить дом «в лучших традициях предреволюционной эпохи». Открыл для этого новую кредитную линию и отбыл на заслуженный отдых в дальние тёплые страны. Пришлось проектировщику, освоить очередную специальность и влезть в тонкости дизайна внутренних помещений дворцов.

С подвалом и цоколем, никаких проблем у него не возникло. Русский купец Селивёрстов о таких хитроумных изыс-

ках, как джакузи или домашний кинотеатр со звуком «Dolby Digital» никогда даже не слышал. Так же, как он совершенно не знал о существовании прочих домашних новинок двадцать первого века.

Поэтому, здесь новоявленный декоратор действовал, опираясь исключительно на свой собственный технический вкус. Заказал самую мощную аппаратуру и прочие прибамбасы. То есть, всё то, что жизненно необходимо для отдыха всех олигархов, измученных тяжелой думой о том, где бы ещё денег срубить?

А вот с остальными тремя этажами, где собирался жить его «скромный» заказчик, несчастному архитектору пришлось сильно помучиться. Никаких сведений об обстановке дома купца Селивёрстова ни в Подгорске, ни даже в Трёхреченской области, увы, не нашлось. Ни в местных архивах, ни в мемуарах знаменитых людей.

Что в прочем, не так уж и странно. Последние семьдесят лет воспоминания о минувших годах писали, в основном, лишь очень конкретные люди. В первую очередь, «пламенные большевики», большие начальники и ещё полководцы РККА.

По вполне понятной причине, они не входили в круг близких знакомых крупного дореволюционного лесопромышленника. Так что, в гостях у него никогда не бывали. Ничего, сколь-нибудь интересного об интерьерах его огромного дома, сказать, увы, не могли.

Ну, а та драгоценная мебель, что стояла в доме незабвенного Михаила Афанасьевича, безвозвратно сгинула в смутные годы гражданской войны. Что-то растащили хозяйственные местные жители. Что-то увезли с собой отступающие войска разных мастей, а большая часть тех гарнитуров просто сгорела в буржуйках, словно простые дрова.

Во все времена вокруг города лежала глухая тайга. Несмотря на такое положение дел, с дровами там всегда было достаточно туго. Мало кто знает, но лес, «стоящий на корню», это вовсе не топливо. А если ты вдруг захочешь его получить, то придётся так потрудиться, что спина взмокнет множество раз.

Сначала нужно свалить растущее дерево. Срубить огромное количество сучьев. Привезти брёвна во двор нужного дома. Напилить на чурки размером в полметра длиной. Расколоть топором их на поленья, и лишь затем, загрузить в ближайшую печь.

Вот так и пришлось архитектору принимать все решения на свой, весьма неразвитый в этом отношении, вкус. Тем более, что он сомневался в помощи хозяина прекрасного дома.

Вряд ли бывший ментяра Корчмарь хоть что-нибудь знает об этом. Например, чем отличается роскошный ампир, распространённый в девятнадцатом веке, от вычурного стиля барокко, что существовал значительно раньше.

Новоявленный свету, «дизайнер» внимательно изучил тысячи фото из собраний Кремля и, конечно же, из Эрмита-

жа. Порыскал по сайтам известнейших фирм, занимавшихся изготовлением мебели данного типа, и заказал гарнитуры, похожие на те, что видел в Московском и Санкт-Петербургском музее.

К концу сентября несколько огромных контейнеров, украшенных иностранными клеймами, проехали по железной дороге тысячи вёрст. Перебрались через невысокие Уральские горы и, наконец-то, пришли в захолустный Подгорск.

Драгоценная мебель была тотчас распакована. Осторожно поднята на этажи и аккуратно расставлена во всех помещениях. Портьеры и ковры с гобеленами благополучно развешены. Бра и люстры повисли на потолках и стенах, а затем и подключены к внутренней электросети.

Не обустроенными остались только мансарды и сама восьмиугольная башня. Нужно сказать, что с чердачными помещениями, приспособленными для проживания вельможных гостей олигарха, архитектор тоже решил не очень возиться. Тем более, что прежний хозяин их и вовсе забыл хоть как-то оформить. Так что, «дизайнер» обставил их в стиле начала прошлого века и на том успокоился.

К счастью проектировщика, у купца Селивёрстова оба зала в башне тоже оставались пустыми. Скорее всего, руки у него не дошли до их украшения. Сначала помешала Первая мировая война, а потом, грянула буржуазная февральская революция.

Благоразумный Михаил Афанасьевич решил не ждать

дальнейшего развития бурных событий. Быстро собрал чемоданы. Прихватил те немногие ценности, что оказались поблизости, и немедленно отбыл на российский Дальний Восток. Сел там на большой пароход. Уехал из родимой страны и без следа затерялся на просторах бездушной Америки.

Прохор. Сын Никита

Яков Брюс очень часто обещал выписать Прохору вольную. Да всё никак не решался пойти на поступок, столь странный для времён Петровской России. То ли всё забывал о своём внезапном решении? То ли просто не хотел отпускать от себя чрезвычайно умелого мастера?

Хорошо, что дал холопу небольшую поблажку и разрешил жениться на той милой девушке, что приглянулась ему с первого взгляда. А ведь, по тогдашним порядкам, мог назначить ему такую невесту, которая, по его разумению, подходила бы значительно больше. Мол, от этой девки будет куда здоровее потомство, или принять в расчёт ещё какие резоны.

Так и стала сенная девушка Софья женою большого умельца. Ради такого особого случая, Яков Брюс почему-то расщедрился и дал молодоженам новую избу, построенную в небольшой деревеньке по имени Глинки.

Выделил им кое-какое приданное из одежды, посуды и простенькой мебели. Плюс ко всему, добавил скотину и птицу для обустройства хозяйства на месте. По мнению Прохора, сделал всё это хозяин не ради счастья помощника, а лишь для того, чтобы тот смог оставить потомство. То есть, родил ему новых рабов. Вдруг они в чём-то пойдут в мастеровитого предка? Глядишь, принесут хозяину ощутимую прибыль?

Вот так у Прохора и его юной супруги появилось жильё. Хоть оно и принадлежало Якову Брюсу, но было отдельным от других крепостных. Находилось в полном пользовании молодожёнов и позволяло им чувствовать себя немного уверенней.

К тому же, небольшое хозяйство холопов находилось неподалёку от огромного барского дома. Так что, «придворный» механик, как и прежде, ходил туда на работу. Правда, это случалось лишь в те немногие дни, когда он не был вместе с хозяином в златоглавой Москве, или где-то ещё.

К сожалению, сенной девушки Софьи её жизнь изменилась не в лучшую сторону. Вместо хлопот по огромному господскому дому, где она находилась в тепле и уюте, ей пришлось освоить совершенно другую профессию. Теперь она занималась тяжёлым крестьянским трудом.

Хорошо, что Маргарита фон Мантейфель, жена Якова Брюса, попросила супруга освободить их семью от, так называемой, барщины. Тот немного подумал, кое-что подсчитал, а потом согласился. Мол, ладно не очень большая потеря. Пожалуй, он может сделать такую поблажку механику.

В положенный срок у новобрачных родился милый сынок, которого назвали – Никитой. Следуя старым православным обычаям, родители крестили младенца в маленькой церкви, стоявшей в соседнем селе.

Неожиданно негаданно для всех окружающих, Яков Брюс

как-то узнал о скромном обряде. В его голову пришла несусветная блажь, и он решил присутствовать на этом событии, столь ничтожном для сановного барина. Ведь он был несметно богат. Имел много различных поместий и владел тысячами душ крепостных, которых никогда не считал за людей.

Почему ему захотелось придти, непонятно. То ли по своему лютеранству, он никогда не видел сельских православных крестин? То ли решил таким странным образом выказать благоволение к умелому мастеру?

Внезапным появлением в церкви Яков Брюс напугал всех людей, оказавшихся у алтаря в тот замечательный день. Крестьяне не привыкли к таким знакам внимания со стороны своего господина. Увидев его, все дружно охнули, немедленно упали ничком и не вставали до окончания службы.

Как бы то ни было, но барин не только пришёл на праздник механика Прохора, а ещё преподнёс его сыну удивительно ценный подарок. Вручил младенцу на вечную память натальный крестик из чистого золота.

Причём, в напутственном слове Брюс сообщил, что очень ценную вещь, он привёз из путешествий по странам далёкой Европы. Дескать, сей замечательный символ веры в Христа, освещён в святом городе Иерусалиме. В знаменитом на весь мир, храме Гроба Господня.

С огромным чувством признательности Прохор взял драгоценный подарок. Поклонился хозяину в пояс и поблагодарил его за любовь, да за ласку. Обещал служить ему верно и

преданно до самой последней минуты.

Вельможа вдруг снова расчувствовался и в очередной раз обещал в скором времени дать вольную Прохору и всем членам его, пока что малой, семьи. К великому огорчению «придворного» мастера, хозяин сдержал своё слово только отчасти.

Так уж случилось, что под воздействием мамочки, Никитя рос очень набожным мальчиком. По прошествии шести лет с небольшим, Яков Брюс вновь проявил интерес к своему юному крестнику. Вызвал его из Подмосковной деревни и записал в «Навигацкую школу», открытую в Сухарёвских казармах в 1701-м году.

Прошло определённое время, нужное для прохождения начального курса. К ужасу Прохора, его сын не смог себя ни в чём показать. Мало того, он попал в чёрный список студентов, которые в науках «оказались достаточно плохи».

То ли учителя случайно прознали, что он крепостной Якова Брюса, которых, по приказу царя Петра I, запрещали брать для учёбы? То ли действительно ему не давались науки с цифирью? Трудно было сказать.

Узнав о великой конфузии, хозяин тоже немного расстроился. Ему были очень нужны умелые руки в изучении различных наук. Он думал, что мальчик «удастся» в мастеровитого механика Прохора и хотел послать, его дальше учиться. Сначала в Славяно-греко-латинскую академию, а затем,

за границу, в Голландию или в германские земли, например, в Магдебург.

Такие кунштюки фортуны в Петровское время, хоть и редко, но всё же случались. Как говорит нам история, несколько знатных господ из его окружения произошли из обычных холопов. Однако, с Никитой всё случилось совсем по-другому. Он оказался совсем неспособным к точным наукам. Ему предстояло вернуться в деревню и стать там обычным крестьянином.

К счастью, в этот ужасный момент Прохор оказался поблизости и рассказал Якову Брюсу о большой религиозности мальчика. Барин ненадолго задумался и принял другое решение.

Немедленно дал крестнику вольную. Посадил в свой возок и самолично отвёз его в Сретенский монастырь, расположенный неподалеку от Сухарёвских казарм. Поговорил там с игуменом. Определил ребёнка в мужскую обитель и наказал, отмаливать грехи его тяжкие.

Будучи служкой при алтаре, Никита иногда выкраивал несколько свободных минут и, на короткое время, отпрашивался у своих строгих наставников. Некоторые из них делали скидку на его малолетство и позволяли быстро сбегать к отцу, в соседнюю «Навигацкую школу». Мол, пусть паренёк повидается с родичем. Всё ему будет полегче.

В Сухарёвских казармах мальчика знали весьма хорошо.

Как-никак, а бывший студент, хоть и весьма бестолковый в цифири. С огромным трудом освоил арифметику господина Магницкого, но дальше уже не продвинулся. Отчего был исключён по большой неспособности.

К тому же, его родной батя был доверенным помощником Якова Брюса, который являлся сановным вельможей и сподвижником самого царя Петра I. Мало того, этот вельможа жил в одном квартале отсюда.

Был основателем сего образовательного учреждения. Создал обсерваторию, для наблюденья за Луною и звёздами, а так же, держал здесь кабинет, где часто занимался различной наукой. В том числе и ужасной алхимией.

Так что, мальчик всегда ходил туда и сюда беспрепятственно. Зачем ссориться караульным солдатам с умелым «придворным» механиком, что служит самому «чернокнижнику»?

Ещё чего доброго, вдруг осерчает да и нашлаёт какую-то страшную хворь? Или, что хуже всего, скормит потустороннему чудищу. Вон что о нём говорят в златоглавой Москве.

Послушаешь, аж волосы на голове дыбом становятся. Да и сами видали, как возле башни летает чёрная «железная птица». Причём, с человеческой головой и руками. Не иначе, как Яков Брюс, превратил какого-то недруга в ужасное чудище.

Недавно пошли слухи о том, что к колдуну явился какой-то господин с Разгуляя. Он попросил сделать часы, по-

добные тем, что имелись у государя России. Но чтобы они показывали не минуты с секундами, а дорогу к богатству и славе.

Яков Брюс взял заказ на изготовленье особых часов. Долго возился с невероятно сложным устройством, а когда всё было готово, оказалось, что заказчик недавно представился. Колдун хотел получить долг с его кровных наследников, но те отказались платить огромные деньги и подняли большого учёного на смех.

Осерчал весьма «чернокнижник». Топнул правой ногой, махнул рукавом и сказал: – «Проклинаю я этот хронометр. Пусть он лишь плохое показывает». – с тех самых пор, стоит взглянуть на прекрасные цифири и стрелки, как к тебе устремятся горе с несчастьем.

А господин Яков Брюс вернулся в свой замечательный дом, что находится рядом с Сухарёвской казармой. Велел холопам выстругать большую гранитную доску. Нанести на неё какие-то волшебные знаки. Укрепить плиту между окон, а сверху поставить часы. Так она и стояла какое-то время.

Одни люди болтают, что на доске начертаны такие заклатья, что позволяют сберечь дом Якова Брюса от самых разных напастей. Другие твердят, что это особая секретная карта. Мол, если её разгадать, то она может сказать, где скрыты большие сокровища.

Многие хотели узнать, где лежат те несметные ценности? Приходили к дому Якова Брюса. Смотрели на доску с часами

и пытались понять, что здесь к чему? Кончалось всё тем, что люди попадали под страшные чары неведомых знаков.

Долго стояли столбом. Не двигались с места и, так продолжалось до тех самых пор, пока они не сходили с ума. Потом, они становились вдруг очень буйными. Кидались на простых горожан, оказавшихся рядом и пытались их задушить.

Узнав о таких неприятностях, московский генерал-губернатор был очень сильно напуган. Оно и понятно, глядишь, так и весь город постепенно рехнётся. Он приказал доску немедленно снять, а место, где она прежде висела, велел хорошо забелить, чтобы и следа не осталось.

Да только все говорят, что в какие-то особые дни след всё равно проступает. А те, кто долго смотрит туда, снова видят часы и таинственные волшебные знаки. Будто те проявляются прямо поверх штукатурки.

Однажды, мальчик сделал всё, что было положено ему в послушание, и смог ненадолго отпроситься у монаха-наставника. Когда он примчался в Сухарёвскую башню, настало время обеда. Никита прошёл сразу в людскую. Увидел там немногих холопов, что в данное время работали в школе, но отца среди них не нашёл.

Нужно сказать, что крепостные редко заходили сюда. Только чтобы поесть, да поспать в тихие ночные часы. Всё прочее время, они упорно трудились с утра и до позднего вечера: убирали большие учёбные классы, носили вёдра с во-

дой для питья учителям и студентам, пилили дрова и топили печи огромного здания.

Словоохотливый старый солдат, служивший здесь сторожем, был добрым знакомцем Никиты. Он и сообщил пареньку, что господин Яков Брюс, только что уселся в карету и отбыл в начальству, к самому Петру I. А его отца, Прохора зачем-то отправил в «Рапирную залу». Мол, он сам всё это слышал, когда стоял на посту.

Никита, сказал ветерану: – Большое спасибо. – кивнул на прощание и бросился к крутой узкой лестнице, ведущей в огромную башню. Слегка запыхавшись на высоких ступенях, он поднялся на пятый этаж, если считать и те три, что имеет само здание Сухарёвских казарм.

Мальчик остановился на узкой площадке, где был уже несколько раз. Подошёл к резной переборке, отделявшей обширную залу от каменной лестницы. Прильнул к толстому, не очень ровному, стеклу зеленоватого цвета, и заглянул внутрь помещения. К своему удивлению, он и здесь не увидел дорогого отца.

Подумав, что родитель зашёл по пути в лабораторию Якова Брюса, Никита решил подождать его возле дверей в просторную «Рапирную залу». Мол, сейчас отец возьмёт там что такое, что приказал господин, а потом направится прямо сюда.

А пока, суд да дело, можно полюбоваться чудесными рамами, вставленными в высокие окна. Резные тонкие импо-

сты походили на стебли прекрасных неизвестных растений и манили к себе с таинственной силой. К тому же, сложный рисунок паркета всегда привлекал подростка своим удивительно причудливым видом.

Мальчику уже очень давно хотелось войти в помещение и рассмотреть всё поближе. Вот только строгий отец всегда запрещал это делать. Много раз говорил, чтоб Никита ни под каким, даже самым важным, предлогом не входил в эту странную залу.

Несмотря на весьма хмурый, вечно озабоченный вид, отец сильно любил своего старшего сына. Иногда баловал его резными игрушками, которые делал своими руками в свободное время. А недавно, дал ему небольшой медальончик, на котором был чёткий орнамент, повторявший рисунки на окнах.

Выглядел блестящий кружочек так замечательно, что мальчик сразу же нацепил его на прочный шнурок. Накинул на тонкую шею и с тех пор постоянно носил его там. Рядом с тем золотым крестом, что подарил господин Яков Брюс на крещение. А когда случайно поранил свой палец, то приложил порез к этой безделке и кровь тотчас перестала идти.

Глеб. Необычные иглы

Глеб внимательно глянул на необычные иглы и поразился невероятно яркому блеску, исходящему от странных поковок. Они выглядели совершенно новыми, словно их только что полировали чьи-то усердные, очень умелые руки.

Да и все острия совсем не казались тупыми. Парень решил это проверить, и сделал так, как он обычно определял заточку ножа. Решил легко провести подушечкой пальца по лезвию. Ощущение малоприятное, зато достаточно точное. Сразу всё станет ясно.

Он взял большую иголку с ладони и, желая удостовериться в её остроте, поднёс к кончику пальца. Осторожно приотронулся к коже с папиллярным узором и ощутил, как острая боль пронзила всё его существо.

То ли, он слегка поспешил и коснулся руки гораздо сильнее, чем нужно? То ли, в самый последний момент, дрогнули пальцы? Как бы то ни было, но блестящее жало впилося в незащищённое тело, словно живое. Глеб едва удержался от ругани. Зашипел сквозь плотно сжатые зубы и заметил, что на месте прокола выступила крупная алая капелька.

Он тщательно отёр остриё о край какого-то казённого бланка, лежащего возле открытой шкатулки. Собрал иглы пальцами правой руки. Сжал в плотный пучок и положил

на белую тряпочку, в которую минуту назад была завёрнута гильза.

Они легли небольшим штабельком, словно брёвна на лесоповале. Почему-то верхние иглы не удержались на месте. Тут же скатились на стол и оказались все рядом, плотно соприкасаясь друг с другом. Только теперь парень заметил, что на их боковых гранях имеются какие-то мелкие чёрточки.

Парень вытянул правую, не пострадавшую руку. Дотронулся пальцем до игл и стал поворачивать их все по очереди. Потом, переложил несколько штук с места на место, и подравнивал их по краю, где находилось ушко.

Наконец, они все легли аккуратным рядком. Парень пригляделся внимательней. Он заметил, что на поверхности, сложившейся из боковых граней игл, проступает какой-то рисунок.

Он наклонился к столу. Немного сощурился и рассмотрел странный, уже виденный раньше, узор. Глеб перевёл взгляд на стоящую рядом с тряпочкой гильзу. На её стенках имелся очень похожий орнамент. Парню даже вдруг показалось, что по тонким штрихам пробегает слабая голубоватая искра.

Слегка удивившись, парень отстранёно подумал: – «Рисунок слишком уж мелкий. Зрение так напрягается, что и сияние даже мерещится». – он опустил дрожащие от усилия веки и потёр глаза правой рукой.

Сложил иглы в гильзу и поискал, чем можно заткнуть узкое горлышко? Нашёл на столе комочек серенькой ваты, ско-

рее всего, кем-то вынутый из старинных армейских бушлатов. Сунул ворсистый шарик на прежнее место. Опустил тонкую крышечку и легко на неё надавил. Язычок защёлки вошёл в крохотный паз. Раздался тихий щёлчок.

Глеб повертел гильзу перед собой. Задумчиво осмотрел с разных сторон и положил рядом с боевыми наградами: – «Раз её столько лет здесь хранили, то пусть и дальше лежит. Как память о предках и тех продолжительных войнах, где они смогли побывать».

Он осмотрел левую руку и увидел, что тонкий прокол до сих пор не закрылся, а алая жидкость тоненькой струйкой стекает по коже. Парень поставил игольницу на компьютерный стол и сунул в рот поцарапанный палец. Боль почти сразу утихла, но, судя по солоноватому вкусу во рту, кровь всё же текла. Причём, достаточно сильно.

– «Наверное, мелкий сосудик пробил». – расстроился Глеб: – «Нужно йодом залить. Быстрее ранка затянется». – поднявшись со стула, он двинулся в кухню. Хотел взять там аптечку и найти в ней флакончик с лекарством. В дверях он столкнулся с рассерженной мамой.

– Когда ты явился домой? – спросила Любовь Фёдоровна: – Я почему-то не слышала, как ты вернулся.

Рот у Глеба был занят раненым пальцем, и он промычал нечто совершенно невнятное. Однако мама хорошо поняла, что ответил ей сын. Мол, я никуда не ходил. Всё время сидел

в своей комнате.

– Две минуты назад, я заглянула к тебе. – строго сказала она: – Здесь тебя я не видела. Ни в моей комнате, ни в туалете тебя не было тоже. Больше в нашей хрущёвке спрятаться негде. Значит, ты куда-то ходил, но не хочешь мне об этом сказать? Почему? У тебя что-то случилось?

Пытаясь, прервать дотошный допрос, Глеб сказал, что ходил только на первый этаж лестничной клетки, к почтовому ящику. Взял в нём газету и сразу поднялся обратно. Наверное, в это самое время, она и искала его по квартире.

Услышав логичное объяснение, мама тотчас успокоилась. Немедленно вернулась в тесную кухню и вновь начала возиться возле плиты. Нужно было приготовить ужин на сегодняшний день, а заодно и завтрашний, на понедельник.

Удивлённый вопросом мамани, парень шагнул следом за ней. Вошёл в помещение размером в пять метров квадратных и привычно поднял глаза на настенные «ходики».

Они весели над маленьким столиком с давних времён и, несмотря на свою неказистость, шли всегда очень точно. Острые стрелки показывали, без двух минут три. Забыв про уколотый палец, Глеб посмотрел на свои ручные часы. На них было около двух.

– «Как же так?» – спросил себя парень.

Его мозг хорошо фиксировал продолжительность каждого действия. При желании, Глеб мог точно сказать, сколько

времени он затратил на выполнение той или иной операции. Самое многое, насколько он мог ошибиться, на две-три минуты, а тут целый час пролетел. Причём, совсем незаметно.

Он тщательно вспомнил всё, что делал до этого в комнате и начал считать цифры в уме: – «Сразу после обеда я пришёл в свою комнату и решил разобраться с вещами. Насколько я помню, было тринадцать ноль-ноль. Минут сорок я лазал по объёмному шкафу.

Минут десять перебирал награды в шкатулке. Пять или шесть, возился с найденным в ней тайничком, и столько же с гильзой и иглами. Итого, выходит около часа, о чём мне говорят ручные часы.

А «ходики», висящие в маленькой кухне, утверждают, что прошло почти два. Может быть, они убежали вперёд, или мама их установила неправильно? Давно говорил, что пора выкинуть эту старую рухлядь и купить что-нибудь покрасивей и поновей».

Вернувшись в свою «просторную» комнату, он взял наладонник, лежащий возле компьютера и включил небольшой аппарат. Вошёл в интернет, где посмотрел точное местное время. К его удивлению, «ходики» шли на удивление точно, а вот верный хронометр отстал ровно на час, чего раньше с ними никогда не бывало.

Парень решил, что забыл вчера подкрутить свой наручный «будильник». Теперь пружина почти распрямилась, вот они и начали слегка тормозить. Значит, скоро совсем оста-

новятся. Он глянул на секундную стрелку часов и отметил, что она совсем не замедлилась. Бежит по кругу так же уверенно, как и вчера, при полном заводе.

Глеб засёк время по быстро мелькающим цифрам мини-компьютера. Подождал ровно минуту и сверил его показания с небольшим циферблатом. На первый взгляд ему показалось, что наручные часы больше не врут.

На всякий случай, парень проверил пружину и убедился, что она в полном порядке, закручена так, как положено, для данного времени суток. Так что, вчера он не забыл её завести.

– «Но почему они отстали так сильно?» – вновь спросил себя Глеб: – «Куда делся целый астрономический час? Не мог же я просто заснуть, держа иглы в руках? Или всё-таки мог?» – подумал парень испуганно.

– «Например, когда я укололся, то впал в некое подобие ступора. Выпал из реальности и находился в таком состоянии какое-то время. С другой стороны, меня никогда не пугал вид льющейся крови, ни своей ни чужой. Её я в Чечне насмотрелся на сто лет вперёд. Выходит, здесь что-то другое».

На пару секунд он задумался, и тут мелькнула другая тревожная мысль: – «Я где-то читал, что есть такая болезнь – нарколепсия». – секунду спустя, в памяти услужливо всплыли детали давней журнальной статьи.

Насколько он помнил, в ней говорилось: – «Люди, что заболели этим удивительным недугом, вдруг засыпают на ка-

кое-то время, а потом, просыпаются и даже не помнят, о том, что они отключались».

– «Выходит,» – опечалился Глеб: – «нужно за собой последить повнимательней. Если это опять повториться, то придётся немедленно отправляться к врачу. Пусть выпишет мне нужных таблеток.

Не то болезнь разовьётся в полную силу, а это очень опасно. Особенно, когда бродишь по улицам, расположенным возле оживлённых дорог. Вот так войдёшь в состояние сомнамбулы. Шагнёшь на проезжую часть и попадёшь под грузовик, мчащийся на полном ходу. Хорошо, если сразу погибнешь, а то искалечит всего на многие годы вперёд...»

Пятая глава

Яков Брюс. Рапирная зала

Как-то раз, Прохор пришёл доложить господину о выполнении какой-то слесарной работы, которую тот ему поручил. Вошёл в кабинет и случайно услышал, как Яков Брюс что-то уныло бормочет. Механик невольно прислушался и выяснил, что барин повторяет какую-то цифру в рублях.

Из дальнейшего монолога хозяина, холоп неожиданно понял, что вельможа размышляет о покупке какого-то драгоценного дерева. Причём, сам себя убеждает, в необходимости такого поступка.

Сумма оказалась настолько огромной, что сначала, Прохор не смог в это даже поверить. Потом, когда помощник всё осознал, он решил, что нужно, во чтобы ни стало, остановить разоренье сановника. Не то влезет в несусветно большие долги.

Придут кредиторы и пустят с молотка всё имущество барина. Ну, а там неизвестно, чем всё обернётся для простых крепостных? Могут ведь и семьи разбить при продаже. Жену возьмёт один покупатель, мужа – другой, детей – третий помещик. Что прикажете тогда делать несчастным холопам?

Он вспомнил, что находится на особом положении «придворного» мастера. Может выразить своё мнение по поводу постройки какой-либо машины, и осторожно спросил: – Нельзя ли мой господин, сделать её чуть поменьше, чтобы не платить такие большие деньжищи?

– Я не дурнее тебя! – взбеленился грозный хозяин: – С чего ты решил, что мне охота бросать такие суммы на ветер? Или ты, как все горожане в Москве представляешь себе всякую дурь? Мол, я делаю золото из простого свинца? Так нет же, каждый талер своим горбом зарабатываю. Жизни своей за царя не жалею. Голову под пушечные ядра сую...

Много чего он после кричал, про свою тяжёлую долю, а потом вдруг подумал: – «Зачем это я перед каким-то слугой распинаюсь? Что ему до моих огромных проблем? Его дело помочь мне изладить устройство алхимиков». – барин слегка успокоился и объяснил помощнику то, что тот должен был знать.

То есть то, что во всех манускриптах описаны машины только такого большого размера. Ни больше и не меньше. Причём, все они имеют форму восьмиугольника и чем это вызвано, нигде ни слова не сказано.

Под все эти запросы отлично подходит просторная «Рапирная зала», размещенная на пятом ярусе Сухарёвских казарм. Так что, экспериментировать с этим не стоит. Не то и драгоценное дерево загубишь без толку и нужный тебе результат не получишь.

После того разговора, господин отослал в Европу письмо и заказал драгоценное заморское дерево в необходимых для работы количествах. Воистину оно стоило почти, как чистое золото. В самом удачном случае, оно могло бы пойти на вес серебра. Поэтому, каждое короткое бревнышко оказывалась на особом счету.

Зато, благодаря непомерно высокой цене, тик не пользовался большим спросом у европейских краснодеревщиков. Поэтому, его запасов в Голландии оказалось достаточно для постройки таинственной волшебной машины.

Полгода спустя, драгоценный товар успешно прибыл в Россию. Везли его на больших кораблях. Сначала морем до города Санкт-Петербурга. Оттуда плоскодонными баржами по рекам, озёрам и волокам, соединявшими одну водную систему с другой.

Доставив в первопрестольную, погрузили в простые телеги и доставили в Сухарёвскую башню. Подняли в просторную «Рапирную залу» и, наконец, хорошо рассмотрели. Немедленно выяснилось, что это на удивление плотная, прочная и весьма твёрдая древесина.

Она была чуть мягче хорошего морёного дуба. Зато оказалась значительно лучше его в готовых изделиях. Имела очень приятный для глаза золотисто-коричневый цвет, и обладала более красивой текстурой.

Вместе с товаром, голландский поставщик прислал боль-

шое письмо. В нём он сообщил, что тик почти не гниёт. Содержит много эфирного масла в волокнах, что значительно затруднит обработку и быстро затупит стальной инструмент.

Пришлось Брюсу вызвать своего управляющего из имения Глинки и дать ему строгий наказ: – Срочно искать «добрых резчиков», мастеров по обработке очень твёрдых пород.

К счастью хозяина, в те времена, с подобным народом в России проблем не имелось. Ведь именно из такой древесины делали не только мебель для сановных вельмож, но и построили все русские военно-морские суда. А флот в те давние годы был довольно большой.

Слуга быстро съездил в Санкт-Петербург, на знаменитые Петровские верфи. Договорился там, с кем было нужно. Нашёл и купил трёх крепостных мужиков, обладавших нужной сноровкой. Привёз их в Москву и показал господину.

Яков Брюс осмотрел дорожную покупку и остался доволен новыми слугами. Все трое оказались, как на подбор. Матёрые, почти в одних с ним годах. Мужики, хоть и старые с виду, но ещё достаточно крепкие.

Про себя барин решил: – «Пусть справятся с работой над машиной алхимиков, а там видно будет, что с ними делать? Продам кому-то другому, или отправлю в имение в Глинках, там для них дело найдётся. Пусть делают на продажу приличную мебель».

Мужикам же хозяин сказал: – Будете славно трудиться, может быть, выкуплю ваших жён и детей и привезу их сюда.

Дам всем жильё и работу. Будете жить не хуже других крепостных.

Снабдил работяг чертежами резных перегородок, оконных рам и дверей, коими предстояло украсить «Рапирную залу». Дал им рисунки плашек паркета, а так же потолочной и стеной облицовки, которые выполнил своими руками.

Обеспечил всем инструментом и приказал начинать. Сам же отбыл на какой-то европейский конгресс, где ему приходилось отстаивать интересы России. Прохора, оставил в Москве, следить за работой трёх резчиков.

«Придворный» механик регулярно писал господину и докладывал обо всём, что каким-либо боком касалось создания частей волшебной машины. С трогательной простотой он сообщил, что близко познакомился с мужиками и был очень рад, что хозяину достались такие отличные краснодеревщики.

Все, как один отличные люди. Богобоязненные, мастеровитые и, почти что, непьющие. Несмотря на довольно значительный возраст, всем считай что, под сорок, они ещё сильные, крепкие и не измождённые грязным, непосильным трудом.

Да и то сказать, всю свою жизнь якшаются лишь с дорогим и отлично просушенным дубом и грабом. Находятся всегда в помещении, в тепле и в уюте, где нет сквозняков. Не то, что каменщики и кузнецы, или те же обычные плотники, кото-

рые вечно болтаются на открытом ветру. Те бедолаги пашут под солнцем, дождём, а то и в сильный мороз.

Не говоря уже о простых лесорубах, возчиках и других заготовщиках. Среди них, поди до таких долгих лет очень мало кто доживает. Мрут людишки, как мухи по окончании лета и с началом зимы. Кто от простуды, а кто от сердечной горячки. Ну, да, как говорит Яков Брюс: – «Ничего, бабы новых детей нарожают».

Ещё он писал, что мужики рьяно взялись за работу. Делают всё очень спокойно, размеренно, рассчитывая каждое движенье резцом. Да и то сказать, материал весьма дорогой, ошибок он не прощает.

Допустишь хоть маленький скол или создашь в дереве трещину, хозяин взыщет с тебя по всей строгости. Выпорет за порчу «золотой» древесины и сошлёт на строительство дешёвеньких изб, или заставит заняться другими делами. Мало ли их у крестьян на селе?

Кроме того, барин им обещал, если всё сделают в точности по чертежам, и без каких-либо ошибок, то он выкупит семьи, оставшиеся у прежних господ. Привезёт их жён да детишек в свою вотчину, в Глинки. Даст неплохие дома, разную живность и прочее, что нужно для жизни. Вот и стараются мужики изо всех своих сил.

Сам Прохор совсем не сидел возле тех мастеров и не следил за тем, чтобы они не били баклуши. У него оказалось довольно своей специальной работы. Перед отъездом в Ев-

ропу, Яков Брюс вручил ему такой длинный перечень дел, что дай Бог управиться с ним до его возвращения грозного барина.

А постоянный догляд за тремя мастерами есть без него. Сбежать куда-то из башни они вовсе не могут. Двери, ведущие наружу из Сухарёвских казарм, постоянно на прочном замке. Внизу стоит охрана из старых солдат, списанных со службы по ветхости их большого здоровья.

Да и куда краснодеревщикам отсюда идти? Ведь барин привёз мужиков со страшных Санкт-Петербургских причалов. С верфей, открытых любой непогоде. Там они строили флот царя Пётра I. А когда попали в Москву то, как они между собой говорят: – «Перебрались, словно в царство небесное!»

Живут здесь в тепле и полной сытости. Нет той ужасающей сырости, что всегда стоит на болотистой речке Неве. Обретаются втроем в уютной клетушке, не то, что в Санкт-Петербурге. В небольшой большой тесноте, но зато не в обиде.

На прежнем то месте, таких мастеров, было пятьдесят человек, что ютились в огромном холодном сарае. А чтобы те куда-либо не смылись, одевали им на ночь кандалы из железа. Да и кормили значительно хуже.

Из частых писем помощника Яков Брюс узнавал, что Прохор заглядывает к резчикам по три раза в неделю. Проверяет, как быстро движется их большая работа? Интересуется, не надо ли им чего-то ещё? Если в чём возникнет нужда, то

доставляет всё, что нужно для ускорения важного дела.

Большое спасибо, что барин оставил ему малую толику денег, на покупку самых необходимых вещей. Ещё механик купил мужикам второй набор стальных инструментов. Затупившиеся пилы и ножи с резаками он постоянно забирает с собой. Затачивает в своей мастерской и через день приносит назад. К этому сроку их орудия уже снова нужно менять и отправлять на поправку.

Так и трудились четыре холопа, каждый на своём собственном месте. К приезду Якова Брюса краснодеревщики справились с облицовкой «Рапирной залы». Изготовили сложные оконные рамы и перегородки, отделявшие лестницу от всего помещения.

Всё резные конструкции установили и сами же всё остеклили. Оклеили деревянные панели тонким шпоном из прекрасного тика. Обшили ими стены и весь потолок. После чего, принялись за настилку и полировку паркета.

Купец Селивёрстов. Мастеровые люди

В тот знаменательный день, газета «Вестник Подгорска» вышла со скандальным аншлагом. Он размещался на лицевой полосе и выделялся огромными буквами. Заголовок гласил: – «Невероятное происшествие! Тайна нового здания! Куда пропали все люди?»

Чуть ниже трёх громких фраз, размещалась большая статья, написанная главным редактором. В ней давался подробный отчёт о странном событии, произошедшем в последнее время:

– «... Памятный всем особняк купца Селивёрстова вновь оказался в центре внимания нашей возмущённой общественности. В этот раз, в связи с тем, что в его огромном строении пропало сразу трое мужчин. Это были рабочие, завершавшие укладку паркета на одном из верхних ярусов башни.

Для тех, немногих читателей, что не видали воочию этого чуда архитектуры, газета считает необходимым сказать: – Сам дом имеет высокий цоколь, чуть ли не в рост человека и три очень больших жилых этажа. Потом идёт вальмовая крыша высотой в полторы маховых сажени. Из её середины выступает восьмиугольная башня. Она имеет четыре уровня.

На самом верху сей доминанты, на седьмом этаже, устроена шатровая крыша, под которой имеется открытая непогоде площадка. Оттуда можно хорошо рассмотреть практически весь наш Подгорск.

Чуть ниже, расположено помещение, где находится механизм огромных курантов с четырьмя циферблатами, смотрящими на север и юг, на восток и запад. Прямо под ними, на пятом прясле, находится пока что пустой, восьмиугольный же зал с огромными окнами, направленными на восемь сторон горизонта.

На четвёртом уровне башни, выступающем прямо из кровли, размещён точно такой же прогулочный зал. Все четыре яруса сооружения соединены одно сквозной лестницей.

Теперь вернёмся к событиям, что стряслись внутри этого необычного дома. Полиция провела тщательное расследование. Как показали десятки свидетелей, утром трое паркетчиков поднялись на пятый этаж. Взяли ящики со своим инструментом, что лежали в кладовке, и вошли в помещение, расположенное под механизмом курантов.

Несколько человек, находившихся прямо под ними, на четвёртом прясле высокой постройки, видели рабочих сквозь проём лестницы. Слышали стук молотков и тихие голоса мастеровых. По единодушному мнению всех очевидцев, паркетчики спокойно трудились до самого вечера. Ни ссоры, ни шума драки никто не слышал.

В конце дня, все люди с четвёртого этажа, закончили сме-

ну и разошлись по домам. Приказчик, наблюдавший за ходом работ, сидел возле лестницы на третьем жилом этаже. Он долго ждал трёх паркетчиков, но так никого не заметил.

Он позвал с собою десятника, пробежавшего мимо. Они прошли через совершенно пустой четвёртый этаж. Поднялись ещё выше и остановились на лестничной площадке пятого яруса.

Посмотрели сквозь ажурные стеклянные рамы, отделявшие их от помещения, и с удивленьем увидели, что в большой комнате нет ни единой души. Там не было, ни людей, ни ящиков с их инструментом, ни следов какой-либо борьбы, ни пятен, похожих на кровь.

Отважные следопыты продолжили подъём по узкой лестнице и оказались в том помещении, где расположен механизм огромных часов. Тщательно осмотрели все закоулки шестого этажа высокой постройки и вновь никого не нашли.

Тогда они поднялись на открытую смотровую площадку, расположенную на седьмом ярусе дома. Однако, и там было пусто. Ни людей, ни вещей, ни каких-либо подозрительных пятен.

Добровольные сыщики оперлись на перила. Посмотрели вниз, на крышу трёхэтажной части великолепного здания, но и там никого не увидели. С башни они спустились по второй, служебной очень маленькой лесенке, идущей в толще стены. Осмотрели ступени с площадками и убедились, что там тоже пусто.

Доблестные чины нашей полиции повторили весь путь приказчика и десятника. Однако и они ничего не смогли отыскать. Не найдя каких-либо следов, неудачливые «пинкертонеры», сообщили нам следующее:

– Скорее всего, трое мужчин успешно завершили укладку паркета в прогулочном зале. Взяли свой инструмент и спустились вслед за бригадой, работавшей уровнем ниже.

По какой-то, пока неизвестной полицейским, причине они не соизволили доложить приказчику об уходе с работы, а молчком вышли на улицу. Так получилось, что ни в доме, ни во дворе, ни во всём нашем городе никто их больше не видел. К себе домой никто из троих тоже пока не явился.

На вопрос корреспондента: – Почему приказчик не видел, как спустились паркетчики? – полицейский ответил: – Он тоже ведь простой человек. Мог, по какой-либо надобности, выйти из тесной каптёрки на пару минут. Именно в это короткое время, мимо двери прошли все трое рабочих.

Кроме того, приказчик мог войти с ними в сговор, и теперь, по этой причине скрывает место их нахождения. Полиция ведёт чрезвычайно активные поиски. Мы перероем весь город. Как только что-то станет известно, мы сообщим это нашей общественности...»

Охранник Корчмаря. Электрик и другие работники

К началу осени, всю внутреннюю отделку в доме закончили. Осталось лишь заменить часть светотехники в башне. Вернее сказать, в тех двух прогулочных залах, что находились на пятом и шестом этаже. Их, по целому ряду причин, поставили в самую последнюю очередь.

Архитектор вспомнил об этом перед самым приездом заказчика, и решил, что нужно срочно исправить такую досадную мелочь. Негоже, оставлять голые лампы в таком шикарном дворце. Пусть они и находятся в тех помещениях, в которые вельможные гости будут очень редко заглядывать.

Он позвонил в крупную зарубежную фирму и заказал ту светотехнику, которая ему показалась максимально приемлемой. Когда товар прибыл в особняк Корчмаря, «дизайнер» осмотрел каждую вещь и убедился, что всё в полном порядке. Приказал электрику повесить все люстры и подключить их к сети. Сам же занялся совершенно другими делами.

Коробки со светотехникой привезли на новеньком лифте на четвёртый этаж. Вынесли их из кабины и сложили на лестнице. Всего за полдня, монтёр играючи справился с такой несложной работой и, напевая какую-то песенку, отправился заморить червячка.

Во время вернувшись с обеда, он отметился у секьюрити, сидевшего возле служебного входа в особняк Корчмаря. Сообщил, что сейчас займётся «верхним» залом вычурной башни, и направился электроподъёмнику.

Поднялся в кабине на пятый этаж. Постоял на площадке перед лифтовым холлом и полюбовался на витражи, отделявшие лестницу от шикарного зала. Взял в руки коробку с новенькой люстрой. Широко открыл резную, остеклённую дверь и шагнул через невысокий порог.

После окончания рабочего дня, охранники выпустили рабочих из особняка. Сверились с перечнем всех сотрудников и поняли, что среди них нет одного человека, а если сказать точнее, электрика. Начальник поста нашёл в списке графу – номера телефонов. Позвонил монтажнику на сотовый, потом на домашний, но на вызовы никто не ответил.

Молодой человек вспомнил, что электрик сказал, мол, он будет работать в помещениях башни. То ли на четвёртом, то ли на пятом ярусе высокой надстройки? Камеры наблюдения там ещё не поставили. Поэтому, что там сейчас происходит, толком охрана не знала. Значит, придётся идти туда самому и узнать всё на месте.

Оставив напарника смотреть за мониторами следящей системы, Иван поднялся на лифте на четвёртый этаж. Вышел в холл из кабины и увидел, что на лестнице лежат пустые коробки от новеньких люстр.

Охранник нажал на выключатель, висевший на стене возле входа. Яркие лампы немедленно вспыхнули. Обширный прогулочный зал залило ослепительным светом. Иван посмотрел сквозь прозрачное стекло витражей, но войти в помещение не стал, и так было видно, что в нём нет никого.

– «Может быть, он сказал мне про пятый?» – попытался припомнить секьюрити. Попенял себе на неважную память на такие детали. Протяжно вздохнул по столь печальному поводу и добавил: – «Ладно. Придётся подняться ещё на этаж и сказать работяге-монтёру, чтобы он закруглялся и отправлялся домой. Ничего не случится с этими люстрами. Завтра с утра всё доделает».

Иван шагнул к лифту. Подумал, что электрик может спуститься по лестнице за пустыми коробками и, опасаясь с ним разминуться, вернулся назад на площадку. Выключил электричество на всём этаже и бодрой походкой двинулся в путь.

Преодолев два десятка высоких ступеней, охранник понял, что сильно сглупил. Во-первых, ярусы здесь очень большие, по шесть с лишним метров каждый. Это считай, три этажа в обычном жилье. Во-вторых, он припомнил, что стенки шахты и кабина у лифта совершенно прозрачные. Поэтому, он в любом случае увидел бы человека, идущего вниз.

К счастью, такая ошибка мало его огорчила. Работа у него, в общем и целом, сидячая. Весь день приходится пялиться в мониторы следящей системы. Так что, небольшая разминка

пойдёт ему только на пользу.

Иван размеренно шагал по ступеням и усиленно думал о том, куда мог запропасться электрик? Неужели он так увлёкся монотонной работой, что не заметил, как смена закончилась? Не найдя никаких объяснений такому поступку монтажника, секьюрити быстро поднялся на новый ярус.

Возле двери, ведущей в зал пятого уровня, лежали нераспечатанные коробки с новыми люстрами. Монтажник на лестнице не было, а лампы нигде не горели. В большом помещении оказалось довольно темно. Слабый свет угасавшего неба, падал из восьми больших окон и едва освещал красивый паркет, блестящий свежим мебельным лаком.

Охранник пощёлкал выключателем, висевшим справа от входа, но, ни один из светильников в зале, не вспыхнул. Несмотря, на вечерние сумерки, заливавшие зал, Иван отчётливо видел, что и здесь электрика нет.

На всякий случай, он снял длинный чёрный фонарик, висевший у пояса. Включил яркую лампочку и направил луч сквозь прозрачное стекло витражей. Пятно белого света прошло по паркету, но, как и следовало ожидать, не встретило ничего на пути.

Как и все остальные сотрудники, охранник в очередной раз удивился, для чего, нужны были такие большие расходы? Зачем, на такой верхотуре, установлены такие чудесные оконные рамы и витражи, отделявшие лестницу от огромного зала?

Почему нельзя было сделать также просто, как на четвёртом? На кой ляд здесь уложен такой дорогуший паркет из заморского дерева тик? Чем был плох простой русский дуб или бук, или тот же украинский граб? По любому, они оказались бы намного дешевле.

Кроме того, данный прогулочный зал находится так далеко от всех жилых помещений. Лестница слишком крутая и длинная. Даже на лифте сюда вряд ли кто лишний раз захочет поехать. Да и туалет на пятом уровне почему-то отсутствует. А если кого-то вдруг подопрёт, то придётся бежать в ту мансарду, что устроена под крышей главного здания.

Все вокруг говорят, мол, у самого купца Селивёрстова было именно так. А у него почему так сложилось? Где-то Иван слышал о том, что якобы Михаил Афанасьевич слизнул оформление этого зала с башни Сухаревских казарм, некогда стоявших в Москве.

Ну, с ней всё было совершенно понятно. По слухам, там находилась знаменитая «Рапирная зала», а в ней иногда заседал царь Пётр I со своими придворными. Вот для него и сделали всё с невероятным размахом. А здесь-то кто начнёт заседать? Бывший мент со своими подручными шавками?

Интересно, а куда царь бегал в сортир во время тех славных пирушек с друзьями? Наверное, на нижние ярусы. Хотя, по утверждению современных историков, в те годы с этим делом всё обстояло значительно проще, не то что, сейчас.

Прямо в углу обеденной комнаты размещали обычные по-

лотняные ширмы. За ними стояли «ночные» горшки для сановных гостей. Вот мужчины и женщины и ходили туда, когда кому сильно приспичит.

Все остальные вельможи, сидящие за богато накрытым столом, делали вид, что ничего не заметили. Они не обращали внимания на различные звуки и вонь, а продолжали себе пировать, как ни в чём не бывало.

Охранник понял, что нужно продолжить поиск электрика. Удручённо покачал головой и поднялся ещё на этаж. Открыл железную дверь. Шагнул через порог и вошёл в помещение, где размещались большие куранты.

Внимательно осмотрел все закутки помещения. Снова никого не нашёл и по лестнице выбрался на открытую смотровую площадку. Здесь он даже не стал выходить наружу из тамбура, охватившего лестницу огромным стеклянным стаканом.

На просторной площадке было так же пусто, как и во всех прочих местах. Лишь тёплые струи вечернего ветра слабо посвистывали в каких-то конструкциях. Скорее всего, в крохотных щёлочках широких кирпичных столбов, державших высокую шатровую кровлю. Иван чертыхнулся и полез ещё выше.

Поднялся на последнюю площадку винтовой стальной лестницы и увидел, что дверь, ведущая в «верхнюю» мансарду закрыта. Иван хотел вернуться назад, но потом передумал и решил всё дотошно проверить. Во-первых, нужно

быть абсолютно уверенным, что здесь нет электрика. Во-вторых, сюда он ещё никогда не заглядывал. Интересно, что там находится?

Парень достал из кармана форменной куртки универсальный ключ, который отпирал все замки огромного дома. Вошёл в совершенно пустую комнату и увидел, что она весьма необычна.

Главной изюминкой «верхней» мансарды был потолок. Он состоял из восьми треугольников, которые сходились шатром, и сильно смахивали на высокий индейский вигвам. Прямо по центру висела шикарная люстра, набранная из длинных хрустальных висюлек.

Охранник осмотрел скромную кухню и ванную, совмещенную с умывальником и туалетом. Слегка удивился тому, что размеры всех коммунальных удобств оказались чуть больше тех, что встречаются в обычных «хрущёвках» и отметил, что здесь так же пусто, как и везде.

Он вернулся в огромную комнату, словно созданную для того, чтобы служить мастерской живописцу. Не удержался от искушения и подошёл к одному из окон. Вид на город отсюда был потрясающий. Открылась такая широкая панорама, что просто дух захватило.

Иван полюбовался на окружающий город с высоты пятидесяти метров. Выглянул в каждое из восьми треугольных окон и осмотрел скаты крыши главного трёхэтажного здания.

Просторная кровля сияла цветом ярко начищенной меди, и ничто не оскорбляло её новизны. Ни тело, разбившееся от падения с большой высоты, ни чемоданчик с инструментом электрика. Не было видно и каких-либо подозрительных пятен.

Сунув руку в карман расстегнутой куртки, Иван достал миниатюрную рацию. Щёлкнул тумблером и вызвал напарника: – Артём. Я здесь никого не нашёл. Как дала у тебя? Пропаж не объявлялась пока?

Сквозь шум лёгких помех послышался голос второго охранника: – Нет. На мониторах его тоже не видно.

– Следи за всеми дверями. Я сейчас спущусь по второй, служебной лестнице башни и прочешу «нижнюю», большую мансарду. Потом пройду этаж за этажом, до подвала. Если тот олух внезапно объявится, ты мне тотчас сообщи.

– Договорились. До связи. – ответил напарник и немедленно исчез из эфира.

Молодые мужчины обошли весь дом сверху до самого низа, но тщательный поиск так ничего и не дал. Они звонили на сотовый, несколько раз. Съездили к монтеру домой, но нигде его не нашли. На следующий день, в пятницу, он не пришёл на работу. В течение всей новой недели тоже не появился ни разу.

Секьюрити, что дежурили в смену, когда случилась пропаж, доложили о происшествии начальнику службы охра-

ны. Он сообщил управляющему хозяйством Николай Александрыча.

Тот немного подумал. Решил, что скандал перед большим новосельем, которое должно было вот-вот состояться, Корчмарю совсем ни к чему. Напряжённо вздохнул и приказал не поднимать шум по этому поводу.

Сделал вид, что никогда не слышал про такого работника, но посоветовал всем не выносить сор из избы. Иначе, мол, тут же уволю. Приказал охранникам быстро убрать с лестницы коробки со светотехникой. Перенести их в самый «нижний» подвал и сложить в какой-нибудь пустой кладовой.

Дверь, ведущую в зал пятого яруса, запереть на надёжный замок, а ключ отдать ему лично в руки. Нового человека на свободное место он решил пока что не брать. Мол, работы в общем и целом закончены, и без него пока обойдёмся.

Благодаря тому, что электрик был из детдома, родных у него не имелось. Никто не стал его больше искать, и об этом деле все постарались забыть. Причём, сделать это, как можно скорее.

Мало ли в великой России пропадает обычных людей? Причём, пропадает неизвестно куда и совершенно бесследно. Только по сводкам полиции каждый день таких набирается свыше трёхсот человек.

Об этом давно гудит весь интернет, но власти не могут с этим хоть что-то поделать. Так всё и идёт своим чередом. Меж тем, как за один только год, исчезает более ста тысяч

сограждан! Население целого города. Такого, как, к примеру, Подгорск.

Нужно сказать, что в те суматошные дни, в особняке Корчмаря вертелось очень много народу. Все люди в доме появились недавно и все были наняты из разных контор. Почти никто, никого толком не знал. О пропаже монтера, знали лишь четверо из службы охраны, но они никому ничего не сказали.

Так продолжалось достаточно долгое время. К приезду хозяина особняка начальник домашних уборщиц проявил излишнее рвение и приказал девушкам вымыть все зеркала, люстры и стёкла.

Молодые девчонки сильно держались за довольно хорошую, для Подгорска, работу и тотчас взялись за дело. Вычистили всё, что только возможно в подвале и на трёх жилых этажах.

После чего, дошла очередь до помещений, расположенных во внушительной башне. Чтобы дело шло, как можно быстрее, они кинули жребий и разошлись по разным местам. Одна, взялась за окна четвёртого уровня, другая расположилась на пятом, третья на смотровой площадке и в «верхней» мансарде.

В конце дня, в небольшую подсобку вернулись лишь две из трёх юных девушек. Трудившаяся в мансарде, уборщица по имени – Таня сказала, что по дороге наверх, сначала они

высадили из лифта одну из подруг – Антонину.

Затем, кабина замерла на площадке, что расположена ярусом выше. Светлана пошла к двери зала, а она поехала дальше. Вымыла стеклянный стакан вокруг лестницы, стоящий на седьмом этаже, и поднялась в «верхнюю» жилую мансарду, находившуюся под кровлей башни.

Закончив работу, горничная закрыла дверь восьмиугольной комнаты и увидела, что лифт стоит на том месте, где она его оставляла. Таня решила, что подружка ещё не управилась с мойкой больших окон в прогулочном зале. Села в кабину и поехала вниз.

Добравшись до пятого яруса, Таня остановилась, чтобы поболтать со Светланой. Однако, ни в маленьком холле, ни на лестнице её не нашла. В самом помещении её тоже не было видно. Тогда, она решила, что товарка отправилась пешком по ступеням. Вернулась в кабину и поехала дальше.

Спускаясь вниз, увидела сквозь стёкла, что уборщица с четвёртого яруса стоит на площадке. Нажала на клавишу «СТОП». Антонина села в кабину, и они вдвоем отправились дальше. На лестнице, идущей рядом с лифтовой шахтой, они никого не заметили.

Оказавшись в подсобке, подружки узнали, что третья девушка не возвращалась из башни. Все вещи Светланы оказались на месте, но на телефонные звонки по мобильнику она не ответила. Уборщицы чуть-чуть подождали и доложили об этом начальнику. Тот сообщил наверх, по инстанции.

Встревоженный новой пропажей, управляющий кинулся к лифту и поднялся в башню, на пятый этаж. Универсальный ключ торчал из двери витражей, но в зале не было видно исчезнувшей девушки. Весь её инвентарь тоже бесследно пропал.

А это, между прочим, каталка довольно приличных размеров, напоминавшая большую тележку из супермаркета. Так что, спуститься с ней по ступеням не представлялось возможным.

Входить в прогулочный зал управляющий, почему-то не стал. Просто запер дверь на замок. Сел в лифт и задумчиво двинулся вниз. По пути сообщил охране о новой пропаже и тотчас уехал домой.

Как назло, всё это снова случилось в смену Ивана с Артёмом. Пришлось им опять подняться с рабочего места и полночи шарить по огромному зданию. Обходить его сверху донизу и обыскивать множество комнат одну за другой. Однако, и в этот раз поиск не дал ничего.

Светлана пропала так же бесследно, как прежде несчастный электрик. И снова никто не хватился пропавшего неизвестно куда человека. Родители Светы жили в далёкой деревне и связи с ней давно не поддерживали. Они думали, что если дочка захочет, то сама напишет домой.

Опрошенные охраной, Антонина с Татьяной единогласно решили, что девушка загуляла со своим очередным ухажё-

ром. Мол, она недавно хвалилась, что была в ночном клубе, где подцепила очень хорошего парня.

Кроме того, она много раз всем говорила, будто работа обычной уборщицей вовсе не для неё. Мол, покантуется тут какое-то время. Удачно выскочит замуж и уедет из, забытого Богом, Подгорска. Всё равно куда, лишь бы подальше отсюда.

Охрана вновь доложила начальству о пропаже работника и опять получила строгий приказ: – Держать язык за зубами. Нельзя портить имидж хозяина перед его новосельем.

На этом бы всё и закончилось, как говорится, тишком да ладком, но скоро случилось ещё одно происшествие. Спустя пару дней, в «проклятый» прогулочный зал поднялся господин архитектор, ведущий постоянный надзор за реконструкцией огромного дома.

Он неожиданно вспомнил про своё указание, данное недавно электрику: – Сменить светильники в башне на приличные люстры. – отложил все другие дела и решил посмотреть, как там ведётся работа?

Мужчина сообщил об этом своему заместителю. Сел в свой старенький автомобиль и поехал в особняк Корчмаря. Сказал на входе охранникам, куда и зачем он идёт. Вошёл в прозрачный лифт и поднялся наверх.

У него был свой универсальный ключ для всех замков особняка. Вот только после того, как он отпер дверь и шагнул в зал пятого уровня, никто его больше не видел.

Прохор. Крепостные резчики

Вернувшись в Москву, Яков Брюс не поехал в свой дом, чтобы отдохнуть после тяжёлой и длинной дороги. Несмотря на усталость и вечернее время, он, первым делом, наведаясь в башню Сухаревских казарм. Вошёл в свой кабинет и сел за дубовый двух тумбовый стол.

Придирчиво оглядел большую столешницу и убедился, что все здесь осталось в том идеальном порядке, как было до отъезда в Европу с петровским посольством. Бумаги сложены в красивые папки из коричневой кожи. Чернильница полна до самого верха. Гусиных перьев в достатке и все они идеально очинены.

Надёжный слуга, а вернее сказать, настоящий помощник в различных науках, крепостной по имени – Прохор, перехватил строгий взгляд господина. Слегка поклонился и тотчас доложил: – Всё Яков Вилимович в полном порядке.

Немного помялся и, сильно напрягшись, тихо добавил: – Окромя одного. Те три холопа, что ладили изрядный паркет в «Рапирной зале», внезапно исчезли! В тот день, я несколько раз заходил в эту комнату. Всё было там хорошо. Трудились краснодеревщики ловко и споро и обещали закончить всё после обеда.

Ближе к вечеру, я поднялся по лестнице на пятый этаж.

Подошёл к витражу и заглянул в помещенье сквозь стекла. Увидел, что работа вся сделана, а мужиков то и нет. Их, словно корова слизнула. Спуститься мимо меня незаметно они никак не могли. Солдаты внизу горят, что они не выходили на улицу. Куда делись, не ведаю?

– Сам ты туда заходил? – сурово спросил господин.

– Как можно Яков Вилимович. – начал поспешно оправдываться «придворный» механик: – Вы же всем запретили соваться туда. Сказали, чтобы там даже пыль тряпкой не трогали. После сего происшествия, я запер вход, ведущий из залы на лестницу, и велел никому туда не входить.

Яков Брюс устало подумал: – «Ну вот, опять по Москве поползут самые нелепые слухи. Только в этот раз они не пойдут мне на пользу, как раньше, а, скорее всего, весьма навредят. Пропажа трёх умелых холопов, это тебе не «летучий дракон», не «гомункулус» и даже не «железная птица», которая «летает по всему Подмоскovie».

Ведь такой странный случай могут использовать все недруги. Обвинят меня в убийстве людей с целью сильно потрафить нечистому. Поди, потом оправдайся перед священниками или судом.

Царь то им не очень поверит, но мало ли что, взбредёт ему в буйную голову? Вдруг решит меня отдалить от своей светлейшей особы? Лишит всех постов и регалий, а то и посадит в тюрьму. У него это запросто, особенно если попадёшь под горячую руку. Сегодня ты у него в фаворитах, а завтра, гля-

дишь, и в полной опале».

Тяжёлые мысли испортили хорошее настроенье хозяина, и он хмуро спросил: – Ещё кто-нибудь знает про это?

– Как можно мой господин? Сначала всех слуг и солдат, что в тот день видели трёх мужиков, я разогнал по разным делам по Москве. Потом, когда они вернулись назад, сказал им, что отправил паркетчиков в ваше имение, в Глинки. Так что, никто их очень долго не хватиться.

– Ключи сейчас при тебе?

– Так точно. – на военный манер ответил холоп и даже слегка подтянулся.

– Веди. – приказал Яков Брюс: – Глянем на чудо сиё.

Проخور вернулся к двери кабинета и поднял с пола фонарь, работавший, словно церковная лампада, на масле. Проخور зажёг его после того, как узнал, что карета хозяина подъехала к зданию.

Механик повернул маленький медный «барашек» и выкрутил фитиль так, чтобы огонь стал ярче гореть. Закрыв остеклённую дверцу на небольшую щеколду. Переступил через порог и пошёл по тёмным сейчас коридорам.

Хозяин шагал вслед за «придворным» механиком и размышлял на ходу: – «Интересно, что могло случиться в той зале и куда делись трое холопов? Неужто, машина алхимиков включилась сама по себе?

А я то всё думал, как же мне её запустить? Про то ни в одном старом свитке ничего не указано. Выходит, что заво-

дить её вовсе не нужно, это тебе не часы на пружине или с какой-нибудь гирькой. Как только уложен на место последний кусочек дерева тика, как только возник весь узор целиком, так она сразу начинает работать».

Они долго двигались по длинным тёмным проходам. Поднялись на третий этаж громадного здания и остановились возле дубовой двери, скрепленной толстыми железными полосами. Этот вход вёл в лестницу, ведущую на башню Сухарёвских казарм.

Винтовые ступени находились в толще массивной стены, в которой не имелось каких-либо окон. Даже в яркий солнечный день свет не попадал на пролёты, расположенные между высокими ярусами. Поэтому, там было очень темно.

Проход достал из-за пазухи ключ, со множеством сложных бородок, и отпер врезной, довольно массивный замок. Луч бледно-жёлтого света скользнул по ступеням, круто уходящим во тьму. Двигаясь по лестнице боком, слуга пошёл впереди. Он держал фонарь так, чтобы хозяину было видно куда наступать.

– «По какой-то неясной причине москвичи называют башню сию колдовской». – размышлял «придворный» механик: – «То ли из-за того, что Яков Брюс проводит в ней опыты по изучению науки алхимии? То ли из-за обсерватории, откуда он очень часто смотрит за звёздами? Как бы то ни было, но слава у неё весьма нехорошая.

А если кто-то узнает, что в здесь пропали трое холопов, то и подавно начнут говорить несуразное. Как бы бунт в Сухарёвской слободе не случился. Если соберётся большая толпа, то десяток старых солдат, что несут внизу караул, не удержат возбуждённых людей. Горожане ворвутся в «Навигацкую школу» и устроят полнейший разгром. А то и вовсе сожгут великолепное здание».

Шагая вслед за надёжным помощником, Яков Брюс стал подниматься на верхние ярусы башни. Каждое прясло здесь было очень большой высоты. Так что, идти пришлось достаточно долго. Наконец, они добрались до пятого уровня, где находилась восьмиугольная «Рапирная зала».

Остановились на ровной площадке, отделённой от помещения глухой стеной. Свернули направо и направились в широкий проём. В нём находился удивительно лёгкий и чрезвычайно красивый витраж. Он поднимался от пола до верха высокой полуциркульной арки и закрывал его целиком.

Переплёты восхищали людей невероятно сложным рисунком причудливо изогнутых импостов. Изготовленные из золотисто-коричневатого дерева, тонкие планки переплетались между собой и создавали чудесный узор.

При взгляде на это произведение искусства, глаза разбегались в разные стороны и не могли уловить какой-либо стройной системы. Весь витраж был заполнен простым прозрач-

ным стеклом зеленоватого цвета.

Краснодеревщики надёжно скрепили не очень широкие, резные панели. Их соединили так ловко, что швов между ними совсем не было видно. Все вместе они отсекали «Рапирную залу» от воздействия внешнего мира. Одновременно с этим, они поражали каждого зрителя своим совершенством и невероятным изяществом.

Внутрь вела узкая и низкая дверь. Её так ловко вплели в странный и непривычный орнамент, что найти вход могли лишь тот человек, который доподлинно знал, где она расположена.

Само помещение было отделано в том же умопомрачительном духе. Все восемь оконных проёмов закрывали огромные рамы. Их изготовили из того же прекрасного материала.

Все переплёты оказались весьма непривычны для русского глаза, а своим заполнением повторяли странный рисунок перегородки, стоящей на входе. Падающий сквозь большие проёмы, солнечный свет заливал всё вокруг.

Хозяин впервые видел «Рапирную залу» в её новом облике. Он был так потрясён, что от неожиданности, даже замер на месте. Особое восхищение Якова Брюса вызвал чудесный наборный паркет, выполненный из драгоценного тика.

Крепостные холопы и здесь сумели создать настоящее рукотворное чудо. Подобрали плашки по цвету таким удивительным образом, что странный орнамент хорошо выделял-

ся из общего фона.

Заморское дерево оказалось весьма дорогим. Стараясь чуть-чуть сэкономить, господин запретил обшивать потолок и все стены резными досками. Их покрыли панелями из обычного дуба. Сверху тонкие плиты, оклеили тиковым шпоном. На них виднелся тот же рисунок, что на полу и на всех витражах.

Яков Брюс внимательно осмотрел «Рапирную залу» и понял, что она совершенно пуста. Никаких следов трёх умелых холопов он, увы, не заметил. Словно мужики и не входили сюда никогда. Ящики с их инструментом так же отсутствовали.

– Повесить на дверь прочный замок и никому не входить в эту комнату. – приказал господин. Резко повернулся на месте и быстро направился вниз. Прохор поспешил за хозяином.

Глеб. Детские воспоминания

– «Подожди,» – оборвал Глеб себя: – «даже если я и уснул за столом, то выходит, что вместе со мной задремали и ручные часы? А потом, мы вместе проснулись и теперь только диву даёмся. Что же такое с нами случилось? А действительно, что это было?»

Внезапно парня осенила догадка: – «Наверное,» – словно вспышка мелькнуло в его голове: – «изменилось моё восприятие текущего времени. Причём не только моё, но и всех тех приборов, что меня окружали. Например, тех же механических наручных часов. Скорее всего, это связано с гильзой, найденной в старинной шкатулке!»

Секундой спустя, он вспомнил, что нечто подобное, с ним уже однажды случалось, а произошло это лет пятнадцать назад. В тот давний год он впервые приехал в деревню Елань.

Мама привезла малолетнего Глеба из душного города. Сама погостила неделю и вернулась обратно, к своей противной работе. Сына оставила у бабушки с дедушкой. Мол, пусть здесь ещё погостит.

Как всякий нормальный, пятилетний мальчишка он сразу же стал изучать новое место, где ему предстояло провести целое лето. В ходе своих изысканий, он добрался до верхней части комода, сделанного прадедом своими руками.

Паренёк встал на табурет, принесённый из кухни. Поша-рил глазами по ровной поверхности и увидел, что на ней сто-ят десятки каких-то безделиц: фарфоровые слоники разных размеров, фигурки пастушков и пастушек, а так же неболь-шие флакончики из-под разных духов. Причём, многие из них были совершенно пустыми.

Возле самой стены виднелась старинная резная шкатулка. Нисколько не думая, он взял её в руки. Положил на обеден-ный стол, стоявший посреди светлой горницы. Открыл плос-кую крышку и стал изучать то, что находилось внутри.

С памяти Глеба, словно сползла плотная ткань, закрывав-шая глубины сознания. На божий свет всплыла картинка с видом небольшого ларца. Тогда, всё случилось именно так, как и сегодня.

Сначала он перебрал пачки непонятных бумаг и докумен-тов различного вида. Потом с интересом разглядывал бое-вые награды, а в заключение поспешных раскопок, добрался до самого дна деревянной коробки.

Там он наткнулся на маленький свёрток из тонкой мате-рии. Мальчик развернул мягкую белую ткань и увидел иголь-ницу с припаянным к ней тоненьким ушком. Как внезапно припомнилось парню, он и в тот, в первый раз, был сильно расстроен.

– «Точно! Всё так и было!» – мелькнула чёткая мысль. К удивлению Глеба перед его глазами мелькнула картина тех давних времён. Оказалось, что и тогда его поразил тот яркий

блеск, что исходил от старой стреляной гильзы. В тот, в прошлый раз, он тоже вытряхнул иглы себе на ладонь и внимательно их рассмотрел.

Однако, в те далёкие годы, они показались мальчишке совершенно никчёмными. Он быстро сложил их обратно. Заткнул узкое горлышко гильзы пробкой из ваты и бросил футлярчик на стол.

В эту секунду в комнату вошла старая бабушка: – Ты куда-нибудь уходил из избы? – строго спросила она.

Глеб отрицательно помотал головой. Евдокия Семёнова чуть помолчала и сказала почти те же слова, что и мама недавно: – Я только, что сюда заглянула. Тебя тогда не было здесь.

Внук весьма подивился слепоте ветхой старушки и недоумённо покачал головой. Мол, всё было так, как я сейчас говорю. Она подошла к столу. Сурово взглянула на ордена и медали, разбросанные по широкой столешнице, и принялась складывать их на прежнее место.

Глеб обратил внимание на то, что бабушка не дотронулась до гильзы голой рукой. Она взяла кусочек шёлковой ткани, лежавший на скатерти, и накрыла им небольшую игольницу. Ловко свернула в плотный кулёчек и спрятала на самое дно деревянной коробки. Туда же последовало и всё остальное.

Закончив с укладкой вещей, бабушка аккуратно закрыла шкатулку. Посмотрела строго на мальчика и чётко сказала: – Всё, что здесь лежит, это память о твоём родном дедушке,

прадеде и прапрадеде. В том числе и старая гильза с иглками. Их отковал твой дальний предок по имени Прохор. В своё время, он жил в центре Москвы. Там он работал помощником у самого Якова Брюса.

В то время в «несокрушимом Советском Союзе» уже широко распространилась иностранная электронная техника. В том числе, появилась и такая диковинка, как кассетный видеоманитофон. Поэтому, многие голливудские фильмы стали доступны для просмотра простому народу.

Благодаря стечению всех обстоятельств, Глеб уже знал некоторых американских актёров. Поэтому, он весьма удивился, услышав от бабушки, отлично знакомое сочетание звуков. По своему малолетству он путал иностранные имена и фамилии, ещё мало привычные для русского уха. Вот и тогда, он тогда почему-то подумал: – «Наверное, это брат Брюса Ли, каратиста из фильма «Выход Дракона»?»

– А когда твоего прапрадеда провожали на Первую мировую войну, – продолжила бабушка: – тогда говорили – Германскую, то его отец дал ему эти иглы в дорогу. Долгие годы они были с ним всегда и везде и много раз ему помогали во всём.

Но если тебе, будет нужно что-то зашить, то ты их всё равно не бери. Ещё чего доброго, уронишь на пол и потеряешь в какой-то щели. Возьми иголки из вот этой коробки.

Бабушка показала, где в шкафу лежат швейные принадлежности, и спокойно закончила: – А лучше всего, скажи

сразу мне, я сама это сделаю. Понял? – Евдокия Семёновна внимательно посмотрела внуку в глаза.

Глеб не стал спорить с ветхой старушкой, а просто кивнул. Иглы, пусть даже очень старинные, ему были совсем не нужны. А брать в руки боевые награды трёх поколений их скромной семьи, он почему-то стеснялся. Посмотрел раз и хватит. Пусть лежат в шкатулке у бабушки. Целей будут там.

Шестая глава

Яков Брюс. Создание оберега

Яков Брюс покинул небольшую площадку, расположенную перед «Рапирною залой». Быстро спустился по тёмной лестнице и, не заглянув в кабинет, вышел из огромного здания.

Оказавшись на широком крыльце, он спустился по широким ступеням. Немного подумал, и почему-то не стал садиться в коляску, в которой недавно приехал в Москву.

Вместо этого, он пешком отправился в свой замечательный дом. Благо что, тот стоял недалеко от огромных Сухарёвских казарм. Дорогой экипаж медленно ехал вслед за вельможным хозяином.

Минут через десять, господин вошёл в особняк, что купил не очень давно. Встретился и обнялся с любимой женой и детьми, которые очень обрадовались приезду отца. Приказал слугам внести внутрь вещи, висевшие на запятках кареты, и дождался, когда втащат в комнату большой походный сундук.

Вынул из кармана камзола ключ с очень хитрой бородкой. Достал те подарки, что привёз из Европы и одарил ими сво-

их домочадцев. Покончив с делами, плотно поужинал. Рассказал за столом пару свеженьких баек, привезённых с чужбины и лёг почивать.

Проснувшись среди поздней ночи, учёный неожиданно понял, что в одном из старинных шёлковых свитков он уже что-то читал о чём-то подобном. Вернее сказать, о некоем непростом артефакте. Мол, данный предмет позволяет безопасно входить в ту машину, что переносит людей в совершенно другие миры.

Яков Брюс сказал себе, что утром нужно будет найти тот манускрипт. Повернулся на левый бок и попытался уснуть. Однако, он уже не смог сомкнуть глаз до самого прихода рассвета.

Ворочался в удобной постели, словно челнок в новейшей ткацкой машине и старался припомнить: – Где же я видел такой оберег? Скорее всего, в тех старых книгах, что хранятся в поместье.

Едва дождавшись утра, Яков Брюс вскочил на ноги и велел приготовить карету. Он, конечно, мог домчаться верхом отсюда и до Подмосковной усадьбы. Не такой он ещё и старик, чтобы не удалось проскакать сорок вёрст в привычном кавалерийском седле.

Однако, он не хотел лишний раз беспокоить людей такой несолидной поспешностью. Ещё чего доброго, начнут москвичи спрашивать один у другого: – «Не случилось ли с «чер-

нокнижником» что-то важное?» – и начнут такое болтать, что нарочно не сразу придумаешь.

По огромному городу бродило множество слухов. Злобные сплетни твердили о его колдовстве и уже не позволяли Якову Брюсу вести себя так, как захочется. Да и высокий чин военачальника теперь сильно обязывал. Нужно не скакать, как мальчишка верхом на коне, а быть солидным и важным. Как-никак генерал-майор артиллерии.

Поэтому, он терпеливо сидел за рабочим столом и, изнывая от нетерпения. Ждал, когда слуги доложат о готовности выезда? Наконец, лакей сообщил, что экипаж уже подан к крыльцу. Хозяин чинно вышел из дома. Сел в большую карету и приказал кучеру: – Гони в Подмосковьё, в имение Глинки. – именно там хранилась большая часть его личных книг.

Прибыв в усадьбу, Яков Брюс сразу направился в свой кабинет. Сбросил пышный парик и камзол, расшитый самоцветами и галунами. Засучил рукава рубашки с кружевными манжетами. Подошёл к огромным шкафам и стал рыться в многочисленных книгах.

Так начался поиск драгоценных крупиц великого знания, что скрывалось в рукописях древних алхимиков. По правде сказать, сейчас ему было чуточку легче, чем раньше. Теперь-то он точно знал, что нужно искать. Поэтому, он нашёл это достаточно быстро.

К сожаленью вельможи, ему попало сразу несколько ви-

дов решения сложной задачи. Все исследователи в один голос твердили: – «Есть замечательный сплав из многих веществ, который может легко защитить человека от влияния соседних миров».

Вот только каждый из авторов приводил свой набор компонентов. Общим во всех старых текстах являлось лишь то, что данный металл должен быть неотличимым по цвету от чистого золота.

Яков Брюс много занимался алхимией и металлургией и доподлинно знал, что это значит. Таких смесей было известно науке около сотни. Однако, отступать ему было некуда. Слишком много учёный вложил в создание волшебной машины. Он печально вздохнул и взялся за очень долгое и весьма трудоёмкое дело.

Полгода спустя, Яков Брюс всё же сумел подобрать все те вещества, что были нужны для создания нужной химической смеси. Потом, упорный исследователь долго бился над её получением. Перепробовал тьму вариантов, прежде чем смог добыть то, что хотел.

Как шотландец и думал, получился прочный металл. Своим мерцающим, не тускнеющим блеском он походил на чистое золото, но отличался от него повышенной твёрдостью и стойкостью к самым агрессивным кислотам.

Яков Брюс отлил несколько мелких монеток и отдал помощнику. Из того же сплава Прохор изготовил цепочку. Её

он прикрепил к одному из круглых брелоков. Затем, взял оберег. Одел его на шею первой попавшейся кошке, которых в «Навигацкой школе» было немало. Открыл дверь и запустил животинку в обширную «Рапирную залу».

На какое-то время зверёк замер, словно статуя, а потом, нерешительно двинулся внутрь. Хозяин и Прохор стояли рядом с порогом и, затаив дыхание, смотрели на худую пегую кошку. Медленно переступая мягкими лапами, она шагнула вперёд, и ничего страшного с ней не случилось.

Господин собрался что-то сказать. Открыл было рот, но в эту секунду, длинный хвост кошки пересёк линию перегородки и зверёк оказался в зале весь, целиком. В тот же миг животинка бесследно исчезла.

Яков Брюс вновь полез в старые пыльные свитки и прошерстил их опять от корки до корки. Из прочитанных текстов он понял, что главным в обереге является не только сам необычный металл.

Нужны ещё и какие-то символы, нанесённые сверху. Вот только, что это за особые знаки нигде сказано не было. Наверное, это являлось самой страшной тайной древних алхимиков. В те времена, подобные вещи передавались из уст в уста. От учителя к ученику.

Не зная, зачем он это делает, Яков Брюс поделился сомнением с «придворным» механиком. Читать на еврейском и греческом помощник, к сожалению барина, ещё не умел.

Чем он мог помочь большому учёному, совсем не понятно.

Однако, рассматривая рисунки в тех старых свитках, Прохор вдруг заявил: – Может быть, стоит нанести на металл наш орнамент? Тот, что украшает паркет, рамы окон и двери?

– Немедленно этим займись. – приказал ему господин: – Как только сделаешь, повторим наш опыт с животным.

К сожалению холопа и барина, новая кошка тоже пропала бесследно. Вошла в залу и тотчас исчезла, подобно первой товарке. Не помогли ни монетка из чудесного сплава, ни нанесённый на неё очень сложный узор.

Хозяин был глубоко убеждён, что человек является венцом творения Божия. Поэтому предположил, что, скорее всего, защита орнамента не действует на примитивных животных, а защищает только разумных людей.

Исходя из подобной посылки, вельможа решил, что нужно дать Прохору монетку из сплава, и послать его в залу. Наверняка, с ним ничего не случится. Ну, а если и он пропадёт, будем думать, что делать дальше? Дело шло уже ближе к ночи. Так что, эксперимент пришлось отложить до утра.

Ночью Якову Брюсу приснился удивительный сон. В очень чётком видении он с изумлением понял, что видит, как должен выглядеть сей оберег? Проснувшись, учёный поднялся с кровати, и сразу кинулся к свиткам, разбросанным по большому столу.

Просмотрел их все по порядку и на одной из страниц

отыскал, рисунок того амулета, что ему недавно приснился. Это был небольшой тонкий цилиндрик, внутри которого размещались семь толстых игл с квадратным поперечным сечением.

Увидев его господин очень сильно опешил. Он изучал манускрипты так часто, что теперь не мог себе объяснить, как он пропустил этот сложный рисунок? Это оказалось выше его разума.

Механик получил от хозяина древнюю рукопись, написанную известным арабским алхимиком. Внимательно рассмотрел едва различимый рисунок и достаточно быстро изготовил новую модель оберега.

В этот раз Яков Брюс отказался испытывать амулет на каких-либо животных. Теперь он решил послать в «Рапирную залу» не кошек, а своего крепостного. Своё решение барин объяснил очень просто: – Если и раньше в тех свитках всё было истинной правдой, то и этот предмет должен работать, как нужно.

Глядя на выражение лица господина, Прохор хорошо понимал, что хозяин не очень-то хочет рисковать своим надёжным помощником. Всё-таки он верный слуга, прекрасный кузнец, отличный механик и даже неплохой ювелир.

Однако, посвящать в это тайное дело кого-то ещё, вельможе тоже нельзя. Ему не нужны другие свидетели. Завистников у него очень много и кто его знает, как они смогут всё

повернуть при докладе царю? Как говорят москвичи, Пётр I человек очень вспыльчивый. Под горячую руку может и голову кому угодно срубить.

С восьмиугольной «Рапирною залой» и так уже связано много чего неприятного. В первую очередь, в неё вбуханы огромные деньги, потраченные на драгоценное заморское дерево.

Затем, пропало три хороших паркетчика, приобретённых хозяином за приличную сумму. Да к тому же, в обход указов царя. Ведь их увезли из Санкт-Петербурга, с верфей, где строят корабли для военного флота.

Хорошо, что всех мужиков Яков Брюс купил у разных господ, да к тому же одних, без жён и детей. Поэтому, их пока никто не хватился. По прошествии какого-то времени, холопов можно будет списать, как внезапно умерших. Этим дело и кончится.

Ну, а «придворный» механик по имени Прохор всё уже знает об этом необычно устройстве. Так что, ему и придётся испытать действие амулета на собственной шкуре.

Несмотря на сильную боязнь перед волшебной машины, не выполнить приказа хозяина, помощник не мог. Нельзя сердить вельможного барина. Коли он вдруг разозлится, то просто прикажет вырвать крепостному язык и сослать в такую несусветную глушь, куда и Макар телят не гонял.

Мол, пусть сидит там, где не сможет ничего никому рассказать. Например, в горных районах Урала, на заводах Ни-

киты Демидова. Долго там, говорят, никто не живёт. Так что, придётся идти, и надеяться только на то, что всё, как-нибудь обойдётся.

Слуга безропотно сунул иголки в футлярчик и тщательно запер миниатюрную крышечку. Аккуратно вложил амулет в скромную ладанку, висевшую на шее рядом с крестом, и вопросительно посмотрел на хозяина. Яков Брюс благосклонно кивнул и привычным путем направился к башне. Прохор понуро двинулся следом.

Они быстро дошли до подножья крутой, тёмной лестницы. Забрались на пятый ярус высокого здания и, тяжело отдуваясь, остановились на горизонтальной площадке.

Яков Брюс встал возле резной перегородки и глянул вперёд, в «Рапирную залу». Отсюда он видел всё помещение и по привычке отметил, что в нём по-прежнему пусто. Нет внутри ни трёх крепостных, ни их инструмента, ни пёстрой кошки.

– «Куда они все подевались? Вопрос из вопросов». – хмуро подумал хозяин и спросил сам у себя: – «А не исчезнет ли Прохор следом за ними? Что тогда прикажете делать? Ладно, велю своему камердинеру взять топор и разрушить витраж, отделяющий лестницу от проклятого зала. Посмотрим, что из этого выйдет?»

Конечно, очень жаль старика, но придётся им всё рискнуть. Может быть, машина тогда остановится и перестанет

глотать всех подряд?»»

Купец Селивёрстов. Слухи в Подгорске

После появления в местной газете огромной статьи по поводу исчезновения трёх отличных паркетчиков, по городу вновь поползли весьма разноречивые слухи. Причём, все они оказались один невероятней другого.

Кто-то твердил, что пропавшие краснодеревщики оказались в самом опасном месте огромного здания. В той самой комнате, что очень точно повторяет приснопамятную «Рапирную залу», расположенную в существующей башне Сухаревских казарм.

А если точнее сказать, то в том углу помещения, где Яков Брюс, обещал приносить людей в жертву нечистому. К своему несчастью, чернокнижник не смог целиком выполнить данную клятву. Но лишь потому, что он скоропостижно представился.

С тех давних пор, прошло две сотни лет и наступило наше совершенно безбожное время. Нечистый заметил точную копию страшной московской постройке и преисполненный любопытства пришёл посмотреть, что такое твориться в заштатном Подгорске?

Именно здесь, в месте, некогда оговоренном им с колдуном, дьявол увидел трёх несчастных рабочих. Вспомнил об

том обещании, что когда-то давно дал ему Яков Брюс и, не долго раздумывая, забрал их вместе со всем инструментом.

Другие горожане болтали, что, кроме всех других неприятностей, полиция тоже что-то скрывает. Мол, во время поиска трёх пропавших паркетчиков, исчез ещё один человек. Это был преисполненный служебного рвения, некий молодой следователь по особо важным делам.

Он шёл по винтовой лестнице вместе со всеми. И вдруг, ни с того, ни с сего, задержался на площадке пятого яруса. Он к чему-то прислушался. Резко открыл стеклянную дверь, ведущую в зловещую восьмиугольную комнату, и ничего никому не сказав, вошёл в помещение.

Его суровый начальник услышал лёгкий скрип петель, донёсшийся сзади. Тотчас обернулся, но заметил лишь створку резных витражей, которая плавно закрылась. Ни на самой лестнице, ни в зале он никого уже не увидел.

Таким образом, молодой полицейский пропал столь же загадочно, как и три злополучных паркетчика. После данного случая, никто, конечно, в тот прогулочный зал больше никогда не входил. Кому интересно попасть в пылающие адские бездны за здорово живёшь? Да ещё, вот так сразу, до завершения жизни.

Третья группа распространителей слухов горячо утверждала, что и это не всё. Мол, кроме молодого полицейского чина и тройки несчастных паркетчиков имеется ещё одна безвинная жертва.

Мол, пропала и молодая служанка, которую приняли в дом Селивёрстова на позапрошлой неделе. Из простой девицей прихоти она побилась с подружками о какой-то мелкий заклад. Сказала, что войдёт в эту страшную комнату, и сдержала данное слово. Вот, только после этого, её уже никто никогда больше не видел. Ни живую, ни мёртвой.

Так ли всё было на деле или же нет, никто теперь толком не знает. Вследствие распространения слухов, волнующих общественность города или из каких-то других побуждений, господин Селивёрстов вызвал к себе управляющего. Распорядился купить амбарный замок огромных размеров и повесить на дверь, ведущую в тот зачарованный зал.

После чего, Михаил Афанасьевич взял у мажордома ключи и спрятал в свой прочный несгораемый сейф. Запретил своим слугам подниматься на пятый этаж по главной лестнице. А для обслуживания курантов и кровли мастеровые стали пользоваться узким служебным проходом, расположенном в толще кирпичной стены.

Охранник Корчмаря. Немного истории

Молодой охранник Артём любил бывать в шатровой мансарде, расположенной на восьмом этаже. Дело было в том, что она находилась под самой крышей высокого здания. Оттуда во всех мелких деталях отлично просматривались не только все районы Подгорска, но и густые леса, окружавшие город на многие километры вокруг.

Говорят, что сто лет назад такой же изумительный вид открывался и с колокольни огромного городского собора. К сожалению всех горожан, она почему-то не понравилась новым правителям. Большевики объявили войну всем религиям и в тридцатых годах зачем-то взорвали великолепную звонницу.

Так что, шикарная смотровая площадка, находящаяся в особняке Селивёрстова, теперь оказалась самой высокой в округе. Прямо на севере начинался высокий горный массив, где чрезвычайно богатый купец первой гильдии когда-то рубил хвойный лес.

Он проложил туда однопутную узкоколейку. Построил в глуши лесопилку и стал во всю торговать деловой древесиной. Дела шли хорошо вплоть до августа 1914 года. Потом началась Первая мировая война, которая помешала ему развернуться, на полную ширь.

Так и остались те места глухим медвежьим углом. Кроме одной вогульской деревни там никогда ничего больше и не было. А сейчас, говорят, там и подавно никто не живёт. Все местные жители давно разъехались в разные стороны, и стоит теперь Елховка пустая, словно город Припять возле Чернобыльской атомной станции.

Про те дремучие пущи бабушка рассказывала Артёму много невероятно жутких историй. Старушка, как-то обмолвилась, что, и особняк купца Селивёрстова стоит на проклятом месте.

Она говорила, мол, глубоко под землёй обитало что-то невероятно ужасное. Будто бы в стародавние годы, какие-то местные жители приносили здесь кровавые жертвы какому-то невероятно древнему духу. Причём, убивали не только ритуальных животных, но и ни в чём неповинных людей.

Гораздо позднее сюда пришло племя древних вогулов. Каким-то таинственным образом жрецы смогли выманить отсюда страшную тёмную силу и увести её в горы. Мол, есть там такая долина, что надёжно укрыта от глаза людского.

Причём, она скрыта не только, высокими скалами, но и древним, очень страшным заклятием. Уже тысячу лет посты вогульской охраны находятся возле выхода из этой мрачной тюрьмы и стерегут его пуще глаза. Не дают ужасному духу выйти наружу.

А за этим прочным запором находится нечто смертельно опасное. То ли злой древний бог? То ли дух, ненавидящий

всё живое вокруг? То ли абсолютное первородное зло, как его теперь понимают современные люди?

Время от времени, оно выходит наружу. Тогда всем в округе становится плохо. Гибнет очень много людей по самым разным причинам. Кого-то, якобы, медведь задерёт. Кто-то упадёт со скалы. Кто-то внезапно утонет в реке. Так продолжается до тех самых пор, пока не найдётся смельчак, который сможет вернуть нежить на прежнее место.

Спустя пять веков, сюда добрались отряды русских казаков, а следом за ними, прибыла и православная церковь. Естественно, она стала бороться с языческим культом диких таёжников. Да так здорово, что очень скоро все обитатели окрестных лесов приняли христианскую веру.

По крайней мере, все дружно сделали вид, что во всём почитают единого Бога. Стали носить на шее кресты и приняли русские имена и фамилии. Ну, а как там у них на душе в самом деле, кто же их теперь разберёт?

Однако, церковь всё знала про абсолютное первородное зло. Поэтому, очень внимательно отнеслась к древним вогульским легендам и подключилась к охране тюрьмы тёмного и древнего духа.

Монахи вытесали из прочного камня большие кресты, высотой в человеческий рост, и воздвигли охранные символы вокруг той тесной горной долины. Построили святой храм в деревне Елховке и прислали священника для проведения служб.

Причём, не абы какого, а такого, что мог творить чудеса. Но не те странные трюки, которые похожи на обычные фокусы и только застят глаза простым обывателям.

То истинные волшебства, с чьей помощью только и можно отвести те тёмные силы от бедных людей. К нему, говорят, народ ездил со всей Трёхгорской губернии. Кто, за советом, а кто и за действенной помощью.

Вот только по очень устойчивым слухам, последний чудесный священник помер лет двадцать назад, а то может и больше. Жители деревни с огромным почётом похоронили почившего. Заколотили досками церковь, бросили дома и сараи и разъехались в разные стороны.

Так что, православный храм в деревне Елховке стоит теперь совершенно пустой. С тех самых пор, и творится в России, не пойми даже что. Простой бывший мент стал олигархом местного уровня.

Компанию ему почему-то составили первый секретарь райкома партии КПСС и начальник райисполкома. То есть, те самые люди, которые должны были хранить достоянье республики и делать всё для блага народа.

Внезапно разбогатевший, Корчмарь купил дом купца Селивёрстова. Выселил из него «Дом пионеров» и вложил в ремонт огромные деньги, добытые нечестным путём. Таким странным образом, он хочет создать себе образ главного добродетеля и мецената Подгорска.

Да только с особняком всё время возникают какие-то

странные сложности. Так было у дореволюционного купца-богатея, так происходит и у постперестроечного дерьмократа. Недаром, говорят, что сто лет назад, во время рытья котлована, здесь обнаружили огромные кучи людских черепов и костей.

Раньше возле данного места стоял огромный православный собор. Он освещал стародавнее капище и охранял народ от злых древних сил. Ну, а как взорвали тот храм в тридцатых годах, так тёмные сущности немедля воспряли.

Старые люди часто рассказывали, что при строительстве дома купца Селивёрстова тоже пропали пять или шесть человек. То ли купец их принёс в жертву древним богам, чтобы поправить финансы? То ли хозяин древней кумирни сам их к себе утащил? Только сгинули люди без всяких следов. Сколько их не искали, а никого не нашли.

Выходит, что дом купца Селивёрстова почти повторил судьбу своего московского оригинала. Так же, как и знаменитая Сухарёвская башня, он оброс дурной славой обиталища тёмного духа. Да и сейчас большой особняк не блещет своей репутацией.

Видно поэтому, в славное советское время здесь размещались лишь правительственные учреждения, да городские архивы. Ну, а потом, вселили туда «Дом пионеров». Те юные отроки не верили ни в Бога, ни в чёрта. Так им было всё равно, где заниматься рукоделием, наукой и спортом.

Меж тем, люди болтают, что и раньше никто в этом доме

подолгу не жил. Все или быстро сбегали, или совсем пропадали. Вот и бедный электрик с уборщицей куда-то исчезли. А следом за ними, и молодой архитектор.

Прохор. Первый вход в машину

С огромным трудом «придворный» механик унял волнение, заполнившее его смущённую душу. Шагнул вперёд и потянул на себя изящную ручку двери. Остеклённая створка легко повернулась на хорошо смазанных петлях, и открылся проём, ведущий в обширную «Рапирную залу».

Вздохнув полной грудью, Прохор трижды перекрестился и, нехотя, вошёл в восьмиугольную комнату. Резная панель за спиной плавно закрылась. Легонько стукнул притвор, и стало так тихо, что Прохор услышал, как стучит кровь в его голове.

К вящей радости крепостного механика, в этот раз, ничего страшного с ним не случилось. По крайней мере, он совершенно ничего не почувствовал. Он просто стоял внутри помещения. То есть, находился в пространстве волшебной машины и озадаченно озирался по сторонам.

– Ты никуда не исчез. – удовлетворённо сказал Яков Брюс, стоявший с той стороны витража: – Насколько я вижу, с тобой всё в полном порядке. – голос хозяина слегка приглушался стеклом, но Прохор хорошо понимал, что он говорит.

– Значит, всё обстоит именно так, как и сказано в старинных алхимических свитках. Оберег и в правду работает. Он хорошо защищает, и не дает странной машине воз-

действовать волшебными чарами на твой организм. Пройдись по всей зале и внимательно всё осмотри. Что ты там видишь? – спросил господин чуть погодя.

– Вообще ничего. – радостно сознался механик и на всякий случай пояснил свою мысль: – Отсюда помещение выглядит так же, как с лестничной клетки.

Он и в самом деле видел лишь пустую восьмиугольную залу. Механик неспешно прошёлся вдоль стен, украшенных панелями с тиковым шпоном, но не нашёл и следа чьего-то присутствия. Ни трёх мужиков, ни их инструмента, ни пёстрой кошки здесь не было.

Хозяин, стоящий за остеклённой решёткой, поворачивался за ним, словно подсолнух, следящий за ярким светилом. Вспоминая странное поведение барина, Прохор подумал над тем, что он недавно сказал.

Затем, в голову пришла неприятная мысль, и от этого вывода его словно ошпарило: – «А ведь барин не был совершенно уверен, что его талисман сработает, как написано в свитках». – неожиданно понял механик.

Дальше на ум пришло нечто другое: – «А ну, не помог бы мне сей амулет? Пропал бы я, как краснодеревщики вместе с бродячею кошкой. Где-то они теперь обретаются?» – стараясь не выдать свои неприятные мысли, холоп провёл рукой по лицу, и двинулся к выходу. Встал у запертой двери и услышал через стекло голос хозяина.

– Вынь оберег из своей ладанки.

Помощник послушно сунул руку за пазуху. Выпростал маленький полотняный мешочек, висящий на шее, и вытряхнул на ладонь блестящий цилиндрик. Быстро огляделся по сторонам. Ничего нового вокруг не увидел. Повернулся к барину и отрицательно помотал головой.

– Опять ничего не случилось. – донесся приглушенный голос и Прохор увидел, что хозяин сильно задумался. Яков Брюс помолчал. Потом, что-то вспомнил и заявил: – В одном из манускриптов алхимиков вскользь упомянуто, что амулет должен познать кровь хозяина. Вытряхни иглы себе на ладонь.

Слуга молча исполнил приказ господина. Повертел головой и увидел, что зала так и оставалась пустой. Вновь посмотрел на своего повелителя. Яков Брюс снова скомандовал: – Уколи палец иглой.

Помощнику совсем не хотелось портить свою драгоценную шкуру, но всё же пришлось это сделать. С баринном лучше не спорить, не то прикажет запороть на конюшне, а хуже того и продаст на Уральский завод, господину Демидову.

Прохор взял с ладони одну из семи странных игл и осторожно ткнул себе в указательный палец. Руку пронзила короткая боль, а мгновеньем спустя, на коже вспухла маленькая капелька крови. Сознание слегка помутилось, но дурнота немедленно прошла.

– «Что это было со мной?» – удивился механик: – «Сроду не боялся я вида пролившейся крови. Тем более, такой

пустяковой царапины, а сейчас почему-то, голова закружилась».

Прохор поднял взгляд на Якова Брюса и сильно опешил. Хозяин вёл себя совсем необычно. Стремительно хлопал глазами. Часто распахивал и захлопывал рот и дышал очень коротко, как собака, запалённая бегом.

Вместо нормального баритона вельможного барина теперь слышался лишь тоненький писк. Такой голосок бывает у Петрушки на ярмарке. Так говорят скоморохи, когда держат во рту маленький пищик. Кроме того, господин быстро топтался на месте и резко дёргал руками. То есть, вёл себя подобно тому, как делают деревянные куклы в вертепе.

Опасаясь уронить острые иглы, Прохор сжал их в кулаке, и почувствовал новое головокружение. Очень скоро преодолел наваждение и со страхом подумал: – «Никак я лихманку я где подцепил? Не хватало мне сейчас заболеть».

Глеб. Напутствие деда

Поздно вечером Федор Терентьевич вернулся из мастерской, расположенной в селе Хворостянка. Там он работал главным механиком и чинил те машины, что принадлежали лесхозу.

Дедушка разулся в тёмных сенях и, не одевая разбитые тапки, прямо в носках шагнул в просторную горницу. Бабушка подошла к усталому мужу. Потянулась к его правому уху и что-то ему прошептала.

Пятидесятилетний мужчина сел на табурет, стоящий возле стола. Подозвал к себе непутёвого внука. Развернул его лицом к себе и вперился в зрачки пострелёнка тяжёлым немигающим взглядом.

Положил мозолистую руку на голову мальчика и, заглянув прямо в душу, тихо сказал: – Никогда больше не бери эту шкатулку без спросу!

Глеба, словно током ударило, и он надолго, вплоть до этого дня, напрочь забыл о той старой деревянной коробке.

Ещё пару раз он бывал в гостях у престарелых родных. Постоянно видел тёмный ларец, стоявший у всех на виду, но и не думал о том, что можно его взять и открыть. Он даже не помнил о том, что внутри находилось кое-что интересное.

Он вообще не обращал на шкатулку никакого внимания.

Воспринимал её лишь, как неприметную часть интерьера деревенской избы. Наподобие рамки со старыми фото, висевшую на голой стене.

Два года назад, парень снова приехал в Елань. Тогда бабушка сама попросила внука передать ей эту шкатулку. То есть, она ему разрешила взять небольшую коробку из дерева!

Лишь после этого, с Глебом что-то случилось, а с его глаз, словно спала незримая пелена отстраненности. Он снова увидел скромный ларец. Снял его с этажерки и принёс Евдокии Семёновне.

Трясущимися руками, старая бабушка с трудом открыла небольшую резную коробку. Достала из неё маленький крестик из олова, висевший на шёлковой нитке. перекрестилась и надела себе на тонкую шею.

Свой старинный крест, отлитый из золота и освещенный в городе Иерусалиме, она протянула любимому внуку и тихо сказала: – Надень его Глебушка! И не снимай его никогда!

Стараясь избавиться от грустных воспоминаний, парень сильно помотал головой. Немного ещё посидел неподвижно. Сделал небольшое усилие. Сосредоточился и вернул свои мысли к тому несчастному часу, что пропал неизвестно куда.

– «Значит, всё дело в ярко сияющей гильзе, или в этих странных иголках». – сделал Глеб естественный вывод: – «А, скорее всего, и в том и другом вместе взятом. Недаром на них нанесён один и тот же рисунок».

Затем, в его памяти всплыло иностранное имя, произнесённое бабушкой лет пятнадцать назад: – «Яков Брюс». Конечно, парень больше не думал, как раньше, в своём раннем детстве. Он давно уже знал, что речь шла не о брате героя из голливудских картин о китайском кун-фу.

Насколько он помнил из многих прочитанных книг, это был ближайший сподвижник царя Петра I. Генерал-фельдмаршал всей артиллерии тогдашней России. Мало того, российский книгопечатник, астроном и алхимик, широко известный в те годы, специалист-металлург.

Он возвёл в Москве здание Сухарёвских казарм, стоявшее в то давнее время на окраинах города. Хотя, может быть, он лишь в ней поселился и по приказу царя создал там знаменитую «Навигацкую школу»?

Тут Глеб был не очень уверен в своих скромных познаниях. Вроде бы строил сооружение архитектор Михаил Иванович Чоглоков, или он был знаменитым придворным художником? Тут парень немного запутался. Зато, он знал целых три варианта рассказов о том, почему Сухарёвскую башню называли именно так.

Согласно первой легенде, юный Пётр, чудом спасся от смерти во время бунта стрельцов 1682 года. В 1689 году он взял бразды правления царством в свои крепкие руки. Решил выразить благодарность Господу Богу за избавление от той давней напасти и велел украсить дорогу, ведущую в Свято-Троицкую обитель. Ведь именно там он когда-то отсижи-

вался.

Пётр I приказал, снести старые ворота из дерева, стоящие в крепостной кирпичной стене. Расширить проём и возвести на том месте огромное здание с широким проездом. Так сказать, обустроил вход в город на модный в ту пору, голландский манер.

А назвал он огромную башню – «Сретенской по Земляному городу». Долгое время в ней хранилась икона Казанской Божьей Матери, которая избавила Москву от нашествия польских полков в войне 1612 года. Сухарёвской башня стала уже после смерти императора великой России.

Другое преданье гласило о том, что огромное здание построено для размещения стрельцов, которыми командовал полковник Лаврентий Панкратьевич Сухарев. Столь щедрый жест был, якобы, сделан царём в благодарность за то, что сии молодцы поддержали наследника во время нового бунта, случившегося в 1689 году.

Тогда старшая сестра Петра I – царевна Софья Алексеевна, воспользовалась недовольством, возникшим среди многих стрельцов, и захватила престол. Молодой претендент на верховную власть бежал в Сергиеву лавру. Единственной воинской частью, вставшей на защиту его интересов, оказался полк Лаврентия Сухарева.

Немного позднее, Пётр I щедро одарил верных слуг. Построил для них большую казарму из кирпича и дал денег на ремонт местной церкви – Троицы в Листах, что располага-

лась возле Сретенских ворот «Земляного города».

Третья версия тех давних событий сообщала читателям, что в 1689 году Сухаревский полк действительно поддержал Петра I. Он прибыл в Троице-Сергиев монастырь, где скрывался наследник престола. К сожаленью полковника, он был не первым, кто откликнулся на призыв молодого наследника.

Войска, верные Петру I, жестоко подавили восстание московского войска. Царь вручил полковнику Сухареву небольшую награду. Полк был расформирован, а семьи казнённых стрельцов выселены из той части города, где они проживали.

Нужно сказать, что в те времена, военные части размещались в Москве довольно компактно. Эти районы считались «стрелецкими слободами», и, как правило, назывались по имени своих командиров.

В конце XVII века у старых Сретенских ворот несли службу стрельцы полковника Лаврентия Сухарева. Поэтому, вся слобода и звалась тогда Сухарёвской.

После расформирования полка, эта местность почему-то сохранила былое название. Затем, оно перешло на огромное здание с башней, возведённое в защитной стене. По прошествии множества лет, данный топоним распространился на близь лежавшие переулки и площади.

– «Не мешало бы прочесть ещё несколько исторических книг об этой огромной постройке». – подумал вдруг Глеб: – «Хорошо бы узнать, как там всё было на самом-то деле? Но это потом, когда будет свободное время». – он снова вернул-

ся к своим рассуждениям.

– «По словам Евдокии Семёновны, мой давний предок работал у Якова Брюса механиком и кузнецом. Скорее всего, именно в то далёкое время он выковал эти странные иглы с футлярчиком и нанёс на них сложный узор.

Судя по механическим наручным часам, сей артефакт каким-то неведомым образом влияет на ход текущего времени, а может и на что-то другое». – продолжал раздумывать Глеб.

– «Мама и бабушка мне говорили, что на какое-то время я исчезал из квартиры и деревенского дома. Значит, он переносил меня неизвестно куда. Возможно, в параллельное нам измерение.

Мало того, он не давал вернуться назад до тех самых пор, пока я держу его голой рукой. Очень интересная штука. Нужно изучить её, как можно внимательней. Вдруг на что-то сгодится?»

Седьмая глава

Яков Брюс. Усадьба графа

Поместье в деревне Глинки принадлежало Якову Брюсу уже очень давно. Пётр I вручил его своему боевому соратнику ещё до того, как тот получил чин генерал-поручика от артиллерии. Имение находилось в густых лесах Подмосковья. Славилось на всю округу несметным богатством и многие годы встречало гостей с огромным радушием.

Получив небольшое письмо, украшенное личной печатью вельможи, знатные люди Москвы, с великим почтением открывали конверт из плотной бумаги. Читали приглашение на званый обед или ужин и с превеликой охотой его принимали.

Немедля, откладывали все другие дела. Садились в коляску, запряжённую парой-тройкой коней. Отправлялись в довольно продолжительный путь и долго тряслись по не мощной, разбитой грунтовке

Всё это делалось лишь для того, чтобы посетить «черно книжника», что ночами работал в башне Сухарёвских казарм. Пусть народ говорил, что он страшный колдун. Зато, Яков Вилимович входил в ближнее окружение царя, и мно-

гое значил в великой Российской державе.

Все вельможи Москвы доподлинно знали, что Яков Брюс с трепетом относился к своему покровителю. Исполнял все его уложения и не отступал от них ни шаг. Так же, как Пётр I, сам он не всегда выходил навстречу гостям.

Столь ответственным делом часто занимались холопы, одетые в ливреи последних фасонов. Они почтительно встречали прибывших особ и провожали их в те помещения, что им отвёл любезный хозяин.

По меркам галантного века, дом чародея Якова Брюса был не очень большим. Да и обстановка в нём не всегда поспевала за изменчивой модой. Зато хлебосольство сановника было выше всяких похвал. А его недюжинный ум, неистощимый на разные выдумки, целиком искупал любые досадные мелочи.

Во время долгой и тряской поездки, вельможи находились в большом нетерпении. Все пытались представить себе, какие сюрпризы им предстоит увидеть сегодня?

Ведь каждый его званый обед или ужин завершался каким-нибудь невероятным кунштюком. Слухи о его поразительных фокусах и представлениях разлетались по пыльной Москве со скоростью стремительных летних пожаров.

В каждой комнате, предназначенной для сановных людей, стоял маленький столик с гнутыми золочёными ножками. Сверху лежал оттиск указа, подписанного самодержавным царем, Петром I. Он назывался – «О достоинстве гостевом,

на ассамблеях быть имеющем». В нём говорилось:

Перед появлением многонародным гостю быть надлежит:

1. Мыту старательно, без пропускания оных мест.
2. Бриту тщательно, дабы нежностям дамским щетиною мерзкой урон не нанести.
3. Голодну наполовину и пьяну самую малость, а то и во-все.
4. Обряженным вельми, но без лишнего перебору, окромя дам прелестных.

Последним дозволяется умеренно косметикою образ свой обольститительно украсить. Особливо грацией, веселием и добротой от грубых кавалеров отличительными быть.

5. В освещённом зале возникнув вдруг – духом не падай, телом не дубей,
напротив, – округлив руки и не мешкая в кипение госте-вое со рвением включайся.

6. В гости придя, с расположением дома ознакомься заране на лёгкую голову,
особливо отметив расположение клозетов, а сведения эти в ту часть разума отложи, коя винищу менее остальных под-властна.

7. Яства употребляй умеренно, дабы брюхом отяжелевшим препятствия танцам

не учинять.

8. Зелье же пить вволю, понеже ноги держат. Бude откажут – пить сидя.

Лежащему не подносить – дабы не захлебнулся, хотя бы он и просил. Захлебнувшемуся же слава! Ибо сия смерть на Руси издревле почётна есть.

9. Ежели меры не знаешь – на друга положишь, оный страж по более государственных бдений имеет.

10. Упитых складывать бережно, дабы не повредить, и не мешали бы танцам.

Складывать отдельно, пол соблюдая, иначе при пробуждении конфуза не оберёшься.

11. Беду почуяв, не паникуй, но скорым шагом следуй в место упомянутое, по дороге не мешкая и все силы употребляя на содержание в крепости злодейски предавшего тебя брюха.

12. Будучи без жены, а то, не дай Бог, холостым, на прелести дамские взирай не с открытой жадностью, но из под тишка – они и это примечают. Не сомневайся – таким манером и их уважишь, и нахалом не прослывёшь.

13. Руками же действуй сильно остерегаясь и только явный знак получив, что

оное дозволяется, иначе конфуз свой на лице будешь носить долго, ибо пощады не знают.

14. Без пения нет веселья на Руси, но оное начинают по знаку хозяйскому. В раж

не входи, соседа слушай – ревя в одиночку, уподобляешься ослице валаамской. Музыкальностью и сладкоголосием, напротив снискаешь многие похвалы гостей.

15. Помни, сердце дамское вельми на музыку податливо, используй сие, и обласкан будешь непременно.

16. Увидев на ассамблее особу знатную, а хотя бы царя, духом не падай, рот не разевай, но и не высовывайся – услужить вряд ли сможешь, а досадить спьяну втройне против обычного способней.

За сим, с Богом, вперёд !!! Сию заповедь применять постоянно, а не вспоминать какой пункт, стоя чурбаном посреди веселья.

Внизу большого листа была личная подпись Петра I и оттиск круглой печати. И то и другое были выполнены настолько искусно, что ничем не отличались от настоящих оригиналов. Все гости хорошо знали сие уложение царя и старались

ему во всём соответствовать.

Переодевшись после долгой дороги, вельможи покинули комнаты, отведённые им для житья на довольно короткое время. Спустились в обширную приёмную залу и заметили, что все высокие двери и окна огромного помещения распахнуты настежь.

На дворе стояло тёплое благодатное лето. Так что, в этом не было ничего удивительного. Мол, пусть небольшой ветерок освежает людей, разгорячённых обильной едой и вином.

Один за другим, придворные вышли на большую веранду и увидели там хозяина великолепного дома. Развлекая гостей разговорами, он подождал, пока все соберутся вокруг.

Трижды хлопнул в ладоши, чтобы привлечь к себе всё внимание и громко сказал: – Господа, я хочу показать вам кое-какую безделицу. Пойдёмте вместе со мной. – Яков Брюс повернулся и быстро спустился по лестнице, ведущей в большой ухоженный сад.

Предчувствуя, что их ждёт необычный сюрприз, гости тотчас оживились и потянулись за ним. Прошли сажень двадцать. Свернули с широкой главной аллеи и оказались на уютной полянке, окружённой густыми кустами сирени.

Впереди был газон из зелёной травы, подстриженный на английский манер. Поперёк его тянулась дорожка из пилёного природного камня. Она шла к центру площадки и утыкалась в небольшую беседку, диаметром в две косые сажени.

Постройка оказалась очень ажурной. Имела восемь тонких высоких столбов, ограждение, сбитое из лёгоньких реек, и невысокую шатровую крышу из свежей осинової дранки. Все детали были покрашены в цвет свежего снега и хорошо выделялись на фоне сочной летней листвы.

Несмотря на большое изящество этой постройки, беседка оказалась совершенно обычной. Ни тебе чрезвычайно искусной резьбы, ни лепных украшений, ни декоративных решёток, увитых цветущими розами.

Кто-то презрительно хмыкнул. Мол, что здесь такого, чего бы, не видели сановные гости. У каждого из данных вельмож есть отлично ухоженный сад в златоглавой столице и в Подмосковных имениях. В них стоят десятки различных скульптур, фонтаны и павильоны для отдыха.

– Господа! Подойдите поближе. – сказал Яков Брюс. Поднялся по низенькой лесенке, сколоченной из тонких досок. Ступил под крышу беседки и дважды хлопнул в ладоши.

Откуда-то донеслась нежная струнная музыка. Гости напряжённо прислушались и поняли, что играет обычная арфа. Они посмотрели по сторонам и увидели, что до ближайших кустов три-четыре сажени.

Выходит, что там музыканты сидеть не могли. Вряд ли столь тихие звуки смогли бы пробиться сквозь густую листву. Однако, чем чёрт не шутит? С Яковом Брюсом всё на удивленье не просто, не так, как со всеми другими людьми.

Один из господ был очень молодым человеком и вёл се-

бя соответственно своим скромным годам. Он решил проверить догадку и стремглав бросился к ближайшим кустам.

Словно возбуждённый сохатый пробился сквозь плотные ветви и оказался по другую сторону высоких шпалер. Обогнул всю поляну по кругу. Вернулся по дорожке к гостям и, запыхавшись от быстрого бега, сказал: – Нет там никаких музыкантов.

– Друзья! – крикнул опять Яков Брюс: – Пройдите сюда, взгляните, как устроена моя небольшая беседка.

Гости дружно шагнули к хозяину и только теперь разглядели, что у постройки нет привычного цоколя. Она стояла на тонких столбах, уходящих прямо в зелёный газон. Между полом беседки и свежей травой оставался свободный прогал шириной в один локоть.

Молодой человек, наплевал на свой модный костюм, тем более, что он уже пострадал от ветвей ближайших кустов. Лёг плашмя на живот и заглянул под небольшую беседку.

Её пол оказался толщиной в одну доску, а под тонким настилом не имелось плоского ящика, в котором мог бы скрываться холоп. Там оказалось совершенно пустое пространство, которое было видно насквозь. Причём, во все стороны.

Обескураженный юноша поднялся с земли. Отряхнул помятое платье, испачканное зелёными пятнами, и доложил всем прочим гостям о своих наблюдениях.

Некоторые из вельмож, не поверили таким утверждениям молодого повесы. Не жалея дорогих и модных чулок, они

опустились на колени, как в церкви. Опёрлись руками о землю и заглянули в прогал.

Один из офицеров, вытащил золочёную шпагу из ножен, висевших на поясе, и потыкал ей под пол беседки. Обошёл её по кругу и повторил свой убедительный жест ещё несколько раз. Нигде остриё боевого оружия не встретило никакого препятствия. Значит, там нет ни зеркал, ни других ухищрений, к которым прибегают балаганные фокусники.

Тогда вооружённый мужчина поднялся по лесенке и встал между колонн лёгкой постройки. Музыка продолжала тихо звучать. Здесь она слышалась значительно лучше и доносилась с разных сторон.

Офицер поднял голову и осмотрел крышу снизу. Подшивка из тонких досок повторяла наружный контур небольшого шатра. Толщина всей конструкции не достигала и пары ладоней. Так что, между балками кровли могли спрятаться лишь тощие кошки или очень малые дети. А они, как всем известно, не умеют играть на классической арфе.

Не желая сдаваться без боя, офицер поднял острую шпагу и ткнул несколько раз в потолок. Блестящая сталь пробивала дощечки, упиралась в лёгкие плашки из мягкой осины и срывала их одну за другой.

Мужчина дёргал оружие опять на себя. Куски тоненькой дранки слетали с длинного лезвия, пронзившего их, как бумагу, и, скользя, по скатной кровле падали вниз, на траву.

Хозяин с усмешкой смотрел на вельможных гостей. Они

стояли вокруг и с удивлением поворачивались из стороны в сторону. Нежная музыка продолжала звучать и по-прежнему неслась отовсюду.

Яков Брюс подождал, пока офицер перестанет крушить тонкую кровлю и спрячет оружие в ножны. Потом, вновь призвал гостей к тишине. Трижды хлопнул в ладоши, и струнные звуки мгновенно утихли. После чего, радушный хозяин предложил всем вельможам повторить его трюк, но только не разом, а следуя очереди, один за другим.

Какое-то время все препирались. Наконец, договорились, кто будет за кем, и представление продолжилось. Гости хлопали дважды и струны начинали звучать. Трижды били в ладони, и всё тотчас стихало.

Так продолжалось минут двадцать пять. Хозяин заметил, что люди немного устали от таких развлечений и пригласил всех к столу. После того, как все спустились на землю, он дал команду неизвестно кому. Сказал: – Выключить струнную музыку! – повернулся и повёл вельможных гостей в приёмную залу своего уютного дома.

После того, как гости уехали, по златоглавой столице пошли новые слухи. Люди говорили о том, что в Подмосковном имении Якова Брюса в саду есть колдовская беседка. Стоит в ней дважды хлопнуть в ладоши, как раздаётся чудесная музыка. Если сделать так три раза подряд, то песнь тотчас прекращается.

Видно, там рядом витает какой-то невидимый зачарованный дух. По команде колдуна-чернокнижника он начинает играть на классической арфе, чем ублажает изысканный слух вельможного барина.

Купец Селивёрстов. Террористический акт

Прошла неделя после пропажи трёх краснодеревщиков. В газете «Вестник Подгорска» появилась ещё одна небольшая заметка: – « ...Вчера, после полудня, некто Попов Константин Валерьянович подошёл к особняку купца первой гильдии Селивёрстова. В руках он держал простой холщовый мешок, в коем было завернуто нечто слегка удлинённое.

Мужчина шагнул к затейливым ажурным воротам, отличных на знаменитом чугунном заводе, стоящем в уральском городе Касли. Обратился к пожилому привратнику, сидевшему в будке, и потребовал пропустить его прямо к хозяину дома. Бдительный страж оказался выполнить просьбу незваного гостя.

Всё остальное случилось на глазах почтеннейшей публики, гулявшей по тротуару отлично благоустроенной Богородческой улицы. Молодой человек стал судорожно разворачивать принесённую с собою холстину. Весьма нервным движением, он извлёк на свет божий охотничий карабин последней немецкой модели.

Как всем известно, многие обыватели нашего города являются охотниками на разную дичь и весьма хорошо знакомы с огнестрельным оружием. Так что, все сразу узнали ка-

рабин Манлихера-Шенауэра.

Заметив небольшую винтовку, изумлённые граждане дружно бросились в разные стороны. Привратник не преминул воспользоваться короткой заминкой, что возникла у незваного гостя.

Пока Константин Валерьянович путался в складках холста, страж ворот не оставался совсем безучастным. Он успел юркнуть в скромную дворницкую, построенную рядом со въездом на территорию дома. Закрыл дверь на засов и нажал на красную кнопку, установленную на экстренный случай. В полицейском участке нашего города раздался громкий сигнал. Звонок был вызван электрическим током.

Осознав провал своей миссии, Попов побежал вдоль по улице. На ходу он кричал, что господин Селивёрстов схватил его родную сестру и силой держит девушку в своём подчинении.

Время от времени он на ходу оборачивался и, не целясь, стрелял в сторону особняка. Несколько пуль угодили в окна огромного дома, расположенных на разных уровнях. Одна из них раздробила раму восьмиугольного зала, из которого неделю назад пропали трое паркетчиков.

Прибывшие по тревоге, городовые поймали преступника в квартале от места скандала. Умело отняли оружие. Крепко связали и проводили в лечебницу для буйно помешанных.

Спустя один час, больной откуда благополучно сбежал. Да ещё прихватил с собой двустволку врача, господина Петрен-

ко Р. П. Заодно он унёс и коробку с патронами. Неугомонного террориста вновь задержали. Водворили на прежнее место и присудили к лечению.

Как стало известно нашей редакции, на нём будет испробована новомодная практика. Она состоит из электротерапии и оборачивания простынями, намоченными в холодной воде.

Во избежание появления самых нелепейших слухов, «Вестник Подгорска» спешит всем сообщить: – Перед выходом газеты в печать, наш специальный корреспондент вернулся из прекрасного дома купца Селивёрстова.

Благодаря любезному разрешению хозяина, Михаила Афанасьевича, сотруднику нашей редакции удалось побывать в легендарном прогулочном зале. Именно этому месту молва приписала невероятно ужасное свойство – способность перемещать в преисподнюю всех людей, что туда заглянули.

К разочарованию распространителей слухов, корреспондент описал то, что увидел своими глазами. Мы печатаем его слова без сокращений и какой-либо правки:

– Пуля ударила в оконную раму великолепного восьмиугольного зала. Благодаря чему, переплёт, изготовленный из драгоценного золотисто-коричневатого тика, оказался сильно испорчен.

Сквозь разбитые стёкла дул сильный ветер. Он заносил в помещение капли дождя и ронял их на чудесный паркет,

украшенный невероятно красивым узором. Опасаясь, что замечательный пол пострадает от атмосферных осадков, мажордом вызывал несколько резчиков. Приказал изготовить новые импосты и исправить оконную раму, разрушенную сумасшедшим вандалом.

Наш корреспондент находился в той самой комнате до самого вечера. Он проследил за тем, как трудятся четверо резчиков. Хорошо, что рамы делали не очень давно, и в доме купца Селивёрстова сохранилось остатки всех материалов.

Нашлись и несколько тонких досок из заморского благородного тика. Иначе, пришлось бы взять для ремонта банальный российский дуб, бук или граб. А это, согласитесь, вовсе не то.

За время пребывания в комнате, я облазил все её уголки. – продолжил рассказ бесстрашный корреспондент нашей газеты: – Но ни в одном из них не нашёл никаких следов дьявола. Не было и никаких-либо признаков, что он недавно туда проникал. Не чувствовалось запаха серы, отсутствовали обожжённые плашки паркета и следы рогов и копыт от пребывания нечистого.

По завершении всех ремонтных работ, Ваш покорный слуга последним вышел из приснопамятной комнаты. Должен заверить, вас дорогие читатели, что мажордом не стал вешать на дверь никакого замка. Причину возникновения нелепейших слухов он объяснил очень просто:

– В доме такое количество прекрасно обставленных ком-

нат, что в высокую башню никто из гостей не хочет идти. Слишком трудно им сюда подниматься. Приходят только очень редкие люди. Те, что хотят насладиться видом нашего чудесного города с высоты в двадцать пять русских сажень. Однако, придя сюда лишь однажды, они, обычно, теряют свой интерес к такому прекрасному зрелищу.

Как ни странно, но в отделку прогулочного восьмиугольного зала, как впрочем, и во все прочие комнаты, вложены такие огромные средства, что многие обыватели приходят в большое расстройство.

Все спрашивают: – Почему такое прекрасное место, никак не используют? – после чего, сами же себе отвечают: – Не иначе, как здесь кроется какая-то страшная тайна...»

Охранник Корчмаря. Новое исчезновение

Ближе к ночи, на центральном посту огромного дома опять не досчиталась одного человека. Дежурные стали просматривать записи с видеокамер и быстро узнали, что утром архитектор вошёл в дом, а вечером из него, почему-то, не вышел.

Совершенно некстати в особняк прибыл помощник пропавшего зодчего. Он хотел, что-то спросить у начальника. Много раз набирал номер его телефона, но так и не смог до него дозвониться. Поэтому, приехал прямо сюда. Мол, поймаю его на объекте и решу все вопросы.

Узнав, что архитектор ещё не вышел из дома, помощник включился в поиски вместе с секьюрити. Несмотря на все усилия трёх человек, мужчину не удалось обнаружить. Пришлось связаться с людьми более высокого уровня и сообщить о новой пропаже.

Начальник охраны хотел замолчать данный случай, так же, как пару других. К своему сожалению, он быстро понял, что это уже невозможно. Дело в том, что в этот раз, поиском занимались совершенно другие сотрудники. Число посвящённых в историю об исчезновении людей, значительно выросло. Так что, теперь события приняли совсем другой

оборот.

Мало того, архитектор это вам не какой-то там безродный электрик или уборщица из бедной крестьянской семьи. Он хозяин довольно крупной конторы. У него работают десятки сотрудников. Плюс ко всему, есть много горластых заказчиков, желающих с ним постоянно общаться.

Опять же, в наличии имеются оба, ещё не очень старых, родителя, жена, трое детей, многочисленные друзья и приятели. Вдобавок ко всему остальному, существует любовница, официально признанная всей городской элитой. Поэтому, утаить исчезновение человека такого калибра, уже никак не получится.

Две любимые женщины зодчего узнали о пропаже дорогого мужчины почти одновременно. Они тотчас созвонились. Сначала сильно и долго ругались. Потом, слегка успокоились. Пришли к единому мнению, что нужно срочно решать ситуацию, и вместе рванули к блюстителям правопорядка.

Примчавшись по нужному адресу, они без разговоров вломились к начальнику городского отдела. Написали два заявления, и органы внутренних дел были вынуждены начать розыск пропавшего.

Сразу же всплыли все остальные неприятные факты. Обнаружились исчезновения ещё двух людей – молодого электрика и юной уборщицы. Полицейские тяжело вздохнули. Объединили три случая в одно общее уголовное дело и принялись работу.

Для начала сыскари тщательно осмотрели весь особняк. Помещений в нём было такое большое количество, что когда дело дошло до мансарды и башни, люди уже очень устали.

Поэтому, в прогулочный зал, расположенный на пятом ярусе здания уже не входили. Посмотрели с горизонтальной площадки лестницы. С порога увидели, что на полу лежит толстый слой никем нетронутой пыли. Опечатали остеклённую дверь, и двинулись дальше.

Затем сыщики прочесали весь близь лежавший район, а потом весь Подгорск, от края до края. Выдающийся архитектор Трёхреченской области, словно канул в глубокую воду, а с ним туда же ушли ещё две менее значительных личности.

Отчаявшись дожидаться какой-либо помощи, обе женщины разуверились в беспомощных потугах полиции. Немного подумали и обратились в совершенно другие инстанции. Атеистически настроенная молодая супруга поговорила со знающими людьми и наняла детектива из далёкой Москвы.

Тот приехал в заштатный Подгорск сутки спустя. Прибыл в особняк Корчмаря и стал работать с такою активностью, о которой не могли и помыслить местные жители. Однако и после недели упорной работы, прославленный столичный сыскарь был вынужден лишь развести руками в разные стороны. Он сообщил, что не нашёл никаких следов архитектора.

Сильно верящая в потусторонние силы, любовница поступила по-своему. Она пригласила в Подгорск экстрасенса, мелькавшего на экранах всей Восточной Сибири.

Одетый в длинную рясу до пят, похожую на простой балахон, кудесник с огромною помпой прибыл в особняк купца Селивёрстова. Выбрался из длинной чёрной машины. Сделал какие-то пассы руками и вошёл в холл огромного дома.

Следом двигался его молодой ассистент, выглядевший, словно кавказский абрек. Он вытащил из дипломата пустую пробирку, которые продают в магазинах химреактивов. Воткнул в неё кусок медного провода, согнутого под прямым углом и подал «волшебнику» сей «аппарат». Тот пробормотал, что-то невнятное и быстро начал прочёсывать дом.

Время от времени он говорил какие-то короткие фразы на неизвестном наречии и делал кистью руки едва заметные пассы. «Детектор» в пробирке начинал лениво вращаться. Зрители замирали от нестерпимого ужаса и ожидали явления сверхъестественных сил из каждой ближайшей щели.

Однако ничего страшного вокруг не случилось. Не сверкали ярко-белые молнии, не громыхали раскатистые могучие громы, не слышался подозрительный треск, и не воняло различными противными газами. Экстрасенс удручённо качал седой головой и двигался дальше.

Прогулочный зал, расположенный на пятом ярусе высокого здания он миновал удивительно быстр. Так же, как и все прочие сыщики. Кому может быть интересна огромная ком-

ната, где слой пыли, лежащей на прекрасном паркете, остаётся нетронутым более месяца?

Охранник Артём шагал в хвосте странной процессии и только диву давался: – «Неужели никто из людей не может заметить, что шарлатан-экстрасенс сам вертит дурацким «детектором»? Как можно верить такому пройдохе, да ещё и платить за его нехитрые фокусы такие огромные деньги?»

Однако все люди, шедшие рядом с «целителем», смотрели на него с немым обожанием и жадно ловили каждое слово «волшебника». Наверно так раньше слушали знаменитых пророков.

– «Глаза он им, что ли отводит?» – продолжал удивляться охранник: – «А на меня, его чары, похоже, не действуют». – утешив себя этим выводом, Артём стал размышлять над другой проблемой:

– «Куда могли подеваться три человека, ни в чём не похожие один на другого? Всех их объединяло только одно – место, откуда они бесследно исчезли. То есть, особняк купца Селивёрстова.

Но ведь все выходы из огромного дома находятся под постоянным присмотром. Причём, видеокамеры расставлены таким хитрым образом, что мимо них и мышь не проскочит. Все окна тоже подключены к чуткой охранной системе и ни одно из них, не открывалось все последние дни.

Кроме того недолгого времени, когда их мыли молодые уборщицы. Но девушка пропала не из главного, трёхэтажно-

го здания. Она исчезла с пятого яруса, что находится в башне. Конечно, если хорошенько подумать, то оттуда она тоже могла бы спокойно сбежать.

Например, сначала подняться на открытую площадку, что находится на седьмом этаже. Спуститься с него на скатную крышу, а затем, прямо на землю. Но, во-первых, зачем это нужно молоденькой девушке, когда можно уйти через вахту? Она ведь просто уборщица, а не какой-то супершпион, укравший важные секретные данные. И во-вторых, это возможно, лишь имея сложную альпинистскую «сбрую».

Даже если Светлана всё приготовила загодя и спрятала среди своих шампуней, щёток и тряпок, то куда потом делась тележка, на которой она всё возила? Не могла же хрупкая девушка унести большую каталку с собой? Да и электрика с тем важным мужчиной, словно корова слизнула. Все трое отправились в башню и там бесследно пропали».

Артём почти не знал архитектора. Только несколько раз проверил его пропуск на входе и всё. А вот с электриком он общался достаточно часто. Когда Лёне было нечего делать, он иногда заходил в каптёрку охранников.

Этот монтёр был довольно приятным молодым человеком и очень нравился всем окружающим. Простой, работающий, без больших закидонов, любил рассказать анекдот или какую-то байку. Даже если и видел, что они всем отлично известны.

В общем, похоже на то, что он был весьма компанейским

и, в общем-то, неплохим мужиком. Очень жаль, что он тоже пропал. Неизвестно ещё, какого жука примут вместо него?

А вот в брюнетку Светлану Артём почти что влюбился. Красивая, разбитная девчонка из простых деревенских людей. Ловкая и очень умелая. Любое дело в её руках будто горит. Такая девушка могла бы стать очень хорошей женой.

Вот если бы, она слегка успокоилась и поумерила свои аппетиты насчёт богатства потенциального мужа. Тогда было бы совсем замечательно. Артём уже несколько раз пытался пригласить её на свидание, но каждый раз, в ответ слышал только град беззлобных насмешек.

Он не обижался на её удивительно колкие шутки. Надеялся на перемены в её поведении и думал, что со временем, сможет завоевать её руку и сердце. Поэтому, исчезнувшую девушку ему было особенно жаль. Больше, чем всех остальных вместе взятых.

Размышляя о том, кто смог бы помочь в поисках пропавших людей, охранник неожиданно вспомнил о своём хорошем знакомом по имени Глеб. С ним он совершенно случайно встретился два года назад.

Это случилось в армейском госпитале, расположенном в городе Ростов-на-Дону. Там он лежал после ранения, полученного от сепаратистов в мятежной Чечне. Парня привезли в таком плохом состоянии, что никто и не думал, что боец сможет выжить. Неожиданно для всех окружающих, он

вдруг оклемался и очень быстро поднялся на ноги. Про него говорили столько всего необычного, что Артём в это даже не верил.

Вскоре выяснилось, что они земляки. Ну, если считать по тем самым понятиям, каким принято в российских войсках. Раз от места рождения одного, до города, где на свет появился другой, меньше двух лаптей по географической карте, то значит – земля.

Глеб был из Трёхреченска, а Артём из Подгорска. Это почти рядом на местности, всего сто км по прямой. К сожалению, Сибирь вам не Европа с Америкой и, тем более, не Японские острова. Там, как говорит интернет, подобное расстояние поезд пролетает за четверть часа, а может быть, и поменьше.

В их далёкой глуши составы ходят значительно медленней. Слишком тут гористая местность. К тому же, плотно покрытая густыми лесами и множеством глубоких торфяников. Поэтому и пути здесь очень извилисты, словно след от пьяной болотной гадюки.

Как и многие малые дети, в ранние годы Артём часто болел, и любимая мама очень переживала за здоровье дорогого сыночка. Несколько лет подряд она возила его в город Трёхреченск, чтобы показать местным светилам из местного мединститута. Жили они, у её старшего брата, недалеко от вокзала.

Гостили иногда по две-три недели, а то и по месяцу. За

столь долгое время Артём успевал познакомиться со всеми мальчишками, живущими рядом. Бегал вместе с ними по всем ближайшим дворам. Поэтому, знал тот район почти досконально.

Когда земляки принялись вспоминать своих давних друзей, у них даже нашёлся один общий знакомый. Оказалось, что детский приятель Артёма и Глеб, ходили в одну спортивную школу, где играли в пинг-понг. Постепенно земляки подружились, причём достаточно близко. Настолько, что они рассказали друг друга, где их недавно подранили.

Оказалось, что Глеб получил свою пулю во время налёта чеченских боевиков. Как всегда, «чехи» атаквали в самом узком месте ущелья. Напали на колонну техники полка ВДВ и расстреляли машины с людьми. Били, как в тире, почти что в упор. Наших там полегло очень много, а точнее сказать, почти все, кто попал под огонь.

Вместе со своим отделением, Глеб ехал в бортовом кузове «ЗиЛа». В машину влетела граната, пущенная из подствольника. Раздался оглушительный грохот, и его выбросило взрывной волной.

Ему весьма повезло и парень оказался единственным, кто остался в живых после того попадания. Вот только, что было потом, он вовсе не помнил. По крайней мере, так он всем говорил. Мол, лишился сознания и всё, потом полный мрак.

Нашли его в двадцати с километрах от места сражения. Как он там очутился, не знал, а может быть, не хотел гово-

ритель. В том месте, где боевики прижали колонну, с одной стороны от дороги высокий обрыв. С другой, длинная сопка, высотой в десять-одиннадцать метров.

Оба склона отлично простреливались во всех направлениях. Уйти по дороге, вперёд или назад он не мог ни при каких обстоятельствах. Кинжальным огнем «чехи» уничтожили всё, что там шевелилось.

Теоретически, Глеб мог в беспамятстве подняться с земли и пойти, в любом направлении. Артём видел не раз таких странных контуженных. После взрыва упавшего рядом снаряда, они вдруг вставали и, качаясь, словно сомнамбулы брели не знамо куда.

Да только недолго они среди боя шастали в таком состоянии. Их или роняли на землю свои же ребята, которые оказались поблизости, или с великою радостью убивали «благородные кавказские воины».

Конечно, в клубах плотного дыма и пыли от множества взрывов, боевики могли его не заметить. Он мог дойти до края дороги и кувырком скатиться в низину так что, «чехи» решили, мол, он тоже убит. Ну, а потом отлежался в какой-нибудь яме до завершения боя.

После налёта на колонну машин, все «чехи» спокойно ушли назад в высокие горы. Прибыли наши войска. Тщательно прочесали округу и собрали всех до единого, и убитых и раненых. Нашли даже десантника, погибшего в Первую Чеченскую бойню. Он оказался в заваленной камнями тесной

пещерке.

Можно предположить, что Глеб свалился с обрыва и пешком пошёл по низине. Вот только, как он смог прошагать более двадцати километров и не попасть на глаза диким «чехам» или нашим войскам?

Кроме того, есть там и местные жители. К тому же, в небольшом количестве. Если бы они его встретили, то обязательно взяли под руки и куда-нибудь сдали. Или к нам или к ним. Тут уж угадать невозможно.

Так нет же. Каким-то неведомым чудом он пересёк невысокий горный хребет и спустился в другую долину. Причём, не в соседнюю, а в ту, что находилась за ней. Упал в бурную горную реку, и вода его вынесла точнехонько к нашему лагерю.

На все вопросы чекистов, медсестёр и соседей по койке он отвечал, словно робот: – Не знаю. Не помню после сильной контузии.

Впрочем, скоро от Глеба отстали, и он спокойно лечился в палате, пока за ним не приехала его мама. Она привезла полный комплект официальных бумаг, нужных для «комиссовки».

Оказывается, у него было такое здоровье, что его и в армию не должны были брать. Просто в то время началась Вторая Чеченская бойня. В военкоматы пришёл строгий приказ: – Резко увеличить набор. – вот парень и попал под «компанию».

Не дав долечиться до нужного срока, бойцу с извинением вручили белый военный билет, и в тот же день, списали с армейского кошта. Земляки обменялись домашними телефонами и адресами. Простились и с тех пор не встречались.

Пока Артём дослуживал срочную, Глеб написал ему несколько писем. Видно хотел так поддержать своего земляка. Ведь он теперь знал, как это здорово получать весточки от родных и знакомых, находясь в воюющей армии. Пусть даже и пишет тебе не любимая девушка, а малознакомый приятель.

Прошло какое-то время, солдат дембельнулся, как говорят иногда в нашей доблестной армии. Приехал домой, и переписка у них сразу заглохла. Глеб прислал ещё парочку писем, но Артёму было уже не до таких мелочей.

Ему захотелось поскорей наверстать всё то, что он упустил за два года службы. Он вновь оказался в вихре вольной головокружительной жизни. Так что, не смог выкроить время, для того, чтобы черкнуть несколько строчек в ответ.

Жили они далеко друг от друга, в так просто гости не сбегашь. Писать не очень охота, а позвонить, всё нет свободного времени. Иногда Артём с огорчением думал, что они расстались уже навсегда.

Самое удивительное было в том, что через какое-то время, он ещё один раз услышал про Глеба. Причём, земляк снова попал в такую историю, что и понять в ней ничего толком

нельзя.

Однажды Артём шёл по улице и встретил своего одноклассника Виктора. Из разговора узнал, что приятель теперь служит в полиции и работает участковым в соседнем Холодновском районе.

По его словам, он случайно попал на дежурство на платформу станции «Речка Холодная». Встретил знакомого железнодорожника и остановился с ним поболтать. По совершенно непонятной причине, отключилось всё освещение.

В тот же миг, рядом с платформой раздался такой громкий вой, что у него даже мороз по коже продрал. Затем, навалилась такая inferнальная жуть, что Виктор схватился за кобуру. Хорошо, что пистолет не успел тогда вытащить. Выставил бы себя всем на посмешище.

Секунду спустя, лампы внезапно зажглись, и полицейский увидел фигуру, лежащую возле края перрона. Он, было, подумал, что это местный алкаш туда приبلудился. Подошёл к нему ближе. Смотрит, перед ним простой парень в дранной штормовке.

Виктор спросил: – Кто такой?

Тот едва ворочал своим языком, но все же ответил: – Турист. Заблудился в лесу, двое суток плутал.

Затем, вынул из куртки свой паспорт и предъявил полицейскому. Бумаги оказались в полном порядке. Прописка Трехреченская. Фамилия уже выпала из головы, простая такая. Совершенно обычная, а имя по нынешним временам

достаточно редкое – Глеб. Потому его и запомнил.

– А что он забыл в том районе? – поразился Артём: – Там же в лесу нет никакого жилья на триста километров вокруг. Стоит лишь пустая деревня Елховка и всё.

– Вот и я удивился по этому поводу. – сказал другу Виктор: – Но спрашивать парня не стал. Мало ли сейчас горожан, сдвинутых на экологически чистом туризме?

Может быть, он сдуру решил проверить себя на прочность в экстремальных условиях? Вот и проверил так, что едва живой на станцию выбрался. Небось теперь будет намного умнее. Не станет соваться один в совершенно непролазные дебри.

Выслушав этот рассказ, Артём поразился тому, как тесен мир. Он внезапно решил, что нужно написать Глебу большое письмо. Узнать он ли это был на станции «Речка Холодная» и что он там делал тогда? Не искал ли он ту таинственную долину, в которой жрецы вогульских племён заточили тёмного духа?

К сожалению, он так и не смог этого сделать. Сначала, он пытался найти работу в Подгорске, но с огромным трудом устроился только охранником. Потом, попал в особняк Селивёрстова. Там в жизнь вмешались другие дела, и всё вылетело из его головы.

В первую очередь, его взволновали исчезновение электрика Лёни и Светы. Но, теперь после пропажи самого архитектора, сам Бог велит созвониться с бывшим армейским прия-

телем. Раз с Глебом творятся такие странные вещи то, может быть, он знает чуть больше, чем этот шарлатан экстрасенс?

Прохор. Музыкальная беседка

Как и все предыдущие прихоти, последняя задумка учёного барина оказалась весьма непростой в исполнении. Так что, его крепостным досталась изрядно. Помучались, как говорится, до кровавого пота.

Сначала Яков Брюс привёл Прохора на небольшую лужайку, лежавшую возле главной аллеи обширного хозяйского сада. Встал посредине и вынул из кармана пачку бумаг. Отдал механику и велел сделать всё в точности по его чертежам.

Сперва холопы вырыли огромную круглую яму. Она оказалась диаметром в две прямых сажени и в пять аршин глубиной. Причём, пришлось повозиться с землёй, которую лопатами добыли из недр.

Её не сваливали у котлована, а насыпали в большие корзины. Аккуратно, стараясь не испортить дорогие газоны, уносили с территории сада и только там грузили в телеги. Потом, холопы везли грунт за две версты и сбрасывали в глубокий овраг.

Когда покончили с этой работой, слуги взялись за новое дело. Возвели в яме сруб правильной восьмиугольной формы. Покрыли его толстыми сосновыми брёвнами. Настелили полы из досок, а сбоку прорезали низкую дверь. Затем, всё конструкции хорошо осмолили за несколько раз.

На прочную кровлю поставили восемь труб, сваренных из стального листа. Они были длинной в пять аршин и диаметром в мужскую ладонь. Внутри каждой из них входила слуховая труба, идущая из глубокого бункера.

После этого, слуги принялись рыть просторный ход под землёй. Такой, чтобы можно было свободно пройти одному человеку. Тайный лаз начинался от боковой двери деревянного схрона. Шёл под газоном десяток саженей и выходил на поверхность в гуще кустов, растущих недалеко от поляны. Чтобы грунт не обвалился, его облицевали тонкими брёвнами, словно какой-нибудь погреб.

Вход в подземелье с особым усердием замаскировали дёрном с травой. Так что, найти его оказалось почти невозможным. Пройдёшь в одном шаге от крышки широкого люка и вряд ли заметишь.

Грунтом, добытым при рытье длинного и удобного лаза, завалили весь котлован вместе со срубом. От верха покрытия бункера до уровня английских газонов получилось чуть больше трёх пядей земли.

Потом обратную засыпку хорошо уплотнили. После чего оказалось, что из ровной, как стол, круглой площадки торчат лишь восемь тонких опор высотой в четыре аршина. На них собрали небольшой павильон и покрасили в цвет свежего снега.

Цоколь у постройки делать не стали, а тонкий пол из досок, парил в воздухе на высоте в один локоть. Всю земли во-

круг и, под самую беседкой, покрыли пластами из плотного дёрна.

Они были заранее засажены ярко зелёной английской травой. Поэтому, слились с общим газоном, словно родные. И захочешь, найти швы между ними, да только, как ни старайся, не сможешь.

По готовому подземному входу, в бункер принесли большую концертную арфу. Поставили посреди помещения, а рядом посадили холопа, который умел играть на таком большом инструменте.

Музыкант дёргал за тонкие струны. Колебания воздуха проникали в огромные раструбы, а затем и в широкие слуховые трубы. Из них, звук попадал в восемь металлических пустотелых колонн. Поднимался наверх и сквозь тонкие щели разлетался по всему павильону.

Когда всё было готово, хозяин пришёл в свой чудесный английский сад. Осмотрел всю постройку сверху до низу и остался доволен её внешним видом. Затем, он решил убедиться, как работает его небывалый сюрприз?

Господин встал под крышу беседки и дважды хлопнул в ладоши. Прохор и, сидевший у инструмента холоп, сразу услышали нужный сигнал. Музыкант заиграл какую-то мелодичную песню. Яков Брюс услышал мелодию и отдал новый приказ, но уже голосом: – Выключить струнную музыку. – сказал он и на этом проверка закончилась.

В назначенный день, вельможные гости хозяина пришли с ним в беседку. Услышали нежные звуки, льющиеся неизвестно откуда, и изрядно тому удивились. Они осмотрели весь павильон снизу до самого верху, но так ничего не нашли.

Потом, Яков Брюс объяснил, господам какие сигналы нужно подать, чтобы мелодия замерла или вновь зазвучала. После чего, приглашённые люди радостно плескали в ладоши, и веселись, как малые дети.

Холоп играл одну песнь за другой, и так продолжалось почти около часа. Затем, хозяин увёл сановных господ к богато накрытым столам. Всё, наконец-то, закончилось и Прохор с музыкальным холопом, выбрались из тёмного погреба.

Несмотря на большой короб, по которому в бункер поступал свежий воздух, там было душно и сыро. Так что, сидеть в подземелье вдвоём оказалось весьма тяжело. Поэтому, Прохор больше не лазал туда. Нечего ему там больше делать. Играть на арфе он не умеет, а потреблять кислород просто так, ни чему.

Потом, Яков Брюс много раз водил в ту беседку различных гостей. Музыкант им играл, а господа, веселясь от души, отдавали простые команды: – Начать, или закончить мелодию.

Глеб. Размышления над артефактом

Парень внимательно осмотрел уколотый палец. Ранка не кровоточила, но всё ещё сильно болела. Решив, что травмировать её пока что не стоит он, действуя одной правой рукой, перевернул старинный ларец. Взял со стола деревянную плашку и аккуратно закрыл небольшой тайничок. Дощечка тихонечко щёлкнула и плотно встала на прежнее место.

Отложив шкатулку в сторонку, парень стал размышлять: — «Если «ходики» в кухне показывали точное время, а ручные часы сильно отстали, значит, у странной вещицы есть определённый радиус действия».

Глеб повертел головой и осмотрел свою тесную комнату. От столешницы, где лежала блестящая гильза, до продольной стены, отделявшей спальню от маленькой кухни, было не более двух с чем-то метров. Плюс толщина тонкой перегородки из железобетона. Приблизительно столько же до соседней квартиры.

Наверняка это и есть зона воздействия. Выходит, если часы положить на тот шкаф, что стоит у двери, то они не попадут в зону влияния игл и цилиндрика. Оставаясь возле стола, я посмотрю на их циферблат и наручный хронометр и замечу разницу в движении стрелок».

Не откладывая опыты в долгую очередь, он сходил в ком-

нату мамы. Принёс оттуда её современный электронный будильник и установил, как можно дальше от гильзы. На глаз прикинул то расстояние, что разделяло предметы. Вышло не менее трёх с чем-то метров.

– «Наверное хватить». – сказал себе Глеб. Стоя возле шка-тулки, он посмотрел на ярко горящие, светодиодные цифры новых часов. Как парень и думал, они были прекрасно видны с данного места. Сверив с интернетом ход всех приборов, он тщательно синхронизировал их между собой. Было уже четверть третьего.

Сев на стул, стоящий возле стола, Глеб взял в руки странную гильзу и опять ощутил лёгкую слабость. Чуть погодя, он избавился от неприятного чувства и взглянул на ручные часы.

На его придиричивый взгляд, секундная стрелка двигалась совершенно нормально. Очень ровно и без каких-либо заметных рывков. Он перевел взгляд на будильник и едва не вскрикнул от ужаса.

Отмеряя уходящее время, электронные цифры скакали с потрясающей скоростью. Пока парень удивлённо хлопал глазами, на будильнике уже почти проскочила пара минут. Он поднёс к глазам циферблат наручных часов. Там указатель секунд едва успел пройти всего один круг.

Глеб удобно откинулся на спинку мягкого стула. Набрался терпения и, впериwв взор в свой дешёвый «брегет», начал следить за неторопливым движением самой тоненькой стрелки.

Когда минуло шесть десятков секунд, он посмотрел на будильник, стоящий возле дверей. По показаниям электронного измерителя времени выходило, что прошло уже две полных минуты.

– «Значит, стоит мне взять гильзу голой рукой, как я попадаю в поток, текущий два раза медленней, чем тот, который меня окружал от рождения». – ошарашено резюмировал Глеб свои наблюдения.

– «Но почему мама не разглядела меня, когда входила сюда? Причём, всё вышло так же, как, многие годы назад, когда меня не заметила бабушка. В то же самое время, я хорошо вижу дверь и всю обстановку».

Он перевёл взгляд на зеркало шкафа и с удивлением понял, что там нет его отражения. Зато, всё остальное находилось на прежних местах – стены, диван, компьютерный стол и мягкий стул на колёсиках. Однако, сидящий на нём молодой человек почему-то отсутствовал.

– «Выходит, что, при переходе в поток другого течения времени, меняются какие-то свойства моего организма, и я становлюсь невидимым для всех прочих людей? Вот откуда и пошли легенды о различных вампирах, волшебниках и коврах-невидимках. Или там были плащи и шапки-ушанки?» – мелькнула у него странная мысль.

Парень немедленно одёрнул себя и сделал естественный вывод: – «Как бы то ни было, но лет пятнадцать назад, внука не заметила бабушка. Сегодня мама так же не видела сына».

Следуя внезапному импульсу, он прикоснулся рукою к столу. Тот мгновенно исчез из числа других отражений.

– «Перенёсся вместе со мной в соседний поток, а зеркало, как и все наблюдатели, осталось в том, прежнем пространстве». – подвёл парень очевидный итог. Он оторвал руку от гладкой столешницы. Четвероногий предмет старой мебели мгновенно возник в глубинах стекла, покрытого изнутри амальгамой.

Глеб чуть поиграл в исчезновения разных предметов. Посмотрел на часы и заметил, что прошло уже четверть часа. Глядя на шкаф, он осторожно положил гильзу на кусочек белого шёлка, и с облегчением увидел себя, сидящего в мягком офисном кресле. Стол тоже оказался на месте и, как ему и положено, отражался в мельчайших подробностях.

– «Выходит, что гильза, как плащ-невидимка воздействует лишь на живых, теплокровных существ, вроде меня. Иначе она пропала бы вместе с предметом, на который её положили». – пришёл к новому выводу парень.

– «По крайней мере, на меня эта гильза точно влияет. Хотя, если я попадаю в другой поток времени и оттуда касаюсь чего-то, лежащего здесь, то данный предмет пропадает вместе со мной. Да с такой замечательной штукой можно брать, что захочешь, хоть в крупном банке, хоть в любом магазине».

Развеселившись от неожиданной мысли, Глеб и тут же

устыдился своих, невесть откуда возникших, криминальных наклонностей: – «Судя по тому, как жили мои дедушка с бабушкой, они не пользовались подобной возможностью. Всегда зарабатывали на жизнь своими руками».

Отбросив идею несправедного обогащения, Глеб на секунду задумался: – «Я вижу всё, что происходит в обоих пространствах. Наверное, амулет действует так на меня и позволяет видеть всё сразу».

Кстати сказать, тот самый поток, в котором я сейчас нахожусь, движется вдвое медленней, чем тот, в котором живут все существа. Почему, же я не отстаю от обычного течения времени, а двигаюсь параллельно ему?

Смотрю, как кино в сильно ускоренном темпе. Вижу, как скачут электронные цифры, как быстро прыгает секундная стрелка. Выходит, что всё вокруг движется с одинаковой скоростью. Просто, при переходе из одного потока в другой, меняется лишь моё субъективное время».

Парень продолжил весьма увлекательный эксперимент. Взял в руки гильзу. Вытащил пробку и осторожно вытряхнул на ладонь одну иглу из семи.

Присмотрелся к цифрам на электронном будильнике и понял, что они замелькали намного быстрее. Парень вдруг понял, что одна игла, касавшаяся кожи руки, переносит человека в поток, двигавшийся в три раза медленнее нормального течения времени.

Две необычных иглы зашвырнули его в новый поток, теку-

щий уже вчетверо тише. Так продолжалось до тех пор, пока на его ладони не оказались все иглы, а затем и старая гильза.

После короткой заминки выяснилось, что сейчас он живёт в восемь раз медленней, чем все остальные. Теперь секундные цифры на электронном будильнике мелькали с ужасающей скоростью.

– «По сравнению со всеми людьми на Земле, для меня всё почти что застыло». – с непонятным для себя удовольствием констатировал Глеб.

– «За один день в данном потоке, там, при нормальном течении времени, неделя пролетит без следа. Не об этом ли просил Мефистофеля доктор по имени Фауст. Как он тогда говорил?

– «Остановись мгновенье, ты прекрасно».

Похоже, что и в русских сказаниях говорится о том же эффекте: – «На седьмом небе от счастья». – и здесь семь странных игл. Кругом та же, всем знакомая цифра. С другой стороны, футлярчик как-то нейтрализует то ускорение, что вызывают предметы. Он как-то снижает скорость потока до двух к одному».

Восьмая глава

Яков Брюс. Новые неприятности

«Придворный» механик шагнул через порог. Хозяин увидел, что с Прохором ничего не случилось и облегчённо вздохнул. Спросил, что он видит в №Рапирной зале»? Услышал в ответ, что в там нет никого, ни холопов, ни пёстрой кошки.

Немного подумал. Вспомнил короткую фразу из древнего трактата алхимиков. Велел слуге достать из футлярчика одну из иглонок и уколоть себя в палец. Тот немедленно выполнил приказ господина и внезапно застыл, словно деревянная статуя.

Яков Брюс так испугался, что даже подпрыгнул на месте. Он решил, что под воздействием волшебной машины, холоп превратился в нечто похожее на соляной столб, о котором упоминается в Библии.

Потом, пригляделся внимательней и понял, что Прохор всё-таки немного шевелится. Только в очень медленном темпе. Точно так дёргалось небольшое животное под названием – ленивец. Яков Брюс видел такой куриоз в Лондонском парке заморских зверей. Хотя, если припомнить, тот странный

монстр ползал намного быстрее, чем сейчас двигался его верный холоп.

Стараясь произносить все слова, как можно понятней, хозяин начал кричать крепостному, чтобы тот вышел из залы на лестницу. Вдруг влиянье волшебной машины исчезнет, и надёжный слуга вернётся к прежнему образу жизни? Даст Бог, постепенно он оклемается и сможет так же работать, как раньше.

Хозяин заметил, как нестерпимо неспешно Прохор сжал тяжёлый кулак, в котором держал иглы с футлярчиком. Так же неспешно скривился от боли и тотчас бесследно пропал. Исчез из поля зрения Якова Брюса, так же, как кошка неделю назад.

Какое-то время, хозяин стоял неподвижно и не мог поверить себе. Потом, долго тёр кулаками глаза. Отнимал их от лица и очень сильно надеялся вновь увидеть слугу. Пусть он и двигался бы, словно заморский ленивец. Зато был в Божьем мире, а не в том зачарованном месте, куда, по словам древних алхимиков, переносит машина.

Минут через пять, Яков Брюс осознал, что ждать появления механика больше не стоит. Шумно вздохнул и угрюмо подумал: – «Вряд ли он теперь сюда возвратится. Пропал вместе теми холопами и пёстрою кошкой и, скорее всего, навсегда».

Он тяжёло повернулся и устало пошёл вниз по лестнице. Когда господин прошёл пару высоких пролётов, он совсем

успокоился и, пытаясь как-то себя оправдать, тихо добавил:

– С другой стороны, так значительно лучше. Зачем мне теперь эта снулая рыба? Какой с него будет толк? Его уже никому не продашь, а если заставишь трудиться, то он будет работать так медленно, что взвоешь от ярости. Не сдержишь себя, да и прибьёшь сгоряча.

Спустившись на первый этаж, Брюс позвал к себе постового, который сторожил здание Сухарёвских казарм, а заодно и «Навигацкую школу». Приказал пожилому солдату запереть прочную дверь, ведущую в высокую башню, и без его разрешения никого, туда не пускать.

Прошёл в свой кабинет. Поработал немного с бумагами, касающихся государственных дел. Встал и, совершенно расстроенный пропажей механика, приказал приготовить карету. Когда ему сообщили, что экипаж стоит у крыльца, Яков вышел на улицу.

Поднялся в коляску и уже собрался поехать домой, как увидел, что сторож гладит пёструю кошку. Пригляделся и понял, что это тот же самый тощий зверёк, которого он вместе с Прохором, пустил в восьмиугольную залу. Только на ней не было того амулета, что висел на худенькой шее неделю назад.

– «Видно какой-то чудака польстился на яркий блеск берега». – с усмешкой подумал вельможа: – «Решил, что он золотой и, в надежде продать, припрятал небольшую вещицу».

Господин выбрался из удобной кареты. Позвал к себе двух

нижних чинов, стоявших поблизости. Распорядился схватить старика, державшего кошку, и отвести в глубокий подвал.

Чин генерала, позволял Якову Брюсу отдавать и не такие крутые приказы. По его повелению, приходила в движение вся артиллерия великой страны, а тут, подумаешь, какой-то безродный холоп. Только кивнёт знатный вельможа, и беднягу повесят на ближайшем суку, без всякого следствия.

Старика схватили под руки и, не слушая его лепетания, отвели в подземелье, где была одна из секретных лабораторий учёного. Яков Брюс указал на чучело большого варана, висевшего на ближайшей стене, и твёрдо сказал бедолаге: – Или ты ответишь, мне всё, как на духу. Или я тебя превращу в такое животное. Ты меня понял мерзавец?

Испуганный донельзя солдат, упал на худые колени и закивал, словно игрушечный китайский болванчик: – Всё скажу барин, только дозвожь помереть в обычном человеческом облике. Не то мне и перекреститься будет нельзя и души своей не спасти.

– Говори, куда дел цепочку с медалькой, что висела на той пёстрой кошке? – закричал Яков Брюс и, для нагнетания сильного страха, шумно затопал ногами.

– Клянусь, что не было на ней ничего. – вымолвил несчастный старик и размазывая слезы по худому лицу стал причитать: – Сроду чужого не брал, тем более, что-то гос-

подское. Отпусти милый барин душу на покаяние. Вечно буду за тебя Бога молить.

– Не хочешь, значит, правду сказать! – зло прорычал «чернокнижник»: – Ну братец, как знаешь. Пойдёшь сразу в ад! – он взял со стола щепоть порошка. Бросил на небольшую жаровню, а следом, плеснул туда из какой-то тёмной бутылочки. На холодных углях вспыхнуло огромное пламя. Воздух настолько заполнился удушливым газом, что стало трудно дышать.

Солдаты, что стояли возле порога, резко качнулись назад. Зажали нос от зловония и страшно закашляли. Старик жалобно пискнул. Закатил белёсые глазки под морщинистый лоб и свалился на пол, словно куль с отрубями.

Яков Брюс посмотрел на древнего воина, сомлевшего от сильного страха. Повернулся к дрожащим солдатам и крикнул: – Вылейте на него ушат холодной воды. Как только очнётся, продолжим допрос.

Два нижних чина выскочили за прочную дверь и помчались искать большое ведро, чтобы выполнить приказ колдуна. Вернулись они очень скоро, но не успели облить старика, как в дверь постучали.

– Кто там ещё? – рыкнул вельможа оглушительным голосом.

– Ваше превосходительство, – пролепетали из коридора: – в дверь, что вы велели недавно закрыть, кто-то сильно стучит изнутри. Громко кричит и рвётся наружу.

– В ту дверь, что ведёт на верхние ярусы башни? – уточнил Яков Брюс.

– Так точно, господин генерал.

Стараясь не выходить из образа злобного мага, Яков Брюс проревел: – Отпереть эту дверь. Взять наглеца, что в неё сильно стучит и привести его прямо сюда. Там поглядим, как его будем казнить.

Солдаты поставили ведро с водой на пол и, громко стуча каблуками сапог, помчались на первый этаж.

Через пару минут, в коридоре подвала послышался шум и возня. Дверь внезапно открылась и в лабораторию ввалились трое старых служивых. С собой они притащили пожилого мужчину, лет сорока. Судя по грязной одежде, простого рабоче-го.

Он, вырывался из рук конвоиров. Извивался, как ужака под вилами и дико кричал, что-то невнятное. Увидев учёного, упал на колени и, вопя во весь голос, пополз прямо к нему.

Из буйных криков холопа, Яков Брюс вдруг уяснил, что это один из его крепостных. Тот краснодеревщик, которому он поручил отделать тиком обширную «Рапирную залу».

– «Слава Богу,» – облегчённо подумал хозяин: – «вернулся вслед за пёстрою кошкой. Глядишь скоро и другие появятся». – он посмотрел на старика, лежавшего на полу без сознания.

Заметил, что тот стал слегка шевелиться и, на радостях от появления паркетчика, ласково обратился к нему: – Поднимайся солдат. Бог с ней с той паршивой медалькой. Не стоит она того, чтобы губить твою христианскую душу.

Потом, полез в правый карман дорогого кафтана. Там он держал очень мелкие медные деньги. Вдруг придётся нищим подать, или наступит ещё какая другая напасть?

Серебро он держал в левом кармане, а драгоценное золото с собой и вовсе никогда не носил. Пусть в доме лежит, в большом сундуке с очень прочным запором. А если придётся с кем расплатиться благородным металлом, так тот, кому нужно, придёт в особняк и всё получит на месте.

Пошарив в кармане, Яков Брюс вытащил небольшую монетку «полполушку», стоимостью в 1/8 копейки. Протянул старику, уже стоявшему на дрожащих коленях, и спокойно сказал: – Возьми братец себе. Купи, что-нибудь на базаре.

Не веря тому, что его отпустили живым, старик подполз к вельможному барину. Принял медную денежку и попытался поцеловать руку дающего.

Яков Брюс брезгливо отдёрнул ладонь. Повернулся к солдатам. Ткнул пальцев в дрожащего от страха паркетчика и приказал: – Отведите моего крепостного в «холодную». Заприте и дайте ему хлеба с водой. Завтра я с ним с утра разберусь.

Если из башни выйдет кто-то другой, схватите и посадите вместе с этим холопом. Будут кричать, и рассказывать жут-

кие байки, бейте всем прямо по мордам. Нечего добрых людей на ночь пугать. Не то пойдут разные сплетни по городу.

Услышав такие слова, паркетчик сразу притих и благодарно подумал: – «Хорошо, что не велел заковать в кандалы. А ведь мог рассерчать за мои страшные крики или, хуже того, счесть бесноватым».

Утром нового дня, Яков Брюс приехал в коляске к Сухарёвским казармам. От его особняка до крыльца огромного здания было всего нечего. Можно, конечно, пройти и пешком, но всё ж таки, он генерал. Нужно блюсти все приличия в городе.

Господин вошёл в просторные сени. Выслушал доклад старика постового и узнал весьма интересные новости. В первую очередь те, что случились после того, как он вчера отбыл домой.

Спустя шесть часов, ближе к полуночи, в дверь, ведущую в башню, начали громко стучать изнутри. Солдаты были готовы к такому повороту событий. Отперли крепкий замок и увидели то, о чём говорил им «чернокнижник».

На пороге стоял пожилой человек. Сильно рвался наружу и что-то кричал о дьявольской силе, о невидимых демонах и прочих таинственных ужасах. Как и приказывал барин, слушать его, конечно, не стали.

Отвели прямо в «холодную». Посадили к тому крепостному, что сидел там с раннего вечера, и закрыли на ключ.

Ближе к рассвету появился и третий мужик. С ним поступили так же, как с прочими.

Выслушав доклад отставного солдата, Яков спустился в застенки. Строго посмотрел на трёх своих крепостных, дрожащих от сильного страха. Приказал им всем крепко держать язык за зубами и никому ничего никогда не рассказывать.

Особливо о последнем таинственном случае. О том, как какая-то огромная сила мгновенно подняла их с пола огромного восьмиугольного зала. Перенесла неизвестно куда, а потом вернула обратно. Причём, сделала это спустя несколько месяцев, после укладки последних плашек паркета.

Заодно, вельможный хозяин сказал, что если холопы станут болтать, то он прикажет вырвать всем языки и выпороть до потери сознания. После чего, продаст всех купцу первой гильдии Никите Демидову.

Ему чрезвычайно нужны мужики для работы на уральских железоплавильных заводах. А то старые крепостные почти все передохли. Будут ослушники копать уголь с рудой, да варить из неё чугун и железо.

Испуганные краснодеревщики упали ничком перед своим господином и поклялись на животворящем кресте, что никому, ничего, никогда не расскажут. Сию страшную тайну они унесут с собою в могилу.

Потом, Брюс повернулся к солдатам, что охраняли Сухарёвскую башню и очень грозно добавил. Мол, это и вас то-

же касается. Господину Демидову солдаты очень нужны. Все болтуны скоро окажутся в глухой уральской тайге, где будут ловить беглых людей.

Пожилые служивые дружно бухнулись в ноги и поклялись, что будут немые, как рыбы. Яков Брюс сделал вид, что поверил и тем и другим. После чего, паркетчиков сразу отправил в имение в Глинки, а солдаты остались служить в Сухарёвских казармах.

Прошло чуть больше недели и по Москве пошли ещё более страшные слухи. Говорили о том, что московский колдун заключил новую сделку с врагом человеческим. Теперь по приказу волшебника, демоны воруют холопов в других городах и доставляют их напрямиком в Сухарёвскую башню.

Несчастные люди бегут по лестнице вниз. Там их ловят солдаты и отдают чернокнижнику Брюсу для различных магических опытов. Он из них делает ползучих чудовищ и напускает на честных христиан.

Купец Селивёрстов. Гражданская война

Компания 1914-го года официально носила гордое имя – Великой войны, или, как её сразу принялись величать журналисты – Вторая Отечественная. Подразумевалось, что Первая бойня случилась в 1812 – 1814 годах, когда Россия дралась с Бонапартом и его сателлитами. А к ним в то давнее время, принадлежала почти вся Европа.

Однако, такое почтительное отношение к ужасным событиям продолжалось очень недолго. Постепенно градус уважения снизился и прижилось более прозаичное прозвище, почти что, дворовая кличка – Германская бойня.

Жертвы и лишения всё увеличивались, а победы так и не было видно. Людей угнетала скудная жизнь и тяжёлая работа без выходных и каких-либо праздников. Очень скоро всё это вылилось в недовольство существующей императорской властью. Скопившееся в стране напряжение стремительно рванулось наружу, и в феврале 1917-го началась революция.

Купец первой гильдии, господин Селивёрстов обладал изрядною сметкой и большой дальновидностью. К тому времени он уже перевёл главную часть своих капиталов в нейтральные страны.

Оставил дела на ловких умелых приказчиков. Собрал в

чемодан дорогие и, любимые сердцу, вещицы и укатил на Дальний Восток. Там сел на первый же пароход и отправился ещё дальше, в Северо-Американские Соединённые Штаты.

В его чудном доме почти никто и не жил. Лишь несколько слуг постоянно работали в огромном особняке. Они следили за тем, чтобы кровля нигде не текла. Топили печи зимой и таким образом, спасали великолепное здание от разрушения суровым Трёхреченским климатом.

Тем временем, катастрофа в стране развивалась невероятно бурными темпами. Недовольство людей стремительно продолжало расти, и всё это вылилось в переворот, произошедший в городе Питере в октябре 1917 года.

За ним произошёл развал великой страны и начались ужасы крупномасштабной гражданской войны. Докатилось столь страшное бедствие и до Подгорска, затерянного в глухой непролазной тайге.

Как это часто бывает, город много раз переходил из одних рук в другие. Красные сменяли белогвардейцев, тех, в свою очередь выбили из города, недавно освобождённые, пленные чехи. Затем приходили японцы, отряды самостийных казаков, а то и просто не пойми кто и откуда. То ли повстанцы, то ли просто бандиты?

Ничего не было странного в том, что все вновь «преходящие» власти Подгорска стремились устроиться в доме купца Селивёрстова. Во-первых, это был самый большой особняк

в радиусе ста с лишним вёрст.

Во-вторых, возле него имелся обширный замечательный сад, который можно было пустить на дрова. В-третьих, он находился в самом центре сибирского заштатного города.

В-четвёртых, толстые стены и большая надстройка, позволяли его защищать значительно лучше, чем все соседние здания. Оно и понятно, ведь на открытой площадке седьмого, очень высокого, яруса легко размещалось пять или шесть пулемётов, способных простреливать всю близь лежащую местность.

Во время одного из боёв за Подгорск, крупнокалиберный артиллерийский снаряд врезался в башню чуть ниже смотрового гнезда и разнёс вдребезги большие куранты. Новый фугас ударил чуть ниже первого и попал в приснопамятную восьмиугольную залу.

От мощных взрывов тротила, стены пошли длинными трещинами. Высоченная каланча слегка накренилась. Казалось бы, несокрушимая кирпичная кладка содрогнулась от ужасных ударов и из неё вовсе стороны полетели обломки. Вместе с ними на крышу трёхэтажного здания упали три пулемёта «Максим» и с десятков солдат в чёрной повстанческой форме.

Следом свалилось несколько трупов, обгоревших от страшного взрыва. Причём, один из них был очень стройным и похоже, что женским. Самое удивительное было в том, что трое из них были когда-то одеты в одежду мастеровитых

рабочих, а четвёртый в новую форму царского городского. Погибшую девушку некогда украшало платье горничной из очень богатого дома.

Пять мёртвых тел рухнули на позеленевшую от времени скатную крышу. В разные стороны брызнула ярко-алая кровь и широко оросила благородную медную патину.

Потеряв отличную пулемётную точку, засевшие в доме вояки тотчас прекратили стрельбу и в страшной панике покинули осаждённое здание. Крича и ликуя, победители заняли город. По давней традиции, они, как и все остальные, заняли особняк купца Селивёрстова под штаб-квартиру своей воинской части.

Первым делом, новая власть, очистила дом от трупов убитых врагов. В том числе и от тех, что лежали на крыше трёхэтажной части огромного здания. Разбираться в том, как среди погибших солдат оказалось пятеро странных людей никто, конечно, не стал. Тем более, что один из них был полицейским в давно отменённом царском мундире.

Так уж случилось, что местные жители не входили в число новых правящих органов. Поэтому, легенду о «проклятом» прогулочном зале, новые хозяева города сроду не слышали.

Благодаря чему, никто из них не задумался: – «Где очень долгое время находились те люди, что когда-то давно вошли в восьмиугольную залу? И откуда их принесло взрывом тех мощных снарядов?»

Всех погибших просто стащили на ближайшее кладбище,

где и зарыли в общей безымянной могиле. Так тогда делали по всей многострадальной России.

Охранник Корчмаря. Звонок Глебу

Артём не стал писать Глебу большое письмо. Вместо этого он позвонил однокласснику, работавшему в Подгорской полиции, и назвал нужное имя с фамилией. Спустя пять минут пришла смс-ка, в которой были два номера телефона – стационарный и сотовый.

Получив все нужные данные, охранник с трудом дождался наступления вечера. Вернувшись в квартиру с работы, он позвонил в дом армейского друга и, наконец-то, услышал слегка настороженный голос. После пары секунд обычной неловкости, Глеб всё же узнал земляка. Следующие десять минут, они беззаботно болтали о былых временах.

Восторги по поводу встречи, скоро утихли, и Артём уловил в словах парня скрытый вопрос: – Чего это ты вдруг решил со мною связаться? У тебя что-то случилось и тебе нужна моя помощь? – секьюрити не стал долго юлить и немедленно выложил причину звонка.

Глеб внимательно выслушал короткий рассказ. Пару секунд помолчал и спросил прямо в лоб: – А я тут при чём?

Сильно смущаясь, Артём рассказал про визит экстрасенса-мошенника, который сам крутил проволоку в стеклянной пробирке. Потом, стал выражаться ещё более путано. С огромным трудом формулировал длинную фразу и выложил

свои подозрения, по поводу аномальных способностей Глеба.

Тот молча выслушал, но ничего не ответил. В трубке повисло молчание. Чтобы как-то сгладить неловкость, охранник начал рассказывать о замечательном особняке Селивёрстова. Первым делом, он сообщил, что теперь этот дом принадлежит местному олигарху Николай Александрычу.

– Корчмарю? – резко вскинулся Глеб, и в его голосе слышались удивлённые нотки: – А ты как с ним связался? – спросил парень однополчанина и в этих словах уже проскользнула явная холодность.

– Да никак. – поспешил успокоить Артём своего сослуживца по армии: – Работаю обычным охранником в его огромном дворце. Нас таких, тут человек двадцать болтается в разные смены. Кто на вахте стоит внутри здания, а кто на воротах. Да ещё многочисленные слуги по дому.

Я, например, с Корчмарем не знаком и даже не видел олигарха ни разу. Так что, это моя личная просьба, а не хозяйина дома. Дело в том, что Света мне очень нравится. Это та самая девушка, которая недавно пропала. Вот я и хочу её отыскать.

Глеб угрюмо молчал. Пытаясь как-то сгладить возникший напряг, Артём принялся, сжато описывать всю историю дома. Начал с того, что особняк практически точная копия Сухаревских казарм, некогда стоявших в Москве. Добавил, что все люди пропали на пятом ярусе здания. Там, где все окна

закрты оконными переплётми с невероятно сложным орнаментом.

– Пришли мне фотографии тех витражей. – вдруг перебил приятеля Глеб: – Я посмотрю и скажу, приеду я к тебе или нет.

– Договорились. – с большим облегчением согласился Артём: – С утра я сгоняю на службу. Щёлкну все переплёты на видеокамеру своего телефона и сразу пришлю тебе фотки.

– Завтра я их посмотрю и тебе позвоню. – оборвал Глеб беседу. Старые друзья попрощались и одновременно повесили трубки.

Прохор. Возвращение из волшебной машины

«Придворный» механик глянул в сторону лестницы и в очередной раз удивился. Площадка оказалась совершенно пустой: – «Куда же мой барин то делся?» – мелькнула короткая мысль. Секунду спустя, она сменилась неопишным ужасом: – «Неужели я тоже пропал из Божьего мира и перенёсся неизвестно куда?»

Тут он увидел пёструю кошку, стоящую возле порога и внезапно почувствовал чьё-то присутствие сзади. Ожидая увидеть рогатого дьявола, Прохор медленно повернулся, и наткнулся взглядом на трёх мужиков. Мастеровые стояли на коленях в дальнем углу помещения.

Причём, все находились в тех самых позах, по которым можно было легко угадать, что они делали мгновение назад? Один уложил последнюю плашку паркета и ещё не оторвал от неё кончики пальцев. Двое других уже собрали весь инструмент в свои тяжёлые ящики. Положили на них правые руки и были готовы встать на ноги.

– Вы как здесь оказались? – потрясённо воскликнул механик: – Я же вас подлецов уже полгода ищу.

К ужасу изумлённого Прохора, его громкий крик пропал, словно глас пророка в безлюдной пустыне. Ни мужики, ни

пёстрая кошка не шевельнулись, не говоря уж о том, чтобы хоть как-то ответить на возглас механика.

Проخور немного подумал, и решил, что не стоит ему пока отходить от порога. Кто его знает, какая напасть поджидает его в другом месте волшебной машины? Вдруг там возникнут ещё какие-то силы, которые перенесут его неизвестно куда?

Он вернулся к двери, нагнулся и осторожно потрогал хвостящую кошку. Его пальцы наткнулись на нечто холодное. Кроме того, тощее тельце было удивительно твёрдым, словно его изготовили из прочного камня.

Механик поднял зверька с паркетного пола и осторожно повертел перед собой. Со стороны это выглядело так же, как если бы он взял в руки обычное чучело и принялся его изучать.

– «От воздействия волшебной машины меня защитил оберег. У бедной твари была только монетка из чудесного сплава. Похоже, что этого мало, и устройство алхимиков убило несчастную кошку». – печально подумал механик.

Внезапно ему в голову пришла новая мысль: – «А может быть, она мёртвая только здесь, в пространстве «Рапирного зала»? Вдруг машина создала внутри себя некий зачарованный мир?

Недаром в трактатах алхимиков, сказано, что машина даёт возможность путешествовать из одного мира в другой. Может быть, живые твари здесь каменеют, а если вернуться

назад, то опять оживут? Нужно вынести её поскорее на лестницу и посмотреть, что с ней случится потом?»»

Он взялся за ручку двери и ощутил, что она даже не вздрогнула. Мужчина подумал, что хозяин, наверное, запер его на замок и решил, что хватит толкать её от себя. Именно в этот момент, створка очень медленно стронулась с места.

Он приложил ещё больше усилий, и панель понемногу начала отворяться. Скоро она открылась настолько, чтобы в неё можно было выпихнуть тощую пёструю кошку. Прохор разжал пальцы и отпустил изящную ручку. К его удивлению, дверь продолжила двигаться так же, как раньше.

Поразмыслив над странным явлением, он пришёл к очевидному выводу: – «Я укололся странной иглой. Оберег, как сказал господин, вкусил мою кровь. После чего, ч начал двигаться как-то иначе. Вернее сказать, с другой скоростью, значительно медленней.

Вот мне и почудилось, что барин, по сравнению со мной, вдруг стал мельтешить, словно Петрушка на ярмарке. Стало быть, те, кто оказался в сей комнате, остаются в полной неподвижности, словно мухи, застывшие в мёде».

Меж тем, лёгкая дверь продолжала движение и, похоже, не собиралась даже слегка тормозить: – «Так она, пожалуй, врежется в перегородку и побьёт множество стёкол. За это хозяин с меня три шкуры сдерёт». – обеспокоился Прохор.

Оставаясь внутри помещения, он вытянул руку и попытался остановить упрямую створку. На это у него ушло

столько же сил и терпения, как при открывании двери.

Справившись, с возросшей инерцией, Прохор облегчённо вздохнул и глянул на кошку. Он до сих пор держал её на весу, и она находила в пространстве машины. Оставалось только выпустить зверушку наружу.

Механик опустил на корточках и осторожно вытянул руку за невысокий порог витража. С неподвижным животным ничего не случилось. Оно не ожило, а по-прежнему было подобно маленькой каменной статуе.

Не разжимая ладонь левой руки, в которой он сжимал оберег, Прохор вытянул правую. Снял с животинки цепочку с круглой монеткой и аккуратно поставил зверька на площадку. Едва он отнял пальцы от шерсти, как кошка вдруг встрепенулась и кинулся вниз по ступенькам.

– «Слава Богу, жива». – облегчённо выдохнул Прохор: – «Будем надеяться, что и с тремя мужиками ничего не случилось».

Сунув кошачий оберег в свой карман, Прохор осторожно прошёл в угол просторного зала. Подхватил под мышки ближнего к двери холопа. Преодолевая невероятную тяжесть, приподнял над прекрасным паркетом и медленно поволок его к выходу.

Механик сильно боялся, что, оказавшись на лестнице, он потеряет возможность видеть трёх крепостных, застрявших в неведомом мире. Поэтому, Прохор решил, что не стоит пока выбираться из залы наружу.

– «Даже если я останусь тут навсегда, то, в крайнем случае, спасу христианские души». – эта мысль слегка приободрила его, и он с удвоенным рвением продолжил трудиться.

Не переступая порога волшебной машины, Прохор вытолкнул мужика на площадку. Тяжело переводя сорванное работой дыхание, он замер, чтобы чуть отдышаться. Затем, механик оторвал ладони от краснодеревщика.

Контакт с телом холопа прервался. Несокрушимая твёрдость мужчины мгновенно исчезла. Мастеровой как-то разом обмяк и безвольным кулём повалился на пол. Немедля вскочил и, дико озираясь по сторонам, бросился вниз по ступеням.

– «Похоже, что спасённый паркетчик меня не узрел, так же, как и мой господин». – тяжело вздохнул Прохор. Немного расслабился и стал про себя рассуждать:

– «Когда я вошёл в восьмиугольную комнату, волшебная машина успешно работала и переносила всё, что в неё попадёт, в неведомый зачарованный мир. От странных воздействий сего аппарата меня защищал оберег, сделанный по указанию алхимиков. Поэтому, я хорошо видел хозяина, и мне показалась, что зала совершенно пуста.

Меж тем, кошка стояла возле порога, и я должен был сбить животное с места. Значит, это устройство производит, самое малое, два странных действия. Переносит всё неизвестно куда, и делает невидимым и неосяжимым для всех

прочих людей.

Потом, я зажал иглы в ладони и слегка укололся. Дальше всё вышло так, как говорится в алхимических свитках. Я напитал амулет своей кровью и переместился в совершенно иное пространство. Брюс тотчас перестал меня замечать. Всё время вертел головой в разные стороны и смотрел мимо меня, как сквозь стекло.

Выходит, благодаря амулету мне удалось не только не застыть на месте каменной статуей, но даже разглядеть то, что «пропало» раньше меня. Кроме того, я не утратил способности к движению. Смог их ощутить, взять в руки и вытащить из волшебной машины».

Обдумывая странности, создаваемые непонятным устройством, он направился к двум прочим паркетчикам. Со вторым и с третьим холопом всё случилось в точности так, как и с их первым товарищем.

Попав на площадку, люди обретали подвижность. Тотчас приходили в себя. Всклакивали на ноги, словно ошпаренные. Ошарашено озирались и бросались бежать, куда попадет, лишь бы подальше от этого страшного места.

Оно и понятно, по их ощущениям, они только что находились в дальнем углу помещения, где завершали работу. Вдруг, в мгновение ока, какая-то страшная сила перенесла их прямо из зала на лестницу.

Не иначе, как это был какой-нибудь демон. Недаром,

столько болтают про колдовство, творимое Яковом Брюсом в таинственной башне. Оказавшись в таком положении, любой человек закричит: – «Чур, меня! Чур!» – и сломя голову помчится незнамо куда».

Инструмент краснодеревщиков Прохор решил пока что не брать. Сил уже не было, таскать эти несусветные тяжести. Хорошо, что двое холопов не сжимали пальцы на ручках своих объёмистых ящиков. Так что, их без труда удалось оторвать от поклажи и тащить к двери только тела крепких паркетчиков.

Нужно сказать, что они оказались не столько тяжелыми, сколько с ними было очень сложно управиться. Как отличный механик он хорошо понимал все странности поведения вещей внутри волшебной машины.

Конечно, амулет ему хорошо помогал, но только частично. Он позволял человеку двигаться в потоке застывшего времени, но лишь этим его возможности и ограничивались.

Поэтому, чтобы сдвинуть паркетчика с места приходилось преодолеть не только его значительный вес, но и мощные силы инерции. После того, как тело трогалось в путь и набирало нужную скорость, возникала совершенно другая проблема.

Нужно было задержать его на пороге волшебной машины. Иначе, тело могло швырнуть на площадку с недюжинной силой. Так что, опять приходилось помучиться. То есть, приложить столько же сил для их торможения. В привычном нам

мире всё происходило гораздо привычней.

Прохор слегка отдышался. Трижды перекрестился и, со страхом в душе, шагнул через порог волшебной машины. К его удивлению, в этот раз с ним ничего не случилось. Он недоумённо повертел головой и горько подумал: – «Значит, я навсегда останусь в зачарованном мире».

Он печально вздохнул и заметил, что до сих пор сжимает в своём кулаке амулет. Скорей по привычке к порядку, чем с какой-то иной, задней мыслью, он аккуратно сложил иглы в футлярчик. Поставил на место и защёлкнул круглую крышечку. Затем, механически сунул игольницу в ладанку.

Едва Прохор заправил мешочек за ворот холщовой рубахи, как он услышал за спиной лёгкий шум. Механик тотчас обернулся и с большим облегчением понял, что это был стук плавно закрывшейся створки.

Искушать свою судьбу снова мужчина совсем не хотел. Он не стал даже трогать ручку у двери. Трижды перекрестился. Запер вход на висячий замок и, как можно скорее, пошёл вниз, в кабинет к Якову Брюсу.

Постучав в дубовую резную филёнку, крепостной услышал раздражённый голос хозяина: – Кто там ещё?

– Извините меня Яков Вилимович. – чрезвычайно почтительно отозвался слуга: – Это я, ваш холоп по имени Прохор.

– Входи. – буквально взревел сильно рассерженный барин. Не заставляя себя долго упрашивать, «придворный» меха-

ник открыл высокую дверь и робко шагнул в кабинет.

– Ты где был негодяй? – разъярённым медведем заревел господин: – Я тебя подлеца уже целые сутки ищу. Давно ба-тогов на конюшне не пробовал? Запорою тебя насмерть. – на-кричавшись, Брюс слегка успокоился и добавил значительно тише : – Войди и закрой дверь поплотней!

Проخور захлопнул тяжёлую створку и, дрожа от сильного страха, застыл возле порога. Он хорошо понимал, чем вызван гнев сановного барина? Яков Брюс послал его в «Рапирную залу». Нужно было лишь посмотреть, что там и как и тотчас возвращаться обратно.

Он же задержался там, на весьма долгое время. Хотя, в общем-то, и не его та вина. Не оставлять же в устройстве алхимиков трёх несчастных паркетчиков. Кто ж знал, что всё так сильно затянется?

Пока он возился с холопами, ему показалось, что за окном вдруг потемнело, а потом опять рассвело. Однако, он так был занят тяжёлой работой, что не обратил на это никакого внимания.

Хозяин рванулся к слуге и подлетел к нему с такой удивительной скоростью, что механику показалось, сейчас его начнут бить смертным боем.

К удивлению помощника, барин лишь порывисто обнял его. Подвёл к своему большому столу и разместил перед столешницей. Сам же сел в удобное кресло и совершенно спокойно сказал: – Давай братец, рассказывай, что там случи-

лось в волшебной машине?

Узнав, что он отсутствовал почти целые сутки, Прохор не очень расстроился. Да, ему показалось, что он пробыл в комнате чуть более двух с половиной часов. Но во-первых, судя по движениям Якова Брюса, время в устройстве алхимиков текло значительно медленней, чем в Божьем мире.

Во-вторых, чтобы справиться с переносом трёх тяжёлых паркетчиков ему приходилось иногда отдыхать. Иначе, он просто не смог бы их вытащить из дальней части волшебной машины.

Решив оставить эту мысль на потом, Механик стал докладывать о своём приключении. А начал помощник с того времени, когда вынул иглу из футлярчика. Уколот себе палец и почувствовал, что его слегка затошнило.

Потом, он увидел вельможного барина мельтешившего, словно игрушка в детском вертепе. Ну, а затем, сжал все иглы в своём кулаке. Опять укололся и лишь после этого, увидел паркетчиков.

Не прерывая рассказа, Прохор сунул руку в карман. Вытащил небольшой амулет, снятый с кошки на лестнице, и положил на столешницу. Барин небрежно махнул левой рукой. Дескать, убери с глаз долой. Ничего он не сегодня стоит.

Крепостной поклонился хозяину. Быстро схватил медальон со стола и зажал его в кулаке. Вещица довольно приметная, сильно похожа на золото. Можно будет отдать жене

или сыну. Пусть себе носят, как память.

По окончании коротенькой повести Прохора, Яков Брюс какое-то время молчал, а потом заявил: – Сперва амулет не дал волшебной машине перенести тебя в чужой для нас мир. Про сей эффект подробно написано во всех старых свитках. А вот с кровью всё гораздо сложнее. Видно она запускает ещё какой-то необычный процесс.

Оберег начинает работать вместе с устройством. Переносит людей в другие миры, но не даёт их там заморозить. Поэтому, ты двигался в «неспешном» пространстве без всяких помех. Только уже со сниженной скоростью.

Слушая тебя, я уяснил, что ты провёл там два-три часа, а за это короткое время, здесь прошли целые сутки. То есть, в восемь раз больше, чем ты на себе ощутил. Сей вывод подтверждают и все трое паркетчиков, что вернулись назад с твоей помощью.

Они исчезли больше, чем полгода назад, но, как я заметил, совсем не изменились за это долгое время. Насколько я помню, у всех мужиков были короткие бороды, чтобы не мешали работать с укладкой паркета.

За прошедшее время, их волосы на роже должны были вырасти почти до пупа, но остались той же длины, что и раньше. А если и стали чуть больше, то совсем на немного.

Услышав сии рассуждения, Прохор подивился острому уму своего господина. Он всё быстро и правильно понял и смог с ходу сделать верные выводы. То есть, тотчас догадал-

ся, что паркетчики и пёстрая кошка попали в машину, сильно тормозящую время.

Видно, цари древних стран откуда-то знали про такую возможность. Многие из них очень хотели отправиться в лучезарное будущее. Поэтому, всегда брали с собой в дальний путь несметное количество золота и множество верных и преданных слуг.

Вот только далеко не у всех получалось достигнуть желаемой цели и остаться при этом в живых. Поэтому и находят большие могилы, набитые несметным богатством, скелетами мёртвых людей и различных животных.

Барин ещё немного подумал и тихо сказал: – Если существуют потоки с замедленным временем, то должны быть и ещё и такие, где время течёт быстрее, чем у нас. Я напишу перечень опытов, которые ты проведёшь. Нужно понять, как действует сей амулет в разных условиях и на что ещё он способен? Обо всём доложишь лишь мне одному.

Яков Брюс ненадолго умолк и тяжело глянув, на Прохора, проскрежетал жутким, сильно изменившимся голосом: – И не вздумай сбежать от меня с амулетом и секретом волшебной машины алхимиков. Иначе вся твоя небольшая семья, включая и монашка Никиту, закончат жизнь в глубокой темнице, на дыбе. Ты знаешь, я слов не бросаю на ветер. Ты меня понял?

Прохор покорно кивнул.

Глеб. «Замедлитель течения времени»

По неизвестной причине, мысли парня потекли по новому руслу: – «Теперь мне понятно, зачем поколения моих прямых предков хранили эту старую гильзу. Очень хорошая штука! Стоит взять амулет голой рукой, и ты переносишься в другой поток течения времени.

Оттуда тебя не видно, не слышно. Ты можешь находиться там, сколько захочешь, и ждать, пока не минует прямая опасность. Например, пока не стихнет сильный пожар, или не спадёт наводнение.

К тому же, все эти напасти пройдут для тебя намного быстрее, чем в обычной среде. А если сказать поточнее, то целые сутки в обычном пространстве, мелькнут там всего лишь за три часа.

Мало того, находясь в подобном потоке, ты спокойно за всем наблюдаешь и ждёшь удобного случая. Можно сидеть там до тех пор, пока враги пройдут мимо тебя, а после, тихонько удрать в обратную сторону.

Не так ли в своё время выжил мой дед, когда во время обстрела позиций в их грузовую машину попал артиллерийский снаряд? Он почувствовал, что сейчас грохнет взрыв, схватился за гильзу и ушёл в другое пространство.

Что тут можно сказать? Совершенно незаменимая вещь. С ней можно спрятаться от всякой угрозы. Хоть от людей, хоть от любых катаклизмов. Да мало ли что ещё удастся придумать?

Неожиданно для него самого, в голове мелькнула довольно криминальная мысль: – «В конце концов, можно просто тырить продукты барыг, когда вокруг станет нечего есть».

Глеб вновь рассердился на глупые мысли своего подсознания и зло процедил: – Поэтому мудрый дедуля и внушил мне запрет на доступ к шкатулке. Мало того, он сделал отличный тайник и спрятал в нём старую гильзу. Чтобы она случайно не попала мне в руки. Похоже, что он уже тогда заприметил, что у меня есть задатки не очень честных людей.

Выбравив себя, как положено, он вернулся к своим размышлениям: – «Всё это хорошо лишь для гражданских, или, как говорили все когда-то: – «Для штатских штафинок». – а для военного времени подобные действия совсем не подходят.

Если во время атаки врага ты исчезаешь неизвестно куда. Потом появляешься, неизвестно откуда и, как ни в чём не бывало, сидишь в общем окопе, то это сразу заметят. Расценят, как трусость и дезертирство. После чего, расстреляют тебя перед строем по законам военного времени.

Судя по многим крупным наградам, мои предки были отличными воинами. Все имели ордена и медали и, большей частью, за проявление храбрости. Значит, в минуты опасно-

сти они не отсиживались в потоке медленно текущего времени. Скорее наоборот, очень хорошо проявляли себя.

В любой войне побеждает тот, кто быстрее противника. Ведь, если задуматься, то все персонажи из приключенческих книг имели общие свойства. Начиная с Ахилла, убившего троянца по имени Гектор, и заканчивая героями народных сказаний и комиксов. Все были очень похожи один на другого. Обладали недюжинной силой и невиданной скоростью передвижения с места на место.

Выходит, солдату больше бы пригодился не «замедлитель течения времени», а наоборот, так сказать, «ускоритель». Нечто похожее, на тот необычный состав, что фигурирует в знаменитом рассказе Уэллса.

Конечно, временной поток, позволяющий стать человеку невидимым, вещь чрезвычайно удобная. Можно совсем незаметно пробраться во вражеский лагерь. Перейти там, в нормальное состояние. Сделать всё, что захочешь и благополучно вернуться назад.

За это, кстати, тоже дают военные ордена и медали. Причём, довольно охотно. Иногда такая диверсия может создать врагу огромные сложности. То есть, принести пользы значительно больше, чем простая атака крупными силами. Поэтому, мои славные предки надёжно хранили старую гильзу и использовали её на трёх больших войнах кряду».

– «Стоп! Каких это трёх?» – оборвал себя Глеб: – «Яков

Брюс, родился в конце семнадцатого века. Насколько я помню, в 1669-том. К 1701 году, он дорос до невероятно высоких армейских чинов. По указу Петра, открыл «Навигацкую школу», где оборудовал алхимическую лабораторию. Скорее всего, именно там он и создал амулет.

Сейчас идёт двадцать первый век. Итого получается более трёх сотен лет. За столь чудовищный срок Россия участвовала больше, чем в десяти продолжительных войнах. Кроме того, на её территории случилось несколько крупных крестьянских восстаний...»

Глеб на секунду запнулся и, в который раз за день, остановил себя на полном ходу: – «Погоди, а откуда мой предок мог взять патрон системы оружейника Мосина в восемнадцатом веке? Неужели Яков Брюс создал «машину времени» и передвигался в двух направлениях, как в прошлое, так и в будущее нашей страны?» – у парня даже голова закружилась от такой соблазнительной мысли.

– «Или...?» – ошеломлённый неприятной догадкой он нагнулся к столу и внимательно осмотрел амулет. Только сейчас, он заметил едва различимые глазом полоски, толщиной в паутинку. Они имели более светлый оттенок, чем «латунь» старой гильзы и походили на след от припоя.

Тонкие линии находились в двух разных местах. Сверху, там, где к трубке цилиндрика примыкало зауженное дульце для крепления пули. И снизу, где находилась выступающая закраина днища.

– «Теперь всё стало понятно». – разочарованно выдохнул парень: – «Сначала все иглы хранились в простом круглом футляре, с плоским донцем и крышкой. Потом, мои предки подумали, что не стоит привлекать внимание всех окружающих к столь экстравагантной вещице. Тем более, что она сильно блестит, словно её отлили из золота. К тому же, в те давние годы бойцы русской армии не носили никаких украшений, кроме креста на груди, да матерчатой ладанки.

Поэтому, кто-то из пращуров чуть покумекал и замаскировал круглый чехольчик под вещь, весьма распространённую в те времена. А именно под стреляную гильзу от обычной винтовки. Тогда их использовали весьма широко и для различной нужды. В них хранили всякие мелочи, типа поношечки махорки, иголок, и даже записочки с адресом, на случай смерти кровавом в бою.

А я-то наивный подумал, что теперь можно будет стогнать к моим дальним потомкам в светлое будущее нашей державы. Да если бы это было возможно, вряд ли бы мои бедные предки остались в тех «тёмных» веках. К тому же, в такой несчастной стране, как Россия, где жестокие войны шли одна за другой.

И чего, интересно, они тут все сидели? Ведь могли в любой удобный момент слинять за границу. Взяться за руки, перейти в другой временной поток и пересечь рубеж любого государства на выбор. Никто ничего и не смог бы заметить. Даже никаких отпечатков не осталось бы на следовой полосе.

Но что-то их всех удержало на родине. То ли простая привязанность к местам своего появления на свет, к языку и привычному для них окружению? То ли, как говорится, любовь к отцовским гробам, к неумытой и неблагодарной отчизне».

В очередной раз, Глеб себя оборвал и постарался вернуть ход своих мыслей в прежнее, более конструктивное русло: – «Получается, что иглы использовали, лишь для диверсий во время войны. Хотя, конечно, их как-то могли употреблять и в тылу, даже в спокойное мирное время. Нужно только подумать, как это сделать?»»

Девятая глава

Яков Брюс. Новое чудо

В жаркий июньский день, в имение «чернокнижника» прибыло великое множество очень важных гостей. Все выехали из златоглавой столицы ещё ранним утром и только к полудню добрались до богатой Подмосковной усадьбы.

Здесь они переоделись в чистое платье, которое благоراضно прихватили с собой. Чуть отдохнули, и спустились вниз из отведенных им комнат. Здесь господа обнаружили ту диспозицию, что была очень обычна для любой ассамблеи Петровских времён.

Следуя строгому указу царя, любезный хозяин приказал слугам приготовить четыре больших залы своего огромного дома. В одной, гости должны танцевать под музыку небольшого оркестра. В другой, беседовать на любые, им угодные темы. В третьей, играть во разные настольные игры. В четвёртой, мужчины могли пить вино и курить душистый голландский табак. В столовой всем подавали всевозможные напитки и кушанья.

Практически все господа не раз бывали у хлебосольного Якова Брюса. Совсем не чинились и пытались во всех мело-

чах следовать уложениям царя Петра I. В назначенное хозяином время, началось обычное в этих случаях пиршество. Затем, всем нашлось занятие по его интересам.

Гости много пили, ели и вели разговоры. Молодежь увлечённо плясала современные европейские танцы. Люди средних лет обсуждали серьёзные деловые вопросы и делились последними сплетнями, касавшихся сановных вельмож. Большая часть говорила о минувшей удачной охоте, о своих увлечениях и путешествиях в заморские страны. Пожилые особы вспоминали весёлое давнее прошлое, играли в карты, шашки и шахматы.

Сквозь открытые настежь, высокие французские окна, лёгкие дуновения воздуха влетали в обширные залы. Они развеивали духоту больших помещений, где собралось очень много людей. Всё шло своим чередом, и время летело очень приятно и совсем незаметно.

Под воздействием выпитых вин, настоек и водок самого различного вкуса, гости постепенно теряли свою величавую чопорность. Разговоры становились всё бойчей и развязнее. В разных концах больших залов смех звучал всё чаще и чаще. Некоторые уже так набрались, что стали немного качаться.

Именно в этот момент, хлебосольный хозяин пригласил всех выйти в обширный английский сад, разбитый возле его прекрасного дома. Осоловевшие от съеденного и, ещё больше, от выпитого, гости с радостью оторвались от своих важ-

ных дел и нетвёрдой походкой двинулись к выходу.

Яков Брюс первым вышел на большую веранду, пристроенную к его огромному дому. Следом за ним, шумной гурьбой вывалились вельможные гости. Все с нетерпением ждали сюрприза, обещанного хитроумным владельцем имения.

Крик генерала, привыкшего перекрывать грохот множества артиллерийских орудий, прозвучал неожиданно громко: – Господа! – воскликнул Яков Вилимович: – Обратите внимание на мой маленький пруд. – он указывал рукой куда-то вперёд.

Все гости невольно исполнили убедительную просьбу хозяина и проследили за его повелительным жестом. Оказавшиеся в задних рядах, люди вставали на цыпочки и изо всех сил тянули толстые шеи, обёрнутые в дорогие жабо. Все они знали, что каждое зрелище в этом поместье весьма интересно и старались не пропустить ни единой детали.

Дом вельможного барина располагался на невысоком пригорке. С его плоской вершины открывался чудный вид на окрестности. Пологие склоны холма плавно спускались к скромному пруду. За небольшим водоёмом стояла шеренга высоких зелёных деревьев.

От подножья веранды начинался замечательный сад, разбитый в модном английском стиле. От богато украшенной мраморной лестницы вниз вела широкая прямая аллея. Пышные липы были посажены с учётом прямой перспекти-

вы. Они понемногу расходились в разные стороны и позволяли увидеть гладь озера.

Вельможи с недоумением посмотрели на пруд. На их придирчивый взгляд, в нём не оказалось ничего необычного. У каждого из сановных господ имелся такой водоём в их поместьях, а кой у кого, он был значительно больше и лучше.

На что там смотреть в данный момент? Спокойная водная гладь. Пять-шесть диких крякв, севших на воду, чтобы слегка покормиться. Небольшая купальня у ближнего берега. Кувшинки и водные лилии, что здесь, вообще, интересного? Разве, что форма пруда? Не всем привычный овал, а правильный прямоугольник, вытянутый вдоль фасада господского дома.

Удивлённые гости вновь повернулись к хозяину. Яков Брюс стоял в той же повелительной позе и твёрдо указывал куда-то вперёд. Вдруг он резко опустил правую руку и в тот же миг в саду раздался раскатистый грохот.

Сотни мелких снарядов взлетели с широкой центральной аллеи. Поднялись над просторным английским садом и взорвались между домом и прудом. Сильно дымя и сыпля разноцветными искрами, шутихи с рёвом и свистом взрывались в быстро вечеряющим небе. Плотные облака белесого дыма закрыли вид на маленький пруд.

– Фейерверк. – разочарованно протянул кто-то из слегка подгулявших гостей: – Ещё слишком светло для подобной потехи...

Хозяин повернулся к тому человеку, что всё это сказал. Поднял руки над головой и сделал несколько странных пассов длинными холёными пальцами. Все остальные недоумённо притихли. Уставились на загадочного Якова Брюса и стали ждать продолжения непонятого действия.

Огни ярких петард постепенно погасли. Гром фейерверка быстро затих, а над садом повисла звонкая тишь. Было слышно, как ветерок качает ветви ближайших кустов и деревьев.

– Посмотрите на пруд! – приказал властный хозяин.

Все словно очнулись от короткого ступора и невольно повернули тяжёлые головы, разгорячённые едой и питьём. Густой дым от ракет, застилавший всю местность вокруг совершенно рассеялся.

Глазам изумлённых гостей открылось большое пространство между домом и прудом. Все увидели гладь водоёма, покрытую чем-то ровным и белым. Возле него зеленела трава, коротко скошенная на английский манер.

Неожиданно двери купальни открылись. На сверкающую поверхность пруда выскочило трое самых обычных холопов. Все были одеты в простые тулупы, и огромные шапки из меха рыжей лисицы. На ногах находились серые валенки с привязанными к ним блестящими тонкими полосами.

В них вельможи узнали забаву, которую царь Пётр I не очень давно привёз из безмерно богатой Голландии. Мужич-

ки закружились в каком-то удивительном танце. Железные лезвия двигались с лёгким характерным шуршанием.

– Господа, кто-то из вас желает встать на коньки? – весело крикнул хозяин. Из дома вышли четверо слуг и выкатили небольшую тележку, доверху груженную валенной обочью. К мягким подошвам были привязаны тонкие острые лезвия.

Несколько крепких мужчин не устояли на месте. Вихрем спустились с веранды и взапуски рванулись к пруду. Подбежали к самому берегу и низко нагнулись. Кто-то, не пожалев модных чулок, даже встал на колени и с явной опаской потрогал блестящую плоскость. Оказалось, что это простой речной лёд, сильно охлаждающий ладони.

Кто-то из беспечных повес сделал шаг с твёрдого берега и шагнул к мужикам, беспечно катающимся на середине пруда. Кожаные подошвы штиблет тотчас заскользили, и храбрец со всего маху шлёпнулся на свой тощий зад.

– Лёд! – завопил он в полном восторге: – Лёд, в начале июня!

Стоявшие на веранде, вельможи тотчас пришли в возбуждение и разделились на две почти равные части. Одни помчались к пруду, желая собственноручно пощупать небывалое летнее чудо. Другие рванулись к тележке с коньками. Все гости прибежали к пруду и стали резвиться на нём, словно малые дети.

Те, кто мог стоять на коньках, радостно влезли в огромные валенки прямо в новомодных тупоносых штиблетах. Подоб-

но голландским крестьянам в холодные месяцы, они ступили на лёд и стали выписывать на нём кренделя самых разнообразнейших видов.

Остальные с визгом и хохотом, просто бегали по скользкой белой поверхности или играли в пятнашки. Иные собирали с окраин катка рыхлый снег. Сминали в ладонях в снежки и бросались друг в друга.

Кто-то из молоденьких женщин затеял лепить маленькую снежную бабу. Пришлось лакеям срочно мчаться на кухню. Нужны были морковка для носа, свёкла украшения для щёк, угольки для крохотных глаз и мочалка, способная заменить шевелюру. Другие помчались за деревянной лопаткой, ведёрком на голову снеговика, кушаком и метлой.

Прочие слуги хозяина прикатили на берег повозки с огромным количеством выпивки и разнообразных закусок. Время от времени, разгорячённые бегом визитёры устремлялись к широким столам, накрытым возле пруда.

Торопливо хватали бокалы. Пили дорогое вино, подогретое на стоящих рядом жаровнях, и закусывали на скорую руку. Подкрепив свои силы, они снова вливались в круговерть весёлых господ. Оно и понятно, когда ещё удастся побегать по льду в разгар Подмосковного лета?

Несмотря на жаркий июнь, от пруда, покрытого льдом, сильно тянуло промозглою сыростью. Так что, веселились вельможи лишь до тех самых пор, пока у всех не замёрзли конечности.

Громкий шум и радостный смех стали постепенно стихать. Многие уже накатались досыта и подтянулись поближе к столам с обильной едой и питьём. Слуги быстро сбегали в дом. Принесли ворох тёплых клетчатых пледов и заботливо укрыли плечи господ, разгорячённых до пота детской шалостью.

К этому времени уже сильно стемнело. На чёрном бархатном небе высыпали крупные, июньские звёзды. Вокруг замёрзшего пруда ярко вспыхнуло множество факелов, установленных на высоких железных треногах.

Яков Брюс уловил наступающую усталость гостей и громко сказал: – Господа! А теперь пора всем отправиться в приёмную залу, и продолжит наш замечательный бал! – он повернулся и первым направился к дому, стоящему на невысоком пригорке.

Утомлённые зимними играми, случившимися в летнюю пору, гости дружно кивнули и шумной ватагой направились к берегу. С облегчением выбрались на густую траву, где стали дружно дрыгать ногами, чтобы скинуть надоевшие валенки. Холопы помогли господам быстро избавиться от тяжёлой обуви с привязанными к ним узкими лезвиями.

Гости укутались в мягкие пледы, и неспешно двинулись по широкой аллее. За их спинами суетливо бегали слуги. Они торопливо гасили горящие факелы и заливали водою жаровни. Собирали в корзины бутылки с иноземным вином,

бокалы, столовые приборы из серебра, тарелки и многочисленные блюда с закусками.

Вельможные гости даже не заметили этой суматошной работы. Да и то сказать, зачем гореть свету в опустевшем саду? Все господа уже оттуда ушли.

После катаний по замёрзшей воде, вельможи поблагодарили хозяина за сотворённое летнее чудо. Сослались на то, что очень сильно устали и пошли почивать. Утром все дружно поднялись. Ещё раз посмотрели на пруд, покрытый искристым льдом. Плотно позавтракали и отправились восвояси, в Москву.

К вечеру нового дня весь город гудел, словно растревоженный улей. Из уст в уста передавалось множество удивительных слухов. Все они утверждали, что Яков Брюс в один миг заморозил поверхность большого пруда, расположенного в его Подмосковном имении.

Знатные люди катались по льду на железных коньках. И это в начале июня! Когда на дворе стоит большая жара! Не иначе, как «чернокнижнику» сам сатана помогал!

Охранник Корчмаря.

Уговор о встрече

Раздался резкий звонок. Глеба взял свой новый смартфон. Невольно отметил, что сейчас ровно девять утра. Посмотрел на экран и понял, что пришли фотографии от сослуживца по армии.

Парень открыл первую из десятка отличных картинок и замер, как статуя. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, на ней виднеется прекрасно знакомый орнамент. Тот самый, что нанесён на футлярчик, лежавший в старой шкатулке.

– «Возможно, что витражи создают тот же странный эффект, что и иглы из дедовской гильзы». – сказал себе Глеб: – «Тогда, весь прогулочный зал превратился в большое устройство. Оно работает так же, как мой амулет и пересылает людей в другой поток времени.

Поэтому люди, что вошли в помещение, мгновенно исчезают из вида, так же, как я «пропадал» для мамы и бабушки. Скорее всего, их переносит туда, где время течёт значительно медленней. Хотя, кто его знает? Возможно, их отправляет в какое-то иное пространство? Нужно немедленно ехать в Подгорск и посмотреть всё на месте».

– «С другой стороны,» – сказал себе Глеб: – «прежде, чем

туда отправляться, нужно проверить, было ли, что-то похожее, во время строительства дома купца Селивёрстова?»

Он достал наладонник. Включил и открыл крупный исторический сайт, где хранились выпуски старой газеты под названием «Вестник Подгорска». Парень быстро нашёл и просмотрел пару десятков статей.

Из них он узнал, что несколько разных людей вошли в зал пятого яруса огромного здания и исчезли неизвестно куда. Это подтверждало догадку Глеба о том, что в доме купца Селивёрстова дело не чисто. Он набрал телефон, оставленный сослуживцем.

Почти сразу Артём поднял трубку и услышал твёрдый голос приятеля. Глеб поздоровался и сухо сказал: – Я приеду к тебе, только в одном единственном случае. Об этом никто не должен узнать! Ни твоя Света, ни твои самые родные и близкие, ни тем более, твой хозяин Корчмарь! Вообще никто, никогда! Ты меня понял?

– Понял. – слегка опешив, ответил охранник.

– Запомни, я приеду в Подгорск не для поиска каких-то пропавших людей, как твой шарлатан-экстрасенс, а по своим личным делам. Заодно, навещу своего старого боевого товарища, с которым лечился после ранений, полученных в мятежной Чечне. Мы встретились около особняка купца Селивёрстова. Чуть-чуть поболтали, но в связи с тем, что ты в этот день был на службе, я сразу уехал домой. Понятно?

– Клянусь, что это дело останется лишь между нами. –

выдавил Артём из себя.

– Я хочу приехать в субботу, с утра. Ты сможешь провести меня в дом? Или лучше перенести мой визит на другую неделю?

– Давай лучше в эту. Как раз утром начнётся моя рабочая смена. В десять часов мой напарник Семён, как всегда, отправится в кухню, поест и выпить чайку. В это время ты подойдёшь к заднему входу. Я отключу видеокамеру и проведу тебя в башню.

– Я не хочу, чтобы меня кто-нибудь видел у дома. – напомнил Глеб ещё раз.

– После пропажи нашего зодчего, управляющий особняка был так сильно напуган, что приказал убрать всю остальную прислугу. Так что, сейчас здесь сталась только небольшая охрана. То есть, два человека сидят в каптёрке в подвале и смотрят на мониторы следящей системы. Всю субботу до утра воскресенья, дежурю я, вместе с напарником.

– Если случилось то, что мне кажется, то я могу застрять в башне, на два-три часа. – предупредил Глеб Артёма: – А то и на целые сутки. Как нам быть тогда?

– Несколько наших сотрудников должны мне по целой смене, а ещё один даже две. Я их всех подменял в разное время. На всякий случай, я скажу, что в следующее дежурство мне нужно будет уехать из города.

Договорюсь с кем-нибудь из ребят, что отработаю двое суток подряд, а потом они меня прикроют от шефа. Если ты

не выйдешь из зала до конца моей смены, то я останусь на следующую. Хорошо?

– Договорились. Ещё один вопрос, как ты узнаешь, что я вышел из зала? Мне, что придётся сидеть у двери, ведущую в башню? Торчать там, пока ты за мной не придёшь, и не выведешь тихонько из дома? Или самому тащиться в каптёрку?

– В субботу с утра, на пятом ярусе здания я установлю небольшое устройство слежения. Кроме него я воткну туда миниатюрную видеокамеру и выведу картинку на свой наладонник.

Как только дверь в зал откроется, ко мне придут сигналы от датчика. Я взгляну на экран и узнаю, что кто-то вышел на лестницу? После этого, мне понадобится всего минут пять, чтобы добраться от каптёрки до башни. Так тебе подойдёт?

– Нормально, но, если это буду не я, а кто-то из тех, кто пропал, тебе придётся схватить того человека, пока он не поднял большую шумиху.

– С нашего пульта я задам лифту такую программу, что без моей личной карточки никто никуда не уедет. Если он побежит по лестнице вниз, я схвачу его в холле первого этажа. – Артём внезапно запнулся, чуть помолчал и несмело спросил: – А что мне делать дальше с теми людьми?

– Перехватишь внизу и очень вежливо, под руку, отвёдешь прямо в кухню. Там напоишь крепким чайком или кофе. Перед этим, незаметно добавишь в напиток снотворного, чтобы человек проспал часов десять-двенадцать.

Когда он очнётся, ты скажешь, что он был так возбуждён, что ты хотел дать ему таблетку для успокоения, но перепутал лекарства. Ну, а затем, когда он крепко уснул, ты подумал, мол, пусть хорошо отдохнёт. Хуже от этого точно не будет.

– Понятно, а что делать дальше?

– Когда я уйду, ты их поочерёдно разбудишь. После чего, попробуешь всем втолковать, что они сами вышли из зала, без чьей-либо помощи. Ты случайно увидел их на экране следящей системы и поспешил им навстречу.

Заодно попытаешься их убедить, что лучше всего, им придумать какую-то байку, которая объяснит их отсутствие. Мол, куда-то ненадолго уехали, телефон потеряли и так далее. Иначе их все примут за психов, которые непонятно зачем, прятались в большом доме хозяина.

– Договорились, но на следующий день меня начнут таскать на допросы все кому только не лень, начальник охраны, полиция и, возможно, Корчмарь...

– Если ты не хочешь с ними беседовать или боишься со- врать всем в глаза, то давай оставим всё так, как сложилось на сегодняшний день. Забудь наш разговор и живи себе дальше. – предложил Глеб боевому товарищу.

– Нет. – твёрдо ответил Артём: – Пусть таскают меня по инстанциям, но я буду всем отвечать так, как ты приказал. Но Свету обязательно нужно найти. – охранник немного по- мялся: – Ну, или хотя бы, попробовать её отыскать. Иначе, я себе потом не прощу.

– Хорошо. В пятницу вечером, перед отъездом, я тебе позвоню. Я посмотрел расписание. Поезд приходит в Подгорск в девять утра. С вокзала я пришлю тебе смс-ку. Если ты ответишь, что всё в полном порядке, я пойду прямо к дому. Если нет, то тут же уеду обратно. Ну, вот вроде и всё. До встречи в субботу.

–

Жду. – с облегчением бросил Артём.

Прохор. Катание на коньках

В конце сентября, Яков Брюс решил удивить всю Москву своим очередным волшебством. Тем самым он хотел напомнить о себе всем горожанам, а заодно, оживить увядшие слухи, твердившие о его колдовстве и великом могуществе.

Как и все предыдущие случаи, данный трюк требовал от его крепостных очень сложной и упорной работы. Для начала, в Подмосковной усадьбе сколотили высокий разборный забор. Доставили его к небольшому пруду, расположенному в английском саде и поставили его вокруг озера.

После чего, запретили всем окрестным крестьянам приближаться к имению без разрешения хозяина. Хорошо знакомые с крутым нравом вельможи, холопы неукоснительно выполняли его приказание.

Тем временем, Прохор получил чертежи из рук господина. Изучил их в деталях и взялся за дело. В помощь механику дали два десятка сильных умелых работников. Они откачали воду из пруда. Вычерпали из него всю жидкую грязь и вывезли на телегах в ближайший овраг. Добытую живность отдали на кухню Якова Брюса. Так что, потом неделю всю местная дворня ела уху и жарёху из рыбы.

Затем, холопы взялись за лопаты и изменили форму пруда с овального на прямоугольный. Получилась огромная яма

размером семь сажень на двадцать и глубиной пять локтей.

Добрались до сухого грунта, лежавшего на глинистом дне. Отступили от каждой стены котлована на три локтя и вырыли по всему длинному контуру траншеи глубиною в сажень. В них вставили шпунт, высотой до уровня почвы.

Так Яков Брюс назвал частокол из просмоленных древесных стволов, диаметром в три ладони. От обычного тына он отличался лишь тем, что у каждой лесины имелись пазы с одной стороны и выемки с другой.

Они входили друг в друга, словно в ключик в замок. Таким образом, получалось соединение «в шип». Только не так, как делают в избах, на концах бревен, а по всей их длине.

Получилась огромная коробка из дерева, вставленная в глубокую яму. Швы изнутри и снаружи поконопатили и залили сосновой смолой. Низ брёвен завалили грунтом. Зазор между шпунтом и низким берегом послойно забили соломой и пролили каждый ряд густым раствором из строительной глины.

Когда Яков Брюс объяснял Прохору детали конструкции, он произнёс иностранное слово, которое звучало, как – «термос». Потом, господин объяснил, что это по-гречески, а означает оно – прослойку из таких материалов, которые не дают теплу улетать в окружающий воздух.

Или же наоборот, не позволяют ему проникать туда, куда не очень и нужно. Так что, это некое подобие тёплой шубы в мороз. Или земляная подушка, которой засыпают дрова при

пережого их в уголь. Да и омшанники так всегда защищают, чтобы пчёлы не помёрзли зимой.

Вдоль длинных сторон хозяйского пруда уложили деревянные плахи размером две ладони на две и длиной в два локтя Яков. Брюс назвал их по голландскому – «шпалами» и велел разместить торцом к яме, на расстоянии ступни друг от друга.

Получилось две длинных дорожки, выходящих за узкие края водоёма на десять сажень в каждую сторону. На них устроили по толстому брусу из прочного дуба и прибили его намертво к «шпалам».

Поверх этих лежней была приколочена длинная полоса из железа. Она была не простая, а имела ребро высотой в три пальца. Эти полосы Брюс назвал «рельсами», а всю эту конструкцию «железной дорогой». Такие странные штуки он видел в английских шахтах, где добывают руду или уголь. Господин говорил, что по этим путям лошадь может везти груза раз в двадцать больше, чем по грунту.

Только в английских шахтах расстояние между рельсами чуть больше пары локтей. Здесь получилось на всю ширину большого пруда. Плюс ко всему, на два аршина в каждую сторону от края шпунтов. В общем, ширина той колеи получилась равной восьми сажням с мелочью.

Поверх водоёма положили бревно из прочного дуба со стёсанными сбоку краями. Подвели по него, с двух сторон, по катку из железа. Возникла длинная ось, как у тележки, в

которой на Урале возят руду.

Рядом положили другое, точно такое бревно. Опёрли его на свои небольшие катки и привязали верёвками к первому. Повторили всё это ещё тридцать два раза подряд. Получилась прямоугольная плоскость из дерева, опертая на два ряда железных колёс. Она лежала на металлических «рельсах» и занимала ровно половину пруда.

Его покрыли толстым слоем циновок, сплетённых из свежей соломы. Затем, бросили кошмы из прочного войлока, а сверху дерюгу и слой плотной непромокаемой глины. Таким образом, устроили нечто вроде перины, выстой больше, чем в локоть. Она тоже должна была сыграть роль пресловутого «термоса».

Вторую половину всего водоёма закрыли точно таким же щитом на катках. Так что, теперь пруд оказался под двумя огромными крышками. Одна из них могла сдвинуться в правую, вторая в левую сторону.

К сожалению Якова Брюса они оказались такими тяжёлыми, что стронуть их с места удалось лишь системой из блоков и ворот. Причём, для каждой конструкции пришлось построить свой кабестан. Такой же, как делают на кораблях или баржах, когда их хотят стащить с мели на глубокую воду. Каждый из них крутили по десять здоровых холопов.

Обе лебёдки находились в пятнадцати саженях от водоёма и прятались в больших погребах. Своими размерами они походили на тот самый «бункер», что был сделан для му-

зыкальной беседки. Тросы, идущие от ворота к деревянной площадке, прятались в подземных каналах, укрытых сверху щитами.

Мужики крутили лебёдки. Те натягивали толстые тросы. Крышки приходили в движение и разъезжались влево и вправо. Чтобы сдвинуть их в обратную сторону, и закрыть водоём, тросы цепляли к противоположным площадкам.

К тому времени, когда всё было готово и несколько раз всё проверено, началась непогода. Струи дождя лились с низкого неба и по узким канавкам стекали в огромную яму. Правда, влаги скопилось очень немного, всего до колен.

Затем, сырая и промозглая осень закончилась. Пришли суровые зимние месяцы. Температура воздуха очень сильно упала и вода промёрзла до самого дна.

Хозяин приказал крепостным постоянно ездить на ближайшую реку. Заполнять там огромные бочки, возить на санях к пустому пруду и сливать из них содержимое. Холода в тот год стояли изрядные. Влага замерзала удивительно быстро, и к концу января яма оказалась заполнена льдом до самого верху.

Яков Брюс осмотрел ледяную площадку и был весьма недоволен его неровной поверхностью: – Это никуда не годится. – сказал хмурый хозяин. Приказал собрать по своим деревням все большие котлы, какие только смогут найти. Поставить их возле пруда. Залить чистой водой и разжечь снизу

сильный огонь.

Деревья рубили в соседнем лесу. Очищали их от ветвей и отправляли на розвальнях прямо к пруду. На месте пилили стволы на чурбаны. Рубили их на поленья и разжигали костры. Воду возили в бочках их ближайших колодцев.

Несмотря на сильный мороз, часа через три, вода забурлила и, по команде Прохора, её разом вылили в пруд. Кипяток растёкся по огромной поверхности. Растопил и сгладил кое-какие неровности, но к сожаленью, не все. Пришлось повторить всю цепочку весьма утомительных действий. Потом сделать её ещё трижды подряд.

Наконец, поверхность пруда стала гладкой, как новое медное зеркало. Вода быстро схватилась и превратилась в прекрасный каток, какой возникает на поверхности голландских каналов после первых морозов.

Котлы и кострища немедля убрали. Мужики подошли к двум кабестанам и по команде десятников стали крутить рукоятки. Канаты натянулись, как струны. Огромные площадки тронулись в путь и скоро с приглушенным стуком встали на место.

Хорошо, что всё сделали до наступленья лютых февральских метелей. Не то снег упал бы на поверхность свежего льда и испортил идеальную поверхность катка. А так, он даже хорошенько помог. Насыпался сверху на прочные крышки пруда и укрыл его, как большим одеялом.

Всех крепостных вернули к прежним работам на барина,

а мучения Прохора и его немногих подручных успешно продолжились. Мужики брали порох, купленный Яковом Брюсом на казённом Петровском заводе. Добавляли к нему смеси различных веществ и делали петарды различных размеров и цветные шутихи.

Трудились не в лаборатории Якова Брюса, а в холодном сарае, стоявшем в отдалении от прекрасного господского дома. Не дай Бог, грянет оглушительный взрыв и разнесёт весь особняк, а так погибнет лишь трое безродных холопов. Не очень и жалко.

Кроме подобной работы, Прохору и его двум подручным пришлось освоить ещё кое-какую премудрость. Брюс дал им валенки с лезвиями, привязанными к подшитым подошвам, и велел научиться стоять на коньках. И не только стоять, но и выделывать различные фортели.

Для этого холопы ходили на реку, протекавшую в версте от имения, где и осваивали новое удивительно хитрое дело. Набили множество синяков и болезненных шишек, но через пару недель, всё же исполнили приказ господина.

Яков Брюс посмотрел на своих крепостных. Скупно всех похвалил, но строго сказал: – Занимайтесь и дальше, до тех пор пока лёд не сойдёт. Иначе, вы всё позабудете к наступлению лета.

Когда начались снегопады, холопы тяжело вздохнули. Взялись за лопаты и сами чистили себе «беговую» дорожку. По ней они продолжали кататься и разучивать другие коленца.

Причём, упражнялись они лишь в то короткое время, которое удавалось урвать от главной работы.

В те же самые дни, появился новый «придворный» художник, которого барин купил вместо Игната, умершего от ядовитого фосфора. Живописец тоже трудился, как проклятый. Он ползал по льняному холсту, размером пять сажень на тридцать и рисовал масляной краской пруд в том самом виде, каким он бывает в жарком июне.

В конце суровой зимы, холода стали быстро слабеть, а снег начал быстро «садиться». Пришла пора вновь заняться огромным катком. Сначала убрали сугробы, лежавшие на крышках замёрзшего пруда. Не то, начнут дружно таять. Вода протечёт сквозь кошму и циновки из прошлогодней соломы. Прольётся на лёд и испортит гладкую поверхность катка.

Когда вся почва в округе просохла, плотники принялись разбирать высокий забор. Доски со слегами аккуратно снимали. Столбы выкапывали из земли. Складывали всё на ручные тележки и увозили на дальний хозяйственный двор. Ещё пригодятся в усадьбе для какого-то нового дела.

Ямы аккуратно засыпали. Грунт уплотнили и закрыли пластами земли с растущей зелёной травой. Такими же кусками старого дёрна обложили щиты, скрывавшие пруд. Теперь это место стало походить на продолговатый пригорок с отличным зелёным газоном.

За день до ассамблеи, назначенной барином, крышки с пруда сдвинули в разные стороны. Яков Брюс убедился, что каток остался в полном порядке. Приказал немедленно закрыть водоём и продолжить работу.

Перед самым приездом гостей, Прохор опять изучил чертежи, полученные от своего господина. Согласно расчётам хозяина, поставил подручных между его чудным домом и водоёмом. Приказал рыть глубокие ямы, через пятнадцать шагов, и ставить в них брёвна, длиною в шесть саженей.

Поверх этих столбов натянули прочную железную проволоку. К ней подвесили большой льняной холст, на котором новый «придворный» художник изобразил пруд в жаркую летнюю пору. На нём был не только сам водоём, но и небольшая купальня, стоящая сейчас возле берега. На воде плавало несколько уток, цвели жёлтые кувшинки и белые лилии.

Прохор прошёл на веранду господского дома и посмотрел на то, что у него получилось. Вся картина весьма походила на тот небольшой водоём, что скрывался под огромными крышками «термоса». Конечно, если станешь сильно приглядываться, то быстро заметишь, что вода не колышется, а утки застыли на месте и никуда не плывут.

После того, как сановники прибыли в имение барина, помощники Прохора установили великое множество петард и шутих. Рядом разместили людей, которые должны по команде зажечь фитили. Наконец, всё было готово и «придворный» механик сообщил об этом хозяину.

Яков Брюс благосклонно кивнул, сказал: – Действуй по заранее оговорённому плану: – и направился к весёлым гостям. Прохор помчался к своему командному пункту. Проверил, все ли холопы стоят на нужных местах и стал ждать отмашки вельможи.

Все гости хорошо закусили, а ещё больше выпили дорогих вин, настоек и водок различного вкуса и цвета. Об этом позаботился сам Яков Брюс. В течение большого застолья он провозглашал тост за тостом и зорко следил за тем, чтобы все визитёры осушали бокалы до дна.

Когда вельможи дошли до нужной кондиции, он пригласил всех выйти в обширный английский сад. Подвыпившие люди шумной толпой выбрались из-за богато накрытых столов. Двинулись вслед за хлебосольным хозяином и столпились возле него на широкой веранде.

Он указал гостям на картину, висевшую между прудом и домом. Она была так велика, что зарывала весь водоем и те участки, что находились справа и слева. Солнце начало клониться к закату, в саду появились довольно глубокие тени, которые не давали увидеть, многих мелких деталей.

Гости прилично приняли на грудь и не могли сфокусировать зрение так хорошо, как обычно. Да и вниманье сановников немного рассеялось. К тому же Яков Брюс, произвёл несколько «магических» пасов руками. Этим он возбудил их интерес и переключил его на себя.

Благодаря нехитрым уловкам хозяина, вельможи не очень внимательно осмотрели картину. Да и на что там особо глядеть? Маленький пруд, он и есть только пруд. Нет там ничего необычного.

Удивлённые гости вновь повернулись к хозяину. Яков Брюс стоял в той же повелительной позе и твёрдо указывал куда-то вперёд. Вдруг он резко опустил правую руку. В тот же момент, в саду раздался громкий раскатистый грохот.

Сотни петард взлетели с аллеи. Поднялись над прекрасным английским садом и взорвались между домом и прудом. Сильно дымя и сыпля разноцветными искрами, шутихи с рёвом и свистом взрывались в быстро вечереющем небе. Плотные облака белесого дыма закрыли вид на маленький пруд.

Сидевшие в погребах, мужики навалились на поручни двух кабестанов. Лебёдки пришли в движение. Канаты натянулись, как струны у арфы. Щиты струнулись с места и поползли в разные стороны. Отрыли водоём на всю ширину и застыли, словно небольшие пригорки, укрытые зелёной травой.

Холопы, скрытые в зарослях сада, дёрнули за рычаги. Большой холст, закрывавший от зрителей пруд, упал на траву. Мужики потянули верёвки к себе. Картина разделилась на две равные части. Каждая половина исчезла в кустах. К ним подбежали расторопные слуги. Быстро свернули и надёжно укрыли в укромных местах.

– Посмотрите на пруд! – приказал Яков Брюс.

Все словно очнулись от короткого ступора и невольно повернули тяжёлые головы, разгорячённые едой и питьём. Густой дым от ракет, застилавший всю местность вокруг совершенно рассеялся.

Глазам изумлённых гостей открылось большое пространство между домом и прудом. Все увидели гладь водоёма, покрытую чем-то ровным и белым. Возле него зеленела трава, коротко скошенная на английский манер.

Неожиданно двери купальни открылись. На сверкающую поверхность пруда выскочило трое самых обычных холопов. Все были одеты в простые тулупы, и огромные шапки из меха рыжей лисицы. На ногах находились серые валенки с привязанными к ним блестящими тонкими полосами.

В них вельможи узнали забаву, которую царь Пётр I не очень давно привёз из безмерно богатой Голландии. Мужики закружились в каком-то удивительном танце. Железные лезвия двигались с лёгким характерным шуршанием.

Сначала гости все дружно опешили, а потом сбежали с веранды и кинулись взапуски к пруду. Судя по радостным крикам вельмож, затея Якова Брюса, как всегда, удалась в полной мере.

Глеб. «Ускоритель времени»

– «В замедленный поток течения времени можно попасть, просто взявшись за гильзу рукой». – сказал себе Глеб: – «А что случится, если к ней прикоснуться другой частью голого тела?»»

Следующие двадцать минут он перепробовал все мыслимые варианты и позы. Всё, чем только можно было достать до гильзы, лежащей на широком столе, на сидении стула, а затем, на полу. Результат был один и тот же. При соприкосновении гильзы и кожи, происходил переход в другое пространство.

Из этого вытекал лишь единственный вывод: – «Выходит, её постоянно нужно носить в каком-то чехле или, к примеру, в кисете. Иначе так и будешь с трудом шевелиться, как снулая рыба.

Однако, такое включение амулета хорошо только в мирное время, когда у тебя есть в запасе не менее половины минуты. Ведь нужно вынуть мешочек, развязать тугую тесёмку и вытащить гильзу. Во время войны, счёт часто идёт на мгновения, которых тебе могут не дать». – угрюмо резюмировал Глеб: – «Так, как же такой артефакт использовали в скоротечном бою?»»

Он ещё раз взглянул на блестящую гильзу, лежащую воз-

ле шкатулки. Судя по небольшому ушку, припаянному к узкому горлышку, медальон носили на прочном шнурке или цепочке.

Скорее всего, он находился рядом с нательным крестом. Потому, что браслеты и прочие фенечки современных людей, тогда считались женскими штучками. Они, почему-то, были не в моде у нормальных мужчин. Не то, что сейчас.

Глеб полазил в ящике компьютерного стола и нашёл там жёлтый футлярчик от использованного тюбика с губною помадой. Когда-то давно, он зачем-то взял его у своей мамы, но потом, никуда не смог приспособить и оставил валяться до лучших времён.

– «Вот теперь пригодился». – весело подумал «народный умелец». Снял с тюбика крышку в виде пустотелого цилиндрика с закрытым концом. Открыл складной нож, которым иногда очинял карандаш, и разрезал деталь из пластмассы на две половины.

Часть крышечки с тоненьким донцем пошла на низ артефакта. Туда, где имелась закраина «винтовочной гильзы». Она наделась с огромным трудом. Зато «натянулась» удивительно прочно и сидела, словно влитая.

С верхней частью оказалось куда больше хлопот. Её внутренний размер превышал наружный диаметр амулета. Поэтому, она не желала держаться. Пришлось обмотать дульце полоской из лейкопластыря и лишь после этого всё получилось.

Теперь пластмасса закрывала верх и низ блестящей «игольницы», а между ними оставался прогал шириной в полтора сантиметра. Этого оказалось достаточно для того, чтобы артефакт не касался кожи груди. В то же время, его было нетрудно достать любым пальцем руки. Нужно лишь сунуть их под рубашку.

Впрочем, это может помочь лишь в спокойное мирное время. Да и то если, конечно, на тебя не нападут бандюки. В ходе скоротечного боя подобный приём никуда не годится. Тем более, если война ведётся зимой, а на тебя напялен бушлат и ещё десять тёплых одежек.

Глеб взял шкатулку со швейными принадлежностями. Нашёл там подходящий кусочек прочной тесьмы. Продел его в ушко и связал концы надёжным узлом. Расстегнул ворот рубашки и надёл на шею небольшой артефакт.

Гильза примостилась рядом с массивным крестом, подаренным бабушкой Евдокией Семёновной. Парень посмотрел на будильник, а затем на ручные часы. Там и там, секунды бежали с одинаковой скоростью.

Он не провалился в замедленный поток течения времени и в зеркале отражался так же ясно, как раньше. Решив проверить, так ли это на деле, Глеб застегнул пуговицы на рубашке и двинулся в кухню. Мама возилась у горячей плиты. Он подошёл к ней спросил: – Что будет сегодня на ужин?

– Как приготовлю, так всё и узнаешь. – она быстро взгля-

нула на сына и продолжила заниматься домашней работой.

– «Мама меня видит и слышит. Значит, время для неё и меня идёт в нормальном режиме. Чего, собственно, я и хотел». – рассудил Глеб и вернулся в свою тесную комнату. Сел у стола. Уставился на блестящую гильзу и надолго задумался.

– «Если существуют потоки, текущие медленнее «нормального» времени, то почему бы, не быть и другим, где всё движется намного быстрее? Интересно, а может ли эта штука воздействовать, как «ускоритель» и если может, то, как добиться такого эффекта?

Жаль, что дедушка не оставил подробной инструкции по применению сего артефакта. Да и бабушка умерла так неожиданно, что ничего не успела мне толком сказать».

Не имея каких-либо подсказок, Глеб вернулся к своим рассуждениям: – «Амулет начал работать после того, как на него попала капелька крови из пробитого иголкой пальца. Выходит, это, как сигнал у современных пилотов, свой ты или чужой? Если ты наш, то пожалуйста, пользуйся. Если нет, то вот тебе, выкуси.

С другой стороны, я как-то почувствовал гильзу, когда она лежала в небольшом тайнике. Хотя, тут тоже нет ничего удивительного. Все мои предки подолгу держали в руках амулет. Это продолжалось в течении пяти, а то и семи поколений. Кровь у нас общая, вот медальон и почувствовал моё приближение. А как только почувствовал, то сразу отклик-

нулся.

С этим понятно, но что нужно сделать, чтобы узнать, сможет ли он работать, как «ускоритель потока»? Может быть, стоит помазать кровью все иглы, а заодно и футлярчик? Вряд ли из этого что-то получится, но, в крайнем случае, придётся попробовать».

Ещё пару минут Глеб рассматривал данный вопрос с разных сторон, но в голову не пришло ничего более умного. Он внезапно подумал: – «Насколько я знаю, в древних веках алхимики очень любили заклятия и различные заговоры. Вот и шептали их в любой ситуации.

Делали они так, в основном, для того, чтоб запустить нужный процесс или ускорить его прохождение. А что если и мой артефакт реагирует не только на прикосновение к коже, но и на мысли хозяина?»

Парень положил руки на подлокотники кресла и успокоил дыхание. Взглянул на себя в зеркало. Сосредоточился на том, что хочет попасть в замедленный поток времени, и твёрдо сказал про себя, первое короткое слово, которое пришло ему в голову: – Стоп!

Головокружение привычно накрыло сознание, и столь же быстро исчезло. Глеб поднял глаза на старенький шкаф. Теперь его отражение там отсутствовало, а цифры на электронном будильнике помчались вперёд с удвоенной скоростью.

– «Получилось!» – радостно выдохнул парень. – «Вот так

мои предки и действовали в ходе войны. Отошёл боец за кусты или куда-то в сторонку, где его другие люди не видят. Отдал короткий приказ, и он уже находится в «замедленном» времени. Делай, что тебе нужно. Выполнил задание командира и тем же макаром возвращайся назад». – Глеб удовлетворённо потёр ладонь о ладонь.

– «А теперь попробуем вернуться в «обычное» время, не пользуясь гильзой. Это, тоже должно получиться».

Он сосредоточился на том, что хочет вернуться в нормальное время, и бодро скомандовал: – «Шаг!» – в тот же миг, его физиономия возникла в глубине зазеркалья и весело подмигнула оттуда. Секунды на зелёном табло тоже перестали скакать, как очумелые.

Не останавливаясь ни на минуту, Глеб, как мог, представил себе «ускоренный» поток течения времени и отдал новый приказ: – «Бег!»

Отражение парня в зеркале снова исчезло. В отличие от предыдущего раза, цифры на электронном будильнике стали меняться удивительно медленно. Теперь они двигались, словно в замедленной съёмке или в повторе фрагмента спортивного матча по телеку. Зато секундная стрелка наручных часов теперь шла вдвое быстрее, чем в «нормальном» потоке.

Переполненный бушующей радостью, парень вскочил с удобного стула и, не сдерживаясь, запрыгал по комнате,

словно ребёнок: – «Теперь с «ускорителем времени» я стал таким же шустрым бойцом, как легендарный Ахилл, или даже, как Риддик герой фантастических фильмов. То есть, я могу выйти на ринг против любого спортсмена. Хоть чемпионка страны, хоть всего прочего мира».

Пересилив себя, Глеб унял свои не в меру бурные чувства. Чуть успокоился и стал рассуждать, более сдержанно: – «Насколько я помню, Ричард Б. Риддик во время драки с различными монстрами проявлялся в глазах окружающих таким сильно размытым пятном.

В отличие от него, меня совсем никто не увидит, ни строгие судьи, ни зрители. Значит они немедля поймут, что я просто исчезаю куда-то. Потом появляюсь опять, но уже в новом месте. То есть, веду бой не по правилам нашего спорта».

Он слегка пригорюнился, но быстро одёрнул себя: – «Ну и ладно. Не очень-то мне и хотелось стать чемпионом вселенной в борьбе или боксе и прочих в костоломных системах рукопашного боя.

Тем более, что, во-первых, это не честно. А во-вторых, если они даже случайно в меня попадут кулаком, то я уже никогда не встану с татами. В конце концов, можно найти работу в наших спецслужбах. Буду вроде Джеймс Бонда российского уровня».

Не успев додумать столь весёлую мысль, Глеб уже усомнился в своём поспешном решении: – «К сожалению, это

тоже никуда не годиться. Люди там работают весьма непростые. Поэтому, они сразу поймут, что дело не в моих прирождённых способностях, а в моём артефакте. Отберут гильзу с иглами, а самого, чтобы не сболтнул где-то лишнего, спрячут в психушку. Или, того хуже, увезут подальше в тайгу, где по-тихому шлёпнут и кинут в болото. Против таких беспринципных людей не поможет никакой амулет.

Так что, лучше всего жить тихо, мирно и не выделяться из общей массы людей. То есть, именно так, как поступали все мои предки на протяжении трёх сотен лет. Вот если, вдруг меня заберут на войну, то можно будет там пару раз проявить свою доблесть, но не так, чтобы очень бросалось в глаза. Не то станешь весьма подозрительной личностью. Ну, а таких странных ухарей, ни только на фронте, их и в тылу очень мало кто жалуется».

Отбросив бесплодные мысли, Глеб приказал себе: – «Шаг!» – тотчас вернулся в поток привычного времени и почувствовал, что его одолел сильный голод. Бросил взгляд на будильник и весьма удивился. Было уже девятнадцать часов.

– «Совсем незаметно, я потратил на опыты с найденной гильзой почти весь выходной». – немного расстроился парень: – «К тому же, я скакал в «быстром» потоке, как оглашенный. Соответственно, потратил энергии раза в два больше, чем в «нормальном» режиме».

Он аккуратно сложил все награды и документы в шкатулку.

ку. Немного подумал, снял с шеи гильзу со странными иглами и отвязал от неё прочную витую тесёмку. Завернул артефакт в ту же тряпочку, в которой он пролежал столько лет, и спрятал маленький свёрток в тайник. К счастью, он поместился туда вместе с защитными кольцами пластмассы, сидевшими на нём по краям.

– «Не стоит пока искушать злодейку-судьбу». – сказал он себе: – «Видно, мой дедушка тоже редко использовал артефакт в мирное время. Разве, что иногда брал гильзу с собой на охоту в тайгу. Да и то лишь, когда ходил на очень серьезного зверя. Скажем, на оборотня, вампира или медведя.

Вот и мне ни к чему привыкать к возможностям супергероя из американского комикса. Не заметишь, как станешь вести себя, словно Бэтмен из города Готэм. Начнёшь постоянно впрягаться в любые разборки, а, сколько не витья верёвочке, конец будет ей обязательно.

Меня очень скоро приметят братки, или, что хуже того, чьи-то спецслужбы. Начнут под меня сильно копать, а то просто схватят за жабры на улице. Увезут в тайное место, где так обработают, что уже не отвертишься и расскажешь им всё под чистую.

Даже если удастся сбежать от тех и других, то что делать потом? В лучшем случае, придётся бросить маманю, дом и работу. Забиться в какую-нибудь глубокую щель и прятаться в ней всю долгую жизнь. Мне это надо?»

Про самый плохой вариант из этого неприятного списка,

он даже не стал размышлять. К сожалению, он не киношный герой, чтобы воевать против системы. Парень посмотрел на вещи, разбросанные в беспорядке по комнате, и стал раскладывать их по местам.

Глеб, механически рассовывал шмотки по разным полкам и думал: – «Жаль бабушка не сказала мне перед смертью о том, что могут творить эти иглы и гильза. Они бы мне весьма помогли в том чеченском ущелье.

Сразу после взрыва машины, я мог перенестись в «ускоренный» поток течения времени и зайти в тыл к проклятым врагам. На мгновение вынырнуть в обычное время, выстрелить в затылок ближайшего «чеха» и вернуться обратно.

Так и перещёлкал бы их всех одного за другим. Потом, спокойно вернулся к нашей горячей колонне. Вышёл в нормальный поток за каким-нибудь камнем и помог многим раненым, истекающим кровью. Сколько русских людей тогда удалось бы спасти?

Хотя, не стоит мне во всём винить старую бабушку. Она сняла с меня наговор, наложенный дедушкой. Открыла доступ к шкатулке, а растолковать все детали уже не успела. Умерла той же ночью. Дай Господи ей Царство Небесное».

Глеб перекрестился и продолжил уборку вещей: – «А во всём остальном, я сам виноват. Кто мешал глянуть мне в шкатулку сразу после приезда домой из Елани? Наверняка так же, как и сегодня, я бы сразу наткнулся на укромный тайник. Нашёл странные иглы и разобрался с их применени-

ем. Тогда и взял бы их на войну, как делали все мои давние предки».

Десятая глава

Яков Брюс. Работа с волшебной машиной

Пользуясь длинным списком хозяина, Прохор быстро провёл все нужные эксперименты. Разобрался со всеми возможностями амулета алхимиков и доложил Якову Брюсу о достигнутых им результатах.

Господин всё внимательно выслушал. Несколько раз весело хмыкнул. Мол, а я что тебе говорил? После чего, дал крепостному холопу ещё немного необычного сплава и велел сделать ещё один набор игл и футлярчик с ушком, для бечёвки из прочного шёлка.

Второй талисман «придворный» механик изготовил с особым старанием. Всё-таки делал его не на пробу для какой-нибудь кошки, а для важного барина, верного друга царя, Петра I.

Яков Брюс глянул на небольшой оберег, лежащий на медном подносе. Прикасаясь к нему уголком носового платка, повертел его туда и сюда, и осмотрел с разных сторон. Похвалил его чрезвычайно тонкую выделку. Немного подумал

и приказал слуге оставить опытный экземпляр у себя. Тем более, что он должен был ему пригодиться ещё не раз и не два.

Бумаг по военному и гражданскому ведомству навалилось такое большое количество, что господин решил использовать для их изучения волшебную машину алхимиков. Если бы не это устройство, то вряд ли бы барин смог сделать так много за столь короткое время.

Проخور втащил в восьмиугольную комнату небольшой походный стол и сундук, несколько стульев, полотняную ширму и складную кровать, которую вельможа использовал в петровских военных походах.

Теперь Яков Брюс поднимался в обширную «Рапирную залу». Используя свой амулет, входил там в «быстрый» поток течения времени и работал с немыслимой для всех окружающих скоростью.

Каждый день, верный слуга бегал по лестнице туда и сюда. Таскал на пятый ярус башни горы чистой одежды, десятки тяжёлых судков с готовой провизией, бутылки с водой и прочим питьем, привычным для вельможного барина.

Назад он всегда приносил большие ночные горшки, полные вонючего кала с мочой. Кроме того, в его крепких руках появлялись камзолы, штаны и рубашки с чулками. Все они оказывались удивительно грязными, словно все эти вещи носили неделями.

Ни в какие беседы с людьми, находившимися в Сухарёв-

ских казармах, Прохор никогда не вступал. Лишь предъявлял управляющему небольшие цидулки, написанные рукою вельможного барина. По приказанию Якова Брюса всё тотчас доставлялось из дома и уходило в высокую башню.

Однако, не только холопы искали его господина. Часто его хотели увидеть и очень большие сановники. На их громкие крики: – Где находится барин? – помощник лишь вежливо кланялся. Отрицательно качал головой и твердил: – Ничего я не знаю, ничего, сказать не могу.

Тогда его начинали лупить руками и тростью, хватать за длинные волосы и таскать по обширным сеням Сухарёвских казарм. Механик лишь лопотал, что Яков Вилимович изволил отбыть по каким-то важным делам. А куда и зачем, и когда он изволит вернуться, ему ничтожному смерду, ничего не стал объяснять.

Кое-кто из господ были твёрдо уверены, что Яков Брюс прячется на верхних ярусах башни. Таких упорных вельмож, Прохор провожал до самых дверей, ведущих в «Рапирную залу». Показывал на витражи и на огромный сложный замок, висящий снаружи.

Глядя сквозь стеклянную перегородку, визитёры могли убедиться, что комната совершенно пуста. Некоторые не удовлетворялись подобным осмотром и поднимались на верхние прясла. Доходили вплоть до открытой площадки, но и они уходили ни с чем.

Потом и сам Прохор стал иногда пропадать в таинствен-

ной башне по несколько суток подряд. Изредка он выглядывал в высокие окна и смотрел, на маленький шарик яркого солнца. Светило чрезвычайно неспешно двигалось по небу от востока на запад. Зато часы в волшебной машине стремительно сменяли друг друга.

В эти необычные дни, странные обязанности помощника барина исполнял его молодой заместитель – Аким сын Акинфеев. Он был холопом не столь приближённым к хозяину, как его надёжный товарищ. К счастью, он кое-что знал о таинственных делах господина и хорошо умел держать язык за зубами.

По несколько раз в течение дня, Аким ставил подносы с едой и питьем, возле двери в пустую «Рапирную залу». Забирал ночные горшки, полные людских экскрементов. Ставил у входа чёрную доску, где крупно и ясно писал, число и день текущей недели. Самое невероятное было то, что дверь, ведущая в обширную комнату, была закрыта изнутри на засов.

Спустя какое-то время, Яков Брюс спускался из башни и входил в свой кабинет, расположенный в главном трёхпрясельном здании. Каждый раз он держал в руках толстые пачки листов, густо покрытых какими-то цифрами, чертежами и буквами. Чаще всего, всё было написано на каком-то нерусском наречии.

Следом, из залы выходил «придворный» механик и нёс великое множество книг. Он клал свою ношу на маленький столик, стоявший на лестнице. Доставал из-за пазухи ключ

с очень сложной бородкой и запирал комнату на огромный тяжёлый замок.

Среди слуг ползли самые разные слухи, и были они один невероятней другого. В Москве снова стали твердить, что Яков Брюс великий маг, колдун и волшебник. Он близко общается с дьяволом, а тот, по просьбе сего «чернокнижника», присылает в высокую башню множество демонов.

Тёмные сущности делают за него всю работу. Пишут и переводят страшные бесовские книги. Обращают обычный свинец в чистое золото и создают различные снадобья. За эти услуги, хозяин кормит и поит всю эту большую ораву.

Иначе, куда бы могло подеваться огромное количество пищи, что носят в Сухарёвскую башню, и складывают возле закрытых дверей? Почему все ночные горшки, доверху набиты отбросами, словно в том зале находится множество разных существ?

Если бы не помощь великой адской орды, разве смог бы простой человек за столь короткое время сделать так удивительно много? Он составил первый русский учебник по геометрии, толстый русско-голландский и голландско-русский словарь.

Перевёл на русский язык книгу «Космотеорос», сочинённую богохульником Христианом Гюйгенсом, где сей нечестивец утверждает ужасно крамольные мысли. Мол, кроме нашей чудесной Земли, господь создал ещё множество раз-

ных миров. Мало того, на них могут жить разумные твари, наподобие обычных людей.

Яков Брюс написал великое множество разнообразных трактатов. Составил огромную «Карту земель от Москвы до Малой Азии». Открыл первую в России обсерваторию при «Навигацкой школе» в Москве.

Используя толстые стёкла, он не только смотрит на звёзды, а ещё и ворочает ими по своему усмотрению. Чем сильно влияет на судьбы несчастных людей. Да один календарь «чернокнижника» чего только стоит? Ведь нём даны точнейшие предсказания на долгие годы вперёд.

Особенно волновали распространителей слухов стремительные перемещения Якова Брюса. Он мог в невероятно короткое время сгонять в Санкт-Петербург и вернуться обратно.

Причём, во время молниеносных вояжей он никогда не садился в карету. Ездил только в обычном кавалерийском седле. Во всех этих поездках, хозяина сопровождал лишь один человек, верный холоп по имени Прохор.

После тех странных отлучек, многие путники дружно клялись в невероятных вещах. Мол, на дороге от Санкт-Петербурга к Москве часто видели чёрное облако, летящее над самой землёй. В нём угадывались два неведомых всадника, скачущих с ужасающей скоростью.

По прибытию на почтовые станции, Яков Брюс со слугой всегда меняли коней. Загнанные ими животные бросались

на пищу и воду с такой неслыханной жадностью, словно их не кормили три или более дня.

Охранник Корчмаря. Спасательная операция

Глеб очень быстро добрался до железнодорожного вокзала Трёхреченска. Купил в кассе билет и сел в скорый поезд, идущий через город Подгорск. Вошёл в полупустое купе, где сидел всего лишь один человек. Бросил сумку под нижнюю полку. Лёг на расправленную проводниками постель и хотел подремать, но почему-то не смог сразу заснуть.

Делать в дороге ему было особенно нечего, и парень решил закончить знакомство с легендами, которые возникли вокруг необычного здания. Среди них он наткнулся на рассказ журналиста прошлого века. В нём сообщалось о стрельбе из винтовки по витражам восьмиугольного зала.

Там же говорилось о том, как потом пришло несколько плотников, которые всё починили. Судя по старому тексту, они входили в то помещение, но не пропали, как те несчастные люди, что исчезли чуть раньше.

– «Почему с ними ничего не случилось?» – спросил себя Глеб и сам же ответил себе: – «Наверное, они остались в нормальном потоке течения времени из-за того, что нарушилась «герметизация зала». Тогда, возникает новый вопрос, почему пропавшие люди не появились обратно?»

Парень ненадолго задумался и предположил: – «Скорее

всего, потому, что пули попали в оконную раму и лишь слегка повредили её. Это немного изменило работу устройства, но не смогло его совсем отключить. Совершенно спокойно, плотники устранили дефект, вышли наружу и заперли дверь. Машина опять запустилась в прежнем режиме».

Глеб протяжно зевнул. Отключил наладонник и спрятал его под подушку. Усталое вздохнул, закрыл глаза и мгновенно уснул.

Прозрачные створки кабины бесшумно раздвинулись в стороны. Артём вышел из лифта. Глеб шагнул следом за ним. Он очутился перед высокой перегородкой, отделявшей лестничную клетку от просторного восьмиугольного зала. Парень остановился и осмотрелся. Сквозь толстые зеркальные стёкла отлично просматривалось всё помещение. Там было пусто.

Взгляд, брошенный на чудесный витраж, подтвердил предположения Глеба. Сложный орнамент причудливых рам являлся точной копией тех странных рисунков, что украшали его небольшой амулет.

Парень невольно дотронулся до середины груди. Его пальцы ощутили старинную гильзу, висевшую под тонкой рубашкой рядом с крестом. От амулета исходили небольшие вибрации и сухое тепло, которое слегка грело кожу.

Рядом с Глебом стоял напряжённый охранник и следил за каждым движением старого друга. Он был уверен, что быв-

ший соратник, примется делать таинственные пассы руками. Начнёт бормотать заклинания на неизвестном наречии. Возможно, закроет глаза, и постарается сосредоточиться непонятно на чём.

Однополчанин лишь поднял ладонь. Неподвижно замер на месте и торчит теперь, словно вкопанный.

Повернув ключ, полученный от товарища, Глеб отпер замок и потянул резную дверь на себя. Створка плавно и бесшумно открылась. Парень постоял пару секунду и просил: – Камеру внизу отключил?

– Да! – кивнул другу Артём.

– Трансляция и запись сейчас не ведётся?

– Конечно, я всё сделал так, как тебе обещал.

– Хорошо. Теперь иди вниз и запусти датчик движения.

Как только встретишь «ушельцев», сразу проводишь их в кухню и напоишь снотворным. После того, как они все уснут, вернёшься в каптёрку. Удалишь все видеофайлы и снова включишь аппаратуру.

Артём послушно кивнул и, не закрывая замка, вынул ключ из скважины двери. Сунул его в карман форменной куртки. Повернулся и двинулся по лестнице вниз.

Глеб подождал, пока армейский товарищ спустится на пару пролётов. Сосредоточился на мысли, что хочет перейти в замедленный поток течения времени, и про себя твёрдо сказал короткое слово: – «Стоп!»

Если бы охранник находился с ним рядом, то он с удивлением увидел, что приятель мгновенно исчез. Мгновенье назад, Глеб стоял здесь, на площадке, а сейчас его уже не было рядом. Даже громкого шума «схлопывающегося» воздуха, как фантасты описывают данный момент, он тоже вряд ли услышал.

Артём спустился в «верхний» подвал. Добрался до тесной каптёрки и уселся перед мониторами системы слежения. К счастью однополчан, второго секьюрити в комнате не было, напарник ещё не вернулся из кухни.

Облегчённо вздохнув, Артём вынул из кармана свой суперсовременный мобильник. Нажал пару кнопок и посмотрел на широкий экран. Судя по яркой картинке, перед открытой дверью, ведущей в таинственный зал, никого уже не было.

Нахлынувшая дурнота очень быстро прошла. Глеб переместился в замедленный поток течения времени, и в открытом настежь проёме увидел трёх пропавших людей.

Двое мужчин и одна юная девушка находились возле самой двери. Причём, все они застыли в совершенно немыслимых позах. Так выглядят игроки на фотографиях, сделанных в ходе спортивного матча.

Сразу за невысоким порогом находился молодой архитектор лет тридцати. Он стоял на прямой правой ноге. Вторая согнулась в колене, поднялась над полом и замерла в том

движении, что не успел закончить вальяжный мужчина.

Прямо перед ним, в воздухе парила красивая девушка. Вернее сказать, она падала грудью на большую тележку, заставленную уборочным инвентарем. Перед ней, не касаясь туфлями пола, висел ещё один молодой человек.

Глядя на эту немую картину, можно было понять, как всё случилось? Сначала в прогулочный зал вошёл электромонтёр с картонной коробкой в правой руке и с чемоданчиком в левой.

Оказавшись внутри восьмиугольного зала, он превратился в некое подобие статуи. Теперь он так неспешно продвигался вперёд, что из «нормального» времени, казался кадрами чрезвычайно замедленной съёмки.

Потом, появилась уборщица и воткнулась каталкой в монтёра. От удара его швырнуло вперёд. Затем в зал влетел архитектор и толкнул грудью девушку в спину. Теперь все трое замерли в воздухе и походили на мух, оказавшихся в капле загустевшего мёда.

– «Я благополучно вошёл в поток «неспешного» времени и теперь вижу пропавших людей». – сказал себе Глеб: – «Судя по их странным позам, они пребывают в ещё более медленном времени, чем то, где я нахожусь.

Хотя, кто его знает? Может быть, амулет защищает меня от воздействия непонятной конструкции, и позволяет двигаться в данном пространстве быстрее, чем они?»

Слегка ошалев от картины, представшей перед глазами,

парень повернулся и глянул на лестницу. К его удивлению, прозрачной кабины там уже не было. Табло, висевшее над входом, ведущим в стеклянную шахту, показывало, что лифт сейчас находится в полуподвале.

– «Пока я рассматривал пропавших людей, пока поворачивался, в обычном мире прошло минут пять, а может и значительно больше». – сказал себе Глеб: – «За это время Артём спустился по лестнице вниз. Вызвал кабину к себе и заблокировал там, чтобы не разминуться с ушельцами».

Двигаясь по площадке, парень отошёл вправо от двери, и посмотрел на застывших людей с другой точки зрения. Отсюда Глеб разглядел ещё кое-что. Судя по позе электрика, он почувствовал удар тяжёлой тележки. Сразу на него среагировал. Вытянул руки вперёд и теперь старался сгруппироваться, как это делает любой человек.

Потом, через порог шагнул архитектор и наткнулся на девушку. От такого толчка на её миловидной мордашке появилась и застыла гримаска недовольства и боли. Лицо мужчины показывает, что он тоже ощутил столкновение. Это значит, что все они живы и просто находятся в потоке медленно текущего времени».

Прохор. Амулет

Малолетний послушник Никита отпросился у суровых наставников мужского Сретенского монастыря. Стрелой примчался к Сухарёвским казармам. Поздоровался со старым солдатом, который нёс вахту вниз, и узнал, что его отец, помощник Якова Брюса, находится в башне.

Мальчик быстро поднялся на пятый ярус огромного здания. Встал на площадке каменной лестницы и заметил, что замок на двери в «Рапирную залу» почему-то отсутствует.

Паренёк посмотрел сквозь прекрасный витраж и увидел, что родителя внутри нет. Он перевёл взгляд на паркет и залюбовался необычным очень сложным орнаментом. Постоял в немом восхищении ажурным рисунком. Оглянулся по сторонам и опять убедился, что он здесь совершенно один.

Не совладав с искушением, мальчик осторожно потянул на себя низкую остеклённую дверцу. Створка без скрипа открылась, и он смело шагнул в просторную восьмиугольную комнату.

Яков Брюс недавно уехал к царю в строящийся Санкт-Петербург, поэтому Прохор никуда не спешил. До того, как барин вернётся назад, времени ещё очень много. Так что, он успеет сделать всё, тот ему поручил.

«Придворный» механик поднялся на пятое прясло высо-

кого здания. Опасаясь, что его может увидеть, кто-то из слуг, оказавшихся случайно на лестнице, Прохор не стал рисковать. Он сосредоточился и приказал амулету перенести его в поток «неспешного» времени.

Можно было войти и в «быстрый» поток. Сделать сё, что хотел и через десяток минут, вернуться назад. К сожалению, в ускоренном времени тратиться много энергии. После того, как там в поработаешь, сильно хочется есть. Торопиться сейчас, особенно некуда, да и до ужина пока далеко.

– «Не стоит себя терзать муками голода». – рассудительно подумал механик. Открыл дверь и вошёл в волшебную машину алхимиков. С собой он принёс множество отличных свечей, изготовленных из белого пчелиного воска. Пухлую пачку плотной бумаги и толстый пучок хорошо очиненных перьев.

Перья были все очень хорошие. Взяты у молодых, здоровых и крепких гусей. Заготовлены ранней весной и вырваны из левого крыла важной птицы. Такие лучше всего ложатся в правую руку, а вельможный хозяин правша.

Кроме этого, на круглом подносе стояла небольшая посудинка с крышкой. Её наполняли чернила, сделанные из спелых дубовых орешков. Рядом находился предмет, предмет сильно похожий на обычную перечницу.

В него был насыпан сухой, чистый очень мелкий песок. Его вытряхивали на недавно написанный текст, чем способствовали скорейшему высыханию водных чернил. Здесь же

лежал маленький нож, для заточки затупившихся перьев и палочка из коричневого сургуча, оплавленного свечкой с одной стороны.

Механик переложил на стол всё, что принёс и принялся, как всегда, наводить порядок на рабочем месте хозяина. Расставил так, как любил господин и начал собирать толстые книги, разбросанные вельможей по комнате. Никиту он заметил, лишь в тот самый момент, когда сын уже оказался в большом помещении.

К огромному удивлению Прохора, волшебная машина алхимиков не оказала на мальчика никакого воздействия. Он не застыл неподвижно возле самых дверей, как это случалось с теми людьми, что не имели при себе амулета.

Не ощущая никаких неудобств, паренёк смотрел себе под ноги и, разглядывая чудесный паркет, шёл потихоньку вперёд. Мало того, он двигался поразительно быстро. Так же, как прочие люди, что находились снаружи, вне зоны действия восьмиугольного зала.

Никита свернул к ближайшему большому окну. Прижался носом к стеклу и посмотрел вниз на широкую Сухарёвскую площадь. Увидел старые, неказистые домики бедных людей, в беспорядке разбросанные вокруг огромного здания стрелецких казарм.

Потрогал рукой великолепные рамы, изготовленные из древесины драгоценного тика. Опустился на корточки и погладил пальцами аккуратные плашки паркета. После чего,

печально вздохнул. Поднялся, быстро вышел на лестницу и закрыл за собой узкую дверь.

Находясь в «неспешном» потоке, Прохор не мог ни окликнуть сыночка, ни просто схватить его за руку. Двигался он в несколько раз медленней мальчика и только благодаря амулету, видел его и прочих людей, живущих в обычном пространстве.

Пока он добирался до двери, врезанной в прекрасный витраж. Пока приложил массу сил, чтобы открыть неподатливую в этом состоянии створку, время ушло. Мальчик выскочил на площадку, сбежал по ступеням и исчез где-то внизу длинной лестницы.

Догнал его Прохор только в полуподвале. Механик успел перехватить сына лишь потому, что Никита застрял ненадолго в людской. Паренёк о чём-то болтал со словоохотливым сторожем и задержался с уходом в свой монастырь.

Механик зашёл в душную тёмную комнату. Кивнул своему малолетнему отпрыску и, показав головою на дверь, вернулся в пустой коридор. Отрок быстро простился со старым солдатом и выскочил вслед за отцом.

Мужчина подождал, пока ребёнок к нему подойдёт. Убедился, что их никто не может услышать и тихо спросил: – Барин дал тебе амулет?

Не понимал о чём идёт речь, сын отрицательно замотал головой, но, на всякий случай, сказал: – Нет. Никто, ничего мне не давал. У меня только крест и тот медальон, который

ты мне подарил неделю назад. – он полез за ворот рубахи и вытащил наружу два тонких шнура, спутавшихся между собою.

Прохор взял их в руки и осмотрел с разных сторон. Символ христианства, что господин вручил сыну во время крещения, был очень старый, православный, как и положено, восьмиконечный.

Неведомый мастер умело сработал его из ярко-жёлтого сплава, который всем походил на чистое золото. Так же сильно блестел и никогда не тускнел. Всю лицевую поверхность изделия густо испещряла затейливая старославянская вязь.

Сзади к нему прилипла небольшая медалька с едва видневшимся сложным орнаментом. Металл, из которого была отлита «монетка», ничем не отличался от тяжёлого крестика.

Прохор сжал медальончик сильными пальцами и попытался его отделить от креста. Понял, что ничего не выходит. Удивлённо покачал головой и скоро оставил эту затею.

Вещицы так плотно сцепились, что невозможно было даже заметить тонкий шов между ними. Из-за необычной «монетки» подарок вельможного барина теперь сильно смахивал на, так называемый, крест «терновый венец».

– «Видимо, после того, как они слились в единое целое, они стали вместе работать». – понял вдруг Прохор: – «Возникло небольшое устройство, которое как амулет защищает Никиту от воздействия волшебной машины».

– «С другой стороны, пока я делал медальку, я столько с

ней провозился, что металл впитал в себя корпускулы кожи с моих пальцев и рук. Возможно, машина узнала на нём мою кровь. Вот и не тронула мальчика. Ведь, как ни крути, а он мне является сыном. Плоть от плоти моей».

Механик снял с медальона уже ненужную вторую верёвочку. Вернул Никите крест с прилипшей «медалькой» и твёрдо сказал: – Надень и носи постоянно. А в «Рапирную залу» больше никогда не входи. Увижу, выпорю так, что долго не сможешь сидеть!

Глеб. Освобождение людей

– «Теперь попробуем вытащить всех этих людей». – сказал себе Глеб и вернулся на прежнее место возле порога: – «Сначала посмотрим, что будет, если...» – сказал себе парень. Пошарив в кармане, он вытащил небольшую монетку, и бросил её перед собой.

Вертясь, словно пропеллер, она влетела в настежь открытую дверь. В тот же миг мелькнула слабая вспышка. На коротенький миг парень увидел нечто, похожее на тонкую плёнку, затягивающую узкий проём.

Медный кругляш прошёл сквозь едва различимый барьер. Оказался внутри восьмиугольного зала и замер, повиснув пространстве. Причём, он застыл, не долетев до спины архитектора.

Перекрестившись три раза, Глеб достал из кармана дешёвую авторучку из пластика. Взял её левой рукой и осторожно коснулся слабо мерцающей плёнки. Ничего страшного с ней не случилось. Лишь вокруг колпачка возникло едва видимое глазом сияние. Такое, как видно на фотографиях «ауры», которые делают шарлатаны на ярмарках.

Парень толкнул ручку немного вперёд. Она свободно двигалась туда и обратно. Однако, стоило ему разжать пальцы, как она полетела на пол. С лёгким стуком врезалась в невы-

сокий порог. Подскочила от удара о коричневатое-золотистое дерево и отлетела к ногам архитектора. Пересекла целиком границу восьмиугольного зала и замерла в воздухе. Всё было так же, как раньше с монеткой.

Не зная, что ещё можно придумать, Глеб вытянул левую руку вперёд. Замер на пару секунд и осторожно ткнул кончиком пальца в открытый проём. Незримая плоскость, отделявшая лестницу от помещения, слегка засветилась.

Парень снова увидел подобие тонкой мерцающей плёнки. Она чуть колыхнулась, а по её ровной поверхности побежали пологие волны, словно от мелкого камешка, упавшего в воду.

Парень резко выдёрнул руку за границы проёма, и сияние тотчас погасло. Он внимательно осмотрел указательный палец. Прислушался к своим ощущениям и с облегчением понял, что конечность осталась в полной сохранности.

Внезапно решившись, Глеб протянул руку вперёд и сунул кисть в открытую дверь. Его ладонь тотчас засверкала слабым сиянием, словно её укрыло странной перчаткой. Парень пошевелил всеми пальцами.

Понял, что неприятных ощущений у него не возникло. Сунул руку по локоть и взял мелкую денежку, неподвижно висящую в воздухе. Вытащил её на площадку перед лифтовым холлом. Внимательно осмотрел блестящий кругляш, но, как ни старался, никаких изменений найти в нём не смог. На его придиричивый взгляд, всё было в полном порядке.

Положив монету в карман, Глеб смело сунул руку в рас-

пахнутый прямоугольник проёма. Дотянулся до спины архитектора. Схватил мужчину за воротник пиджака и сильно рванул на себя. Парню вдруг показалось, что он попытался сдвинуть тяжёлый металлический сейф.

Он упёрся ногами в плиточный пол и напряг свои силы. Мужчина даже не шелохнулся. Отпустив воротник декоратора, Глеб повернулся, и посмотрел на электронное табло, сиявшее над входом в кабину. Оказалось, что, незаметно для парня, пролетело почти полчаса.

Отойдя от распахнутой двери, Глеб вынул из-за пазухи небольшой амулет. Открыл миниатюрную крышечку. Выдернул из узкого горлышка ватку и высыпал на ладонь всё содержимое гильзы. Квадратные иглы упали на кожу и засверкали подобно раскалённому золоту.

Краем глаза парень заметил какое-то движение в зале. Повернул голову и увидел, что падение электрика немного ускорилось. Теперь тот уже не висел неподвижно, а медленно падал на пол, словно в замедленной хронике спортивного матча.

– «Видимо я оказался в ещё более замедленном времени, чем находился до этого. Если так и дальше пойдет, то я выберусь из зала вместе с пропавшими. Вопрос только в том, когда это может случиться? Через месяц, квартал или спустя несколько лет?

Нужно преодолеть «неспешное» время этой странной машины и возвратиться в нормальный режим». – приказал се-

бе Глеб. Зажал иглы в кулаке и почувствовал острый укол. Сосредоточился, представил себе поток, идущий раз в двадцать быстрее, чем бывает обычно, и отдал короткий приказ: – «Бег!» – сказал он себе. Всё в зале снова застыло, как прежде.

Облегчённо вздохнув, Глеб шагнул в восьмиугольную комнату и схватил молодого мужчину подмышки. Он оказался чрезвычайно тяжёлым и твёрдым, словно чугунная статуя.

Поэтому, парню пришлось хорошо поднапрячься. В конце концов, он волоком вытащил зодчего в лифтовый холл. Отвёл от него дрожащие от напряжения руки и отошёл в правую сторону. Архитектор безвольным кулём повалился на пол.

Тотчас поднялся на ноги, ошалело повертел головой и опрометью бросился к лифту. Остервенело потыкал пальцем в красную кнопку, но не дождавшись ответа, помчался вниз по ступеням. Глеба он, конечно, не видел. Та же история произошла со Светланой, а затем и с электриком.

После того, как все спасённые люди стрелой умчались на первый этаж, Глеб перевёл сорванное работой дыхание. Вытер мокрый лоб рукавом тонкой рубашки и услышал, как за спиной тихо стукнула дверь витража.

Парень сложил иглы в футлярчик, защёлкнул круглую крышечку и спрятал гильзу за пазуху. Сосредоточился и чётко сказал про себя: – «Шаг!»

Лёгкое головокружение сообщило о том, что он вернулся в поток с естественным ходом часов. Он повернулся к стеклянной перегородке и увидел, что в восьмиугольной комнате пусто. И это при том, что парень отчётливо помнил, сейчас там находится тележка уборщицы и чемоданчик электрика.

Измученный тяжёлой работой, Глеб устало подумал: – «Нужно выключить это устройство. А если вдруг ничего не получится, то просто сломать. Иначе люди так и будут в нём всегда пропадать».

Как отключить механизм неизвестной машины он, конечно, не знал. Так что, решил использовать второй вариант. Так выходило гораздо надёжней и проще. Он немного полюбился необычным орнаментом и печально вздохнул.

Жаль было портить отличную вещь, но другого выхода он, к сожалению, не знал. Парень выбрал небольшой завиток витража, расположенный возле самого пола, в дальнем от входа углу. Хорошенько примерился и сильно ударил ногой.

Мысок тяжёлого армейского берца врезался в тонкий, причудливо изогнутый импост. Золотисто-коричневая древесина тихонечко хрустнула. Короткая перемычка из дерева мгновенно сломалась и отлетела внутрь просторного зала. Стекло тотчас разбилось в белесую крошку. Следом за этим, послышался грохот чего-то тяжёлого.

Подняв голову, Глеб посмотрел в восьмиугольный прогулочный зал и увидел опрокинутую тележку уборщицы. Вокруг неё лежали флаконы с разнообразным моющим сред-

ством. Рядом валялся чемоданчик электрика, раскрывшийся от удара о прекрасный паркет.

Все инструменты монтажера рассыпались и раскатились в разные стороны. Здесь же находилась коробка с вычурной люстрой. Скорее всего, она превратилась в кучу мелких обломков.

Парень вошёл в помещение, которое стало теперь безопасным для всех окружающих. Поднял с пола кусок отбитого импоста и сунул его в карман лёгкой куртки. За спиной послышался звук двигателя включённого лифта.

Прозрачная кабина вынырнула из-под плиты перекрытия и остановилась на широкой площадке. Двери раздвинулись, и Артём вышел наружу. Вид у него был очень радостный и одновременно весьма озабоченный.

– Поймал всех троих? – спросил его Глеб.

– Всех. – ответил охранник: – Как ты и сказал, они появлялись один за другим, но с большим интервалом. Каждого я отвёл прямо в кухню. Напоил архитектора кофе, Свету свежесваренным чаем, а электрика минеральной водой. Заодно всем подсыпал снотворного. Сейчас все спят в разных комнатах дома.

Глеб протянул руку к охраннику и твёрдо сказал: – Дай мне мобильник.

Артём безропотно протянул свой дорогой телефон. Глеб взял элегантный, сияющий новизной, аппарат и строго ско-

мандовал: – Снимай датчик движений и камеру.

Армейский приятель стал выполнять чёткий приказ. Глеб внимательно просмотрел память смартфона и стёр все файлы, которые были хоть как-то связаны с проведённой сейчас операцией. Охранник быстро демонтировал всю миниатюрную шпионскую технику. Рассовал её по карманам и вернулся назад.

Вернув телефон, Глеб показал рукой на разбитый витраж: – Скажешь своему управляющему, что почему-то разбилось стекло, когда выкатывал тележку из комнаты. Наверное, возникло большое напряжение в раме.

Артём повернул голову и только сейчас заметил кучу вещей, разбросанных по полу обширного зала. Он вопросительно посмотрел на товарища.

Глеб ответил на невысказанный сослуживцем вопрос: – Теперь можно спокойно входить в помещение. Только скажи вашему плотнику, чтобы он не вздумал абсолютно точно реставрировать главный витраж. Нужно лишь аккуратно срезать обломок данного импоста и вставить другое стекло. Уверен, никто не заметит, что рисунок слегка пострадал. Понятно?

Охранник тотчас кивнул.

– А сейчас выведи меня поскорее отсюда. Включи видеокамеры и отправляйся будить своих «пропаданцев». Только не всех троих разом. Будет лучше, если ты станешь с ними общаться по очереди.

Артём утвердительно покачал головой.

Одиннадцатая глава

Яков Брюс. Смерть «чернокнижника»

Яков Вилимович Брюс сопровождал царя Петра I во всех великих посольствах и во всех его битвах с внешним врагом государства. Он много времени провёл в поездках по странам Европы и в различных дипломатических миссиях.

Благодаря энциклопедическим знаниям и чрезвычайно живому уму молодой человек стремительно рос. Удивительно скоро, он дослужился до звания генерала-фельдцейхмейстера.

В коротких перерывах между кровопролитными войнами он ещё много чего успевал. Например, весьма плодотворно занимался различными отраслями науки и военного дела. В частности, отличился в перевооружении армии и артиллерии. Ещё он успешно трудился на запущенной ниве гражданского производства в России.

В награду за такие труды, шотландец получал великое множество орденов и медалей, огромное количество денег, земель и холопов. В 1724 году, в день коронавания Екатери-

ны, Яков Брюс шёл перед царём Петром I и нёс великолепную корону Российской империи.

Сразу после того торжества, он внезапно отодвинулся в тень. К удивлению всех окружающих, «чернокнижник» заперся дома и уже не занимался никакими делами. Ссылаясь на плохое здоровье, расстроенное в военных походах, он полностью удалился от государевой службы и от работы по улучшению пушек.

В начале 1725 года, почечнокаменная болезнь Пётра обострилась. Самодержец стал чувствовать себя всё хуже и хуже. 8 февраля он тихо скончался. Всё это трудное время, Яков Брюс неотлучно, как и вся прочая знать, находился во дворце императора.

После кончины Пётра, среди ближайших придворных начались разногласия. Многие знатных вельмож очень скоро оттеснили от трона. Так что, в «совете первейших чинов», прошедшем 28 января, Яков Брюс не принял никакого участия. Видно, забыли его туда пригласить.

В своё утешение, он обрёл титул верховного обер-маршала «печальной комиссии». Вместе с ним получил важное поручение сената – позаботиться о погребении покойного самодержца России.

По завершении столь важного дела, Брюс остался на прежних постах и продолжал номинально руководить всей артиллерией огромной страны. Однако, с восхождением на

трон Екатерины I, всякая деятельность его вдруг прекратилась.

В мае 1725 года был учреждён орден Св. Александра Невского. В числе тех, кто получил большую награду, был Яков Брюс. Правда, он оказался уже не в первых рядах, как при своём благодетеле. Он попал во второй эшелон и значился лишь двадцать восьмым в списке всех кавалеров.

Затем, его окончательно оттеснили от дел государства. Яков Брюс не стал воевать с теми соратниками, что сейчас дружно бились за тёплое место у трона. Шестого июня 1726 года он подал прошение об досрочной отставке и был уволен с чином генерала-фельдмаршала.

После ухода со службы, Яков Брюс поселился в своём любимом поместье. Там на склоне прожитых лет он продолжил заниматься наукой. В том числе, он бился над секретом точного метода вычисления удельного веса металлов, и очистки сплавов от всяческих примесей. Прохор по-прежнему оставался при нём, работал, как раньше, «придворным» механиком.

Перед тем, как сложить с себя все полномочия, Яков Брюс наведялся в башню Сухарёвских казарм. Велел увезти отсюда все его книги, чертежи и бумаги. Распорядился забрать оборудование лаборатории и обсерватории. А так же, снять витражи, рамы и облицовку волшебной машины алхимиков, расположенной в восьмиугольной «Рапирной зале».

Прохор внимательно наблюдал за работой и, первым делом, приказал демонтировать остеклённую перегородку. Причём, сделать это со стороны каменной лестницы.

Едва была снята одна из панелей, замкнутый объём внутри башни разрушился, и установка древних учёных мгновенно прекратила работу. Плотники стали свободно входить в пространство машины, но переноса людей в замедленный поток течения времени уже не случалось.

Все изделия из драгоценного тика увезли в Подмосквовую усадьбу хозяина, в село под именем – Глинки. Оно находилось в сорока двух верстах от огромного города, и было любимым местом Якова Брюса.

Там рамы, витражи и панели, спокойно стояли в чуланах без всякого дела. Незадолго до своей скоропостижной кончины, сановный вельможа распорядился сжечь всё это добро.

Он вышел из огромного дома на большую веранду. Велел принести покойное кресло и поставить так, чтобы с него было видно большущий костёр. Сел на подушки, набитые заморской морской травой, и с печалью в глазах наблюдал за тем, как холопы выполняли приказ. Долго и ярко горел великолепный, очень сложный орнамент, вырезанный из коричневатого-золотистого дерева.

Граф Яков Брюс тихо скончался 19 апреля 1735 года. Спустя положенный срок, он был похоронен в лютеранской

церкви Святого Михаила. В то время, сей храм находился в Москве, в небольшой слободе, которую все называли Немецкой.

Свой «кабинет», он завещал Академии Российских наук. Это большое собрание редкостей по праву считалось одним из первых в стране и состояло из разных физических, химических и астрономических приборов и инструментов. Так же, «на пользу общественную» он передал своё собрание «куриозных» вещей, монет, медалей и рукописей.

В библиотеке «чернокнижника» Якова Брюса нашлись книги по двадцати дисциплинам различных наук, написанные на четырнадцати языках Европы и Азии. Когда стали их вывозить из имения, потребовалось тридцать крестьянских подвод.

Прохор. Переселение на Урал

Своих детей у Якова Брюса, увы, не осталось. Наследство принял племянник, сын старшего брата, генерал-поручик Александр Романович Брюс. К нему и перешло всё остальное имущество.

В том числе, оказался и «придворный» механик, крепостной крестьянин по имени Прохор со своей огромной семьёй. Нужно сказать, что положение доверенного слуги старого барина тотчас изменилось. Он лишился всех привилегий и превратился в простого холопа.

Изготовленные им когда-то, часы в медном корпусе и прочие дорогие подарки хозяина, у него отобрали. Каким-то чудом остался лишь небольшой амулет, футлярчик со странными иглами. Да и то, он сохранился лишь потому, что был зашит в невзрачную ладанку и спрятан под полом бедной избы.

После смерти своего господина, механик вместе с семьёй был продан на ближайших торгах. Такой страшной участи избежал только монашек Никита, успевший получить вольную, давно обещанную помершим барином.

Новым хозяином подмосковных крестьян стал Никита Демидович Антуфьев. По указу императрицы он носил имя Никита Демидов и владел железоделательными заводами на

далёком Урале. Крепостные там жили очень не долго. Так что, рабы ему были очень нужны.

Среди тех бедолаг оказался и Прохор со своею женой и детьми, двумя младшими братьями и их немалыми семьями. Все они пешим ходом отправились вглубь великой России.

Сын механика, монашек Никита продолжал подвизаться в Сретенском монастыре. Со временем, он принял положенный сан и стал православным священником. После чего, получил направление в московской епархии и поехал служить на те же заводы Демидова.

Там, через несколько лет, он и нашёл свою большую семью в местечке Нижний Тагил. Приехал в нищий рабочий посёлок, где нашёл и обнял давно потерянных родичей. Престарелую маму, двух увядающих снох и пятерых малых племянников. К тому времени, отец его Прохор и два его брата уже умерли от непосильной работы.

Глеб. Заключение

Выйдя из скорого поезда, Глеб огляделся по сторонам. Не заметил ничего особо тревожного. Слегка успокоился и устало направился к ближайшей остановке маршруток. Нужно сказать, что поездка в Подгорск оказалась куда утомительней, чем он себе представлял.

Теперь ему нестерпимо хотелось поскорее добраться до уютной квартиры. Съесть что-то горячее, приготовленное любящей мамой. Немедленно завалиться в кровать и, как следует выспаться. Тем более, что завтра с утра, снова придётся идти на работу.

– Глеб! – послышался голос у него спиной. По правилам хорошего тона, нужно было тотчас обернуться и посмотреть, кто его окликает? Однако, парень так сильно устал, что болтать с кем-то сейчас ему совсем не хотелось. Сделав вид, что не расслышал громкого крика, он двинулся дальше.

– Глеб! – окликнули его снова, но уже гораздо настойчивей: – Прохоров!

Сердце у парня тревожно заныло. Видно, начиналась очередная непростая история...

–10.10.2023